

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

На правах рукописи

БОЦ ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА

**РЕЧЬ ПРЕЗИДЕНТОВ РОССИИ И США:
СПОСОБЫ И СРЕДСТВА РЕАКЦИИ НА КРИТИКУ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент О. В. Мякшева

Саратов – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	13
1.1 Исследование языковой личности в рамках антропоцентрической парадигмы	13
1.1.1 Антропоцентрическая парадигма: аспекты становления	13
1.1.2 Коммуникативная деятельность языковой личности	17
1.1.3 Языковая личность политика в СМИ	20
1.2 Диалог и его характеристики	22
1.2.1 Диалог: общая характеристика. Принцип кооперации Г. П. Грайса	22
1.2.2 Политический диалог и его особенности	32
1.2.3 Жанры политического интервью и пресс-конференции	33
1.3 Президентский дискурс и его характеристики	37
1.4 Критика в аспекте аксиологических исследований	40
1.4.1 Понятие ценности и нормативности	40
1.4.2 Категория оценки в языке	41
1.4.3 Понятие критики как разновидности отрицательной оценки	44
1.4.4 Критика как способ провокации	48
1.5 Интент-анализ как метод выявления глубинных целевых установок субъекта коммуникации	54
Выводы из 1 Главы	56
ГЛАВА 2. СПОСОБЫ И СРЕДСТВА РЕАКЦИИ НА КРИТИКУ В РЕЧИ В.В. ПУТИНА	59
2.1 Изучение речи В. В. Путина в современной лингвистике	59
2.2 Композиционные характеристики ответных реплик В. В. Путина на критику	65
2.3 Семантический анализ ответных реплик диалогических единств	89
2.4 Нарушение постулатов принципа кооперации в ответных фрагментах диалогических единств в речи В. В. Путина	97

Выводы из 2 Главы	106
ГЛАВА 3. СПОСОБЫ И СРЕДСТВА РЕАКЦИИ НА КРИТИКУ В РЕЧИ	
Б. ОБАМЫ	107
3.1 Изучение речи Б. Обамы в отечественной и зарубежной лингвистике	107
3.2 Композиционные характеристики ответных реплик Б. Обамы на критику	118
3.3 Семантический анализ ответных реплик диалогических единств	139
3.4 Нарушение постулатов принципа кооперации в ответных фрагментах диалогических единств в речи Б. Обамы	148
3.5 Семантико-стилистический анализ вербальных реакций на критику в речи Б. Обамы в сопоставлении с речью В. В. Путина	152
Выводы из 3 Главы	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
Список использованной литературы	168
ПРИЛОЖЕНИЯ:	191
Примеры диалогических единств, состоящих из иницилирующей реплики говорящего, содержащей критику, и реагирующей реплики президента	

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних десятилетий в лингвистике наблюдается интерес к исследованиям в области политического дискурса и дискурса СМИ. Причиной такого пристального внимания учёных к изучению языка политики и языка массовой коммуникации стало повышение значимости коммуникативного взаимодействия между обществом и государственными структурами, которые этим обществом управляют. Попытка приблизиться к демократии наделила граждан достаточно широким кругом прав и свобод, сделала возможным существование гласности и легальной оппозиции. Первые результаты диалога между властью и обществом сразу же нашли отражение в исследованиях языка СМИ, политической лингвистике, коммуникативной лингвистике, культуре речи и т.д.

Одной из ключевых задач власти стала демонстрация своей открытости и внимания к народу. В результате произошли изменения в общении политика и журналиста, появились новые разновидности устного публичного диалога. С развитием медиасреды «политический дискурс в наши дни образовал неразрывное единство с дискурсом медийным в его основных видах – компьютерно опосредованном, телевизионном и традиционно бумажном» [Карасик 2020: 314]. Однако основная коммуникативная цель участников политического интервью осталась неизменной. Неоспоримым является факт, что общение редко бывает бескорыстным, и приоритетной целью журналиста является получение максимума информации [Мельник 2008: 11]. До настоящего времени сохраняет свою актуальность понимание Ф. М. Булгариным роли журналиста, сложившееся ещё в царской России. По его мнению, журналист является посредником между властью и обществом. Он доносит до общества намерения власти и информирует власть об общественном мнении в виде, например, критических высказываний о мерах правительства (цит. по: [Алтунян 1998: 9]).

Под критическими высказываниями, или критикой, применительно к политическому интервью мы понимаем эксплицитно выраженную

негативную оценку действий президента и правительства в целом. Негативная оценка эксплицируется в иницилирующих репликах журналиста при помощи различных языковых средств. Как правило, профессиональный этикет журналиста и различие в социальном статусе собеседников не позволяют переходить на личности. Поэтому объектом отрицательной оценки становится не сам президент, а его действия или позиция, занимаемая относительно происходящих в стране событий. Исключение в отношении автора критического высказывания составляет жанр «прямой линии» с В. В. Путиным, где иницилирующая реплика произносится не журналистом, а «человеком из народа». Однако, по нашему мнению, вероятность спонтанности высказываний в данном жанре крайне мала. Как и журналист, представитель из народа не является собственно субъектом критики, а выступает в роли транслятора общественного мнения. Поэтому считаем допустимым не учитывать этот фактор при проведении исследования.

Проблематика оценочных высказываний рассматривается в работах таких лингвистов, как Е. М. Вольф (1985), Н. А. Лукьянова (1986), Н. Д. Арутюнова (1988), В. И. Шаховский (1990), И. Г. Дьячкова (1998), И. В. Бессонова (2003), М. В. Петрушина (2005), А. С. Яковлева (2006), А. А. Матвеева (2011), А. В. Голоднов (2011), К. М. Шилихина (2013), С. В. Ильясова (2014), О. Л. Бессонова (2019) и др. В работах, посвященных изучению политического дискурса, негативные оценочные высказывания рассматриваются как средство провокации. О. С. Иссерс понимает провокацию как речевой раздражитель, целью которого является эмоциональная дестабилизация и, в результате, получение желаемой информации. Исследователь определяет речевую провокацию как «коммуникативный сбой, сознательно организованный говорящим» [Иссерс 2009: 94]. Провокация, по мнению О.С. Иссерс, “побуждает партнера к таким речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия” [Иссерс 2009: 95].

Терминологическая база данного исследования включает понятия, требующие предварительного разъяснения. Понятие *способ* употребляется нами как “зонтиковый” термин [Воркачев 2003: 5], обладающий метаязыковым потенциалом и объединяющий весь комплекс речевых действий, направленных на реализацию коммуникативных задач говорящего. Этот комплекс в терминологии различных направлений изучения устной речи имеет разные обозначения: в коммуникативно-прагматических исследованиях используются термины стратегия и тактика, в риторике – техника, в аргументативном дискурсе – приём и т.д. Под *средствами* мы понимаем прагматически обусловленное усилием говорящего воплощение *способов* в языковых единицах разного уровня.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что, несмотря на многочисленные работы в области риторики и ораторского искусства [Лунев, Соснин 1993], [Михальская 1998], [Стернин 2008], конфликтологии [Емельянов 2009], психологии общения, культуры речи [Граудина, Ширяев 1999], посвященные изучению способов реакции на критику, до сих пор особенности реакции адресата на негативные оценочные высказывания в политическом дискурсе не являлись предметом особого внимания лингвистов. Исследование, проводимое на материале речевого поведения президентов, позволяет использовать богатый корпус текстовых записей их устной речи и добавить новые оттенки к уже довольно полно составленному речевому портрету руководителей государств.

Объектом послужило 331 диалогическое единство, состоящее из иницилирующей реплики адресанта, содержащей критику, и реагирующей реплики президента. Непосредственному исследованию подвергалась реагирующая реплика.

Объект исследования был отобран методом сплошной выборки из стенографированных текстов интервью и пресс-конференций с участием президента России В. В. Путина (173 диалогических единства) и президента США Б. Обамы (158 диалогических единств). Общий объем исследуемого

материала составил 170922 словоупотреблений, из него – 91417 словоупотреблений в стенографических текстах интервью и пресс-конференций с участием В. В. Путина и 79505 – с участием Б. Обамы.

Предмет исследования – способы и средства реакции на критику в ответных репликах президентов В. В. Путина и Б. Обамы из диалогических единств, состоящих из иницирующей реплики говорящего (преимущественно журналиста), содержащей критику, и реагирующей реплики президента.

Цель исследования – охарактеризовать способы реагирования на критику в президентском дискурсе, языковые средства их воплощения, выявить факторы, влияющие на их выбор.

Данная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) проанализировать стенограммы пресс-конференций и интервью с президентами России и США и выделить диалогические единства, содержащие вопросы с элементами критики;
- 2) определить композиционные характеристики реагирующих реплик В. В. Путина и Б. Обамы и проанализировать их с позиции элементов коммуникативной ситуации;
- 3) охарактеризовать ведущие стратегии речевого поведения президентов при реагировании на критику и комплекс языковых средств их реализации;
- 4) провести анализ реагирующих реплик с целью определения наиболее частотной лексики, образующей семантические центры, и сопоставить полученный результат с коммуникативными задачами президентов;
- 5) используя понятие семантической доминанты текста (Г. Г. Полищук), уточнить ведущие линии речевого поведения в речи президентов при реагировании на неудобные вопросы;
- б) выявить прагматический потенциал уклонения от ответа на вопросы, содержащие критические высказывания и таким образом установить имплицитированные интенции В. В. Путина и Б. Обамы;

7) сравнить особенности реагирования на критику в речи российского и американского президентов с целью определения индивидуальных и лингвокультурных особенностей их речи.

Цель и задачи диссертационного исследования обуславливают применение комплекса **методик**, включающих функционально-семантический, дискурсивный, дефиниционный, сравнительный анализ, контент- и интен-анализ, метод компьютерной обработки текста.

Материалом исследования послужили текстовые записи пресс-конференций и интервью действующего президента России В. В. Путина и 44-го президента США Б. Обамы в период их нахождения в должности президента (В. В. Путин – с 2000 по 2008 г. и с 2012 по 2019; Б. Обама – с 2009 по 2017г.).

Теоретическую базу исследования составили труды российских и зарубежных лингвистов, посвященных изучению: языковой личности (Г.И. Богин, В.В. Виноградов, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, О.В. Ломакина, В.П. Нерознак, К.Ф. Седов, А.П. Седых, О.Б. Сиротина, И.П. Сусов и др.), речевой деятельности и культуры речи (М.М. Бахтин, Г.П. Грайс, И.А. Зимняя, Т.В. Николаева, Е.В. Сидоров, О.Б. Сиротина, Н.И. Формановская, Н.Ю. Шведова, Л.В. Щерба, Е.О. Кеenan, R. Lakoff и др.), семантике оценочных высказываний (Н.Д. Арутюнова, И. В. Бессонова, Е.М. Вольф, И. Г. Дьячкова, Н. А. Лукьянова, Т. В. Маркелова, М. В. Петрушина, В. Н. Телия, В. Е. Чернявская, В. И. Шаховский и др.), политического дискурса (Р. Водак, М.В. Гаврилова, О.С. Иссерс, В. И. Карасик, С.П. Поцелуев, Е.В. Саунина, О. В. Спиридовский, А.П. Чудинов, А.В. Худяков, Е.И. Шейгал, С. Andone, L. N. Berlin, G. Craig, I. Fairclough, N. Fairclough, A. Fetzer и др.), теории аргументации (В.А. Винокур, Л.К. Граудина, С.И. Поварнин, Н.Е. Тогошиева, Е.Н. Ширяев, F.N. Eemeren, A. Partington и др.), коммуникативным стратегиям и тактикам (Н.А. Антонова, Е.Н. Бондаренко, А.В. Голоднов, В.Б. Кашкин, И.В. Кузнецов, М.В. Никифорова, О.Н. Паршина и др.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Критика в публичном диалоге с президентом является понятием аргументативной природы, объединяющим жанры обвинения, упрека, укора и другие типы речевого поведения, содержащие негативную оценку действующей власти. Критика является одной из форм коммуникативной провокации, обусловленной задачей представителя СМИ, как медиатора общественного мнения, выведать нужную информацию. Критика эксплицируется в инициирующих репликах журналиста преимущественно посредством лексики с негативной оценочной семантикой.

2. Реагирующая реплика президентов обладает признаками текстовой организации (имеет введение, основную часть и заключение). В структуре реагирующих реплик прослеживается схематичность и повторяемость коммуникативных тактик, что послужило основанием для построения их композиционных схем. Способы и средства реагирования на критические высказывания в президентском дискурсе варьируются в зависимости от составляющих коммуникативной ситуации – субъекта критики, объекта критики и интенсивности критики.

3. Общими стратегиями при реагировании на критику в российском и американском политическом дискурсе являются информационно-интерпретационная и аргументативная стратегии. Однако способы реализации этих стратегий отличаются: если для речи российского президента характерны полемические тактики, то в риторике американского президента преобладают тактики формирования эмоционального настроения адресата. Различия в способах реагирования на критические высказывания в речи президентов обусловлены речевым имиджем политика и той ролью (моделью речевого поведения), которую он выбирает на основе прогнозирования аудитории. Определяющим фактором выбора здесь являются особенности менталитета народа, формирующие его языковую картину мира.

4. Сходства в использовании языковых средств в речи обоих президентов обусловлены аналогичными условиями коммуникативной ситуации, но в стилистике их высказываний обнаруживаются различия. Если для В. В. Путина характерно использование стилистически маркированной лексики (в том числе разговорной, просторечий, жаргонизмов и др.) как экспрессивного средства убеждения и сближения с массовым адресатом, то стилистический фон ответных реплик Б. Обамы более нейтрален и формируется посредством фразеологических единиц (поговорок, крылатых выражений), риторических фигур (перифраз, параллелизм) и тропов.

5. Автоматизированные системы поисковой оптимизации текстов (SEO) в сети Интернет дают исследователю возможность быстро анализировать большие объемы материала. Семантический анализ ответных реплик, проводимый с помощью сервиса Advego, способствует оптимизации получения количественных данных. Определение семантических центров в текстах ответных реплик президентов позволяет установить смысловые акценты в речи президентов России и США. Увеличение частотности лексических единиц, обладающих прагматическим потенциалом, свидетельствует об актуализации аргументативных тактик при реагировании на критику.

6. Нарушение постулатов принципа кооперации Г. П. Грайса, возникающее при ответе на критическое высказывание, может рассматриваться как явление своеобразного коммуникативного саботажа, продиктованного задачами профессиональной этики президента, – сгладить возможные конфликты и не допустить разглашения стратегически важной информации.

7. Применение структурно-семантического подхода к анализу текстов ответных реплик президентов при реагировании на критику и определение семантических доминант в их речи позволяют обнаружить магистральные линии их речевого поведения, уточнить способы воздействия на массового

адресата, провести своеобразный срез состояния и развития современного общества и проследить различия в менталитете народов.

Научная новизна заключается в выявлении и комплексном анализе способов и средств актуализации коммуникативных интенций при реагировании на критические высказывания в российском и американском президентском дискурсе; определении композиционных схем ответных фрагментов диалогических единиц с учетом составляющих коммуникативной ситуации; демонстрации оптимизирующего потенциала применения автоматизированных систем семантического анализа текста; определении прагматической роли нарушения постулатов принципа кооперации Г. П. Грайса при реагировании на критику в президентском дискурсе. Понятие семантической доминанты, традиционно используемое в изучении целостности художественного текста (Г. Г. Полищук), позволило уточнить магистральные линии речевого поведения, параллельно формирующиеся в речи президентов при реагировании на неудобные вопросы.

Теоретическая значимость исследования обусловлена: 1) установлением комплекса способов и средств реагирования на критические высказывания в речи глав государств, 2) определением прагматической роли нарушения постулатов принципа кооперации, 3) обнаружением коммуникативных интенций глав государств, обусловленных профессиональными задачами и лингвокультурологическим фактором.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов в курсах риторики и культуры речи, политической, коммуникативной лингвистики, конфликтологии, в исследованиях языка СМИ, а также при подготовке руководителей высшего звена к публичному диалогическому общению.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования опубликованы в 9 работах, в том числе в четырёх из списка рекомендованных ВАК научных журналов, и были представлены на

Всероссийской конференции молодых учёных «Филология и журналистика в XXI веке», посвящённой памяти профессора Я. И. Явчуновского (Саратов, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского», 24-26 апреля 2013 г.); Всероссийской конференции молодых учёных «Филология и журналистика в XXI веке», посвящённой 115-летию профессора Т. М. Акимовой (Саратов, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского», 23–25 апреля 2014 г.); III Международной научной конференции "Стилистика сегодня и завтра", (Москва, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 24-25 апреля 2014 г.), IV Международной научной конференции «Изменяющийся мир: общество, государство, личность» (Саратов, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского», 09 апреля 2015 г.); I Международной научно-практической конференции «Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты» (Саратов, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», 24-25 ноября 2016 г.); VII Всероссийской научно-практической конференции «Личность – Язык – Культура», посвящённой 110-летию Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (Саратов, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского», 27-28 ноября 2019 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав («Теоретические основы исследования», «Способы и средства реакции на критику в речи В. В. Путина» «Способы и средства реакции на критику в речи Б. Обамы»), заключения, списка использованной литературы и приложения, включающего образцы диалогических единств, состоящих из иницирующей реплики говорящего, содержащей критику, и реагирующей реплики президента.

ГЛАВА 1 Теоретические основы исследования

1.1 Исследование языковой личности в рамках антропоцентрической парадигмы

1.1.1 Антропоцентрическая парадигма: аспекты становления

На рубеже XX–XXI вв. на смену системно-структурной парадигме, в центре которой находилось исследование языковой системы, приходит антропоцентрическая парадигма. Лингвисты этого нового направления ставят своей задачей «изучение не языка в человеке, а человека в языке» [Трошина 2010: 5].

Д. И. Иванов и Д. Л. Лакербай отмечают, что “движение от системно-структурного языкознания к антропоцентрическому едва ли можно представить в виде прямой линии – ни одно из направлений далеко не исчерпало себя, а само движение во многом осмысляется через метафору «возврата к корням»” [Иванов, Лакербай 2016: 82]. В представлении ученых, “становление антропоцентрической парадигмы – процесс глобальный и многоплановый, восстанавливающий исходные глубинные философские интуиции лингвистики и в то же время выводящий её в такое пространство, где она способна дать новое прочтение многих сторон человеческого бытия” [Иванов, Лакербай 2016: 82].

Различные аспекты жизни человека и его деятельности являются предметом изучения антропологии и её разделов – религиозной, педагогической, культурной и др. Каждое из этих направлений представляет взаимосвязь человека с различными аспектами бытия. Религиозная антропология рассматривает человека в связи с божественной сущностью и верой в сверхъестественные силы, педагогический дискурс изучает становление человека как личности во взаимодействии с остальными членами общества. Объектом изучения культурной антропологии становится создание и развитие человеком культурного пространства, преемственность культур и их взаимодействие друг с другом.

Язык, как неотъемлемая часть культуры человека, оказывается в поле зрения философов. Объектом внимания ученых становятся особенности мышления человека и влияния языка на мировосприятие. Особо значимым научным открытием в этой связи принято считать гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Согласно данной теории, язык представляет собой не только средство выражения мыслей, но самой своей формой предопределяет образ мышления человека. Научные представления о национальной самобытности языка, способной оказывать влияние на восприятие окружающего мира, реализуются в лингвистике в виде термина “картина мира”, который связывают с именем В. Гумбольта. Дальнейшее изучение процессов получения, накопления и обмена информацией, а также факторов, влияющих на эти процессы, нашло отражение в когнитивных, прагмалингвистических, коммуникативно-дискурсивных и др. направлениях лингвистики. Вслед за Т.Л. Зенковой, мы считаем возможным подвести все эти направления под общий знаменатель антропоцентрической парадигмы, поскольку объектом изучения каждого из этих подходов является человек [Зенкова 2010].

Основными направлениями антропоцентрической парадигмы в лингвистике становятся когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Когнитивная лингвистика исследует процессы восприятия мира и накопления знаний, тогда как лингвокультурологии отводится роль раскрытия взаимодействий между культурой и языком. По определению В.Н. Телия, лингвокультурология изучает “воплощенные в живой национальный язык материальную культуру и менталитет и проявляющиеся в языковых процессах в их действенной преемственности с языком и культурой этноса” [Телия 1996: 216]. Также исследователь делает акцент на анализе культур в определенный период времени на основе коммуникативных процессов и связанных с ними языковых выражений.

Лингвокультурологические исследования позволяют анализировать культуры как опосредованно, так и в сопоставлении друг с другом. Слияние

методологического аппарата лингвокультурологии и сравнительного языкознания говорит о появлении нового направления в лингвистике – сопоставительной лингвокультурологии. В области сопоставительной лингвокультурологии проводят исследования Г.М. Алимжанова [Алимжанова 2010], В.В. Воробьев и Г.М. Полякова [Воробьев, Полякова 2012), М.В. Моисеев и Н.Г. Гичева [Моисеев, Гичева 2009] и др.

По мнению В.В. Воробьева и Г.М. Поляковой, сопоставительная лингвокультурология представляет собой “новое научное направление, прикладной аспект лингвокультурологии, который изучает процессы взаимодействия языков, культур и наций как целостных структур единиц в единстве их языковых и неязыковых (культурных) содержаний сквозь призму родного языка, с ориентацией на новую жизнь общества, систему культурных ценностей, обусловленных новым мышлением” [Воробьев, Полякова 2012: 15]. Новая жизнь и новое мышление, в представлении исследователей, объясняются глобализационными процессами и необходимостью учитывать картину мира представителей разных культур.

Г. М. Алимжанова также считает, что помимо изучения взаимосвязи языка и культуры, в задачи лингвокультурологии входит “установление способов, выработанных языком для выражения культуры, исследование национально-культурной составляющей дискурса, выявление, изучение и описание кодов культуры, эталонов культуры” [Алимжанова 2010: 36].

В качестве предмета сопоставительной лингвокультурологии В.В. Воробьев и Г.М. Полякова называют “сходства и различия двух и более культур <...>, нашедших отражение в языковых единицах, выявленных на материале сопоставляемых языков” [Воробьев, Полякова 2012: 15].

Носителем культуры и языка всегда является человек, поэтому лингвокультурологические исследования невозможны без учета либо персонифицированной личности как собирательного образа представителя национального характера, либо отдельно взятой личности. Понятие о языковой личности является в лингвокультурологии базовым. По мнению

С.Г. Воркачева, “основу категориального аппарата лингвокультурологии составляют понятия языковой личности и концепта” [Воркачев 2001: 64].

Понятие *языковая личность* пришло в языкознание из литературоведческих исследований. В. В. Виноградов отмечает роль И. А. Бодуэна де Куртенэ в определении языковой личности как “вместилища социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения и смешения разных социально-языковых категорий” [Виноградов 1977: 61]. В дальнейшем языковую личность избирают объектом своих научных исследований такие ученые-лингвисты, как Г. И. Богин, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. В. Леденёва, О. В. Ломакина, В. П. Нерознак, К. Ф. Седов, А. П. Седых, О. Б. Сиротинина, И. П. Сусов и др.). В современной лингвистике определяются характерные особенности различных её типов (русская языковая личность, американская языковая личность, элитарная языковая личность, народная языковая личность, детская языковая личность, женская языковая личность и др.), исследуется языковая личность писателей и поэтов (А.А. Вознесенского, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М.И. Цветаевой, А.П. Чехова и др.), представителей определенной профессии (языковая личность переводчика, судебного оратора, спасателя и др.).

Рассуждая о возможности определения национальных черт характера на основе анализа языковой личности, Ю. Н. Караулов выделяет три уровня её изучения: нулевой, первый и второй. Нулевой уровень именуется так, поскольку даёт представление о семантических и лексико-семантических отношениях и отражает степень владения обыденным языком, но бессодержателен в плане изучения языковой личности. На нулевом уровне можно проследить инвариантный набор “структурных черт общенационального языкового типа”, сохранившийся на фоне исторических преобразований [Караулов 2010: 37]. Первый уровень изучения языковой личности позволяет выявить специфические особенности и установить иерархию “смыслов и ценностей в её картине мира, в её тезаурусе” [Караулов

2010: 36]. Второй уровень следует за этапами выделения вариативной (изменяемой) и инвариантной (базовой) части структуры личности. Он позволяет раскрыть мотивы и цели, которые движут языковой личностью и влияют на формирование иерархии смыслов и ценностей.

1.1.2 Коммуникативная деятельность языковой личности

Коммуникация как “сообщение или передача средствами языка содержания высказывания” [БТС 2000: 445], «сообщение, передача мыслей» [Ушаков 2014: 235] и связанная с ней деятельность по обмену информацией является неотъемлемой частью жизни языковой личности. Коммуникативная деятельность представляет собой «ролевое исполнение речевой деятельности» [Сидоров 2009: 20]. Вслед за И. А. Зимней, под речевой деятельностью мы понимаем «активный, целенаправленный, мотивированный, предметный (содержательный) процесс выдачи или приема сформированной и сформулированной посредством языка мысли, направленной на удовлетворение коммуникативно-познавательной потребности человека в процессе общения» [Зимняя 2001: 51].

Факторы, определяющие речевое поведение личности в процессе коммуникации, наиболее лаконично, на наш взгляд, представлены в исследовании Н. И. Формановской. Как утверждает автор, «каждая языковая личность в общении наделена коммуникативными, социальными и психологическими ролями, совокупность которых создаёт варианты речевого поведения, воплощающиеся в бесконечном разнообразии высказываний и текстов» [Формановская 1998: 82]. В условиях официального общения речевая деятельность протекает «не иначе как в социальных условиях» [Щерба 2004: 29] и в процессе коммуникации говорящий осуществляет речевую деятельность «в соответствующей социальной роли отправителя или адресата сообщения» [Сидоров 2009: 20]. Социальная роль участника коммуникации определяется социальным статусом человека. Под социальным статусом понимается «соотносительное положение человека в

социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [Карасик 2002: 5].

Одной из наиболее важных составляющих эффективной коммуникации как устной, так и письменной, является учёт адресата [Сиротинина 2018: 61]. В ставшей уже классикой работе “Фактор адресата” Н.Д. Арутюнова утверждает, что «всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата», а «обработка речи происходит под давлением адресата», хотя «и многое дурное в языке стимулировано адресатом» [Арутюнова, 1981: 357-359].

Совместные речевые действия адресанта и адресата формируют коммуникативное единство, сопровождаемое общим “конвоем” [Николаева 2015: 16], под которым в современной лингвистике понимается “не военное, не только контекстное, но и экстралингвистическое (кто, кому, зачем, в каких случаях)” [Сиротинина 2016: 11] явление.

От того, как адресат проявит себя “в условиях коммуникативного творчества” [Логинов 2009: 49], зависит успешность коммуникации. Однако, по мнению Е. В. Сидорова, роль адресата не ограничивается его непосредственным участием в акте речевой коммуникации. Ещё более значима роль адресата в «согласовании <...> коммуникативной деятельности говорящего с образом коммуникативной деятельности адресата (и его личности) в целом и с образами её отдельных составляющих» [Сидоров 2009: 54]. К числу этих составляющих автор относит способность речевосприятия, психическое состояние, преследуемые при восприятии текста цели, возраст, социальный статус, половую принадлежность, знание языка, ценностные ориентиры, когнитивную базу, стереотипы восприятия, коммуникативный и жизненный опыт и другие, «в той степени, в какой эти и другие свойства реципиента могут быть известными или предполагаемыми говорящим» [Сидоров 2009: 54]. Актуальность адресации текстов широкой аудитории послужила толчком к выделению категории «образа адресата» как «важного

прагматического фактора в плане взаимоотношения «автор-адресат» [Каминская 2009].

«Образ адресата» коррелирует с типологией адресата, предложенной О. Б. Сиротининой:

1 Персональный адресат – виден адресанту, известна степень его компетентности, то есть способности восприятия обращенной к нему речи;

2 Публичный адресат – виден адресанту, в достаточной мере известна степень его компетентности;

3 Массовый адресат – не виден адресанту, невозможно прогнозировать его компетентность [Сиротинина 2018: 61-62].

Как нам видится, предложенная типология адресата основана на принципе “коммуникативной дистанции”, то есть “показателе территориальности в общении, передаваемом с помощью языка, невербальных средств и коммуникативных стратегий” [Леонтович 2003: 384].

По мнению О. Б. Сиротининой, в современных ток-шоу присутствуют «два массовых адресата: массовый за пределами студии и массово-публичный, присутствующий в студии и реагирующий на высказывания участников ток-шоу аплодисментами» [Сиротинина 2018: 62].

Мы считаем возможным предположить, что существуют такие жанры современной устной коммуникации, в которых обнаруживаются все три типа адресата. Например, в жанре “прямой линии”, где с вопросом к президенту напрямую может обратиться любой гражданин страны, выделяются персональный адресат (тот, кто задает вопрос), публичный адресат (присутствующие в аудитории представители СМИ) и массовый адресат (телезрители и слушатели радиоэфира). Справедливо будет усомниться в том, можно ли в данной ситуации считать человека, задающего вопрос, персональным адресатом. С одной стороны, мы не можем утверждать, что “многое об адресате известно” [Сиротинина 2018] и приравнять его к близко знакомому человеку, с другой – вопросу всегда предшествует преамбула, в которой президенту сообщается о возрасте, месте проживания, роде

деятельности и социальном статусе собеседника. Таким образом, есть основание полагать, что дополнительная информация об адресате персонифицирует его и способствует его переходу из “массово-публичного” [Сиротинина 2018] в персональный.

1.1.3 Языковая личность политика в СМИ

В настоящее время характерной особенностью языка политики является то, что «средой его существования является массовая информация, и в силу ориентации политического общения на массового адресата этот язык лишен корпоративности, присущей любому специальному языку» [Карасик 2002: 234]. Под корпоративностью здесь, очевидно, понимается языковая ориентированность на некий социальный институт.

Как отмечает Н. Джонс, «среди политиков и журналистов, а также среди множества комментаторов, распространено мнение, что отношения между политиками и прессой как в Соединенных Штатах, так и в Великобритании крайне напряженные» [Jones 1996: 20]. Р. Водак считает, что “политический язык находится между двумя полюсами – функционально обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией” [Водак 1997: 24]. Язык политики рассчитан на определенную группу, которая должна быть хотя бы элементарно подготовлена к восприятию сообщения. Язык политики выполняет некую рекламную функцию в том смысле, что, оставаясь «языком для посвященных», он, одновременно, должен быть в некотором смысле доступен широким массам («чужим»), которые прислушиваются к сказанному и в случае принятия определенных идей готовы перейти в класс «своих» [Водак 1997: 24].

Изучением языковой личности в политической сфере занимается лингвополитическая персонология – новое научное направление, возникшее на базе политической лингвистики и лингвистической персонологии. В основе понятийно-терминологического аппарата лингвополитической

персонологии лежит термин “языковая личность (политика)” [Мадалиева 2011; Нехорошева 2012 и др.]. По мнению А.П. Чудинова, характерными чертами данного феномена являются синкретичность и многомерность, которая определяется соединением индивидуальных и институциональных черт политика [Чудинов 2018: 15].

Предметом научного интереса становятся речевые проявления политических деятелей разного звена, но наибольший интерес у исследователей вызывает языковая личность главы государства.

Причина подобной тенденции вполне объяснима, ведь президент не только ключевая политическая фигура государства, но и его центральная языковая личность. Речь президента постоянно транслируется через СМИ, анализируется политологами и лингвистами, переводится на другие языки, расходуется на цитаты. Речь президента охватывает обширный культурный контекст и затрагивает огромное количество вопросов жизни общества. Изучение речи президента как типичного представителя политического дискурса позволяет увидеть лингвокультурную составляющую общества “в разрезе”, понять и проанализировать процессы, происходящие в сфере современной публичной коммуникации.

В продолжение мысли о роли языковой личности в определении доминант национального характера и в рамках настоящего исследования считаем особенно важной идею А.П. Чудинова о том, что “публичная речевая деятельность первых лиц государства всегда идеологизирована и отражает ключевые аспекты национально-культурной риторики: выбор политиком языковых средств во многом обусловлен той системой ценностных принципов и ориентиров, которые в целом определяют специфику национального самосознания членов лингвокультурного сообщества” [Чудинов 2018: 18].

Поскольку речь президента ориентирована прежде всего на массового адресата и выбор языковых средств предопределен ценностными ориентирами и мировоззрением нации, можно говорить о том, что данный

аспект его речи коррелирует с одним из основных принципов эмоционального воздействия на массовую аудиторию, а именно: с апелляцией к ценностям. Попытаемся в своём материале это обнаружить.

1.2 Диалог и его характеристики

1.2.1. Диалог: общая характеристика. Принцип кооперации Г. П. Грайса

Традиционно в лингвистике принято различать две формы речи по количеству участников коммуникации — монолог и диалог. В современных исследованиях большое внимание уделяется анализу диалогической речи поскольку, по выражению М.М. Бахтина, диалогические отношения пронизывают все сферы жизнедеятельности человека. Похожая мысль была высказана ещё в словаре Л. И. Жиркова, где автор утверждает, что «в широком смысле слова все формы нашей речи представляют собой элементы диалога» [Жирков 1946: 33].

Словарь лингвистических терминов О. С. Ахмановой трактует диалог как «одну из форм речи, при которой каждое высказывание прямо адресуется собеседнику и оказывается ограниченным непосредственной тематикой разговора. Диалог характеризуется относительной краткостью отдельных высказываний и относительной простотой их синтаксического построения» [Ахманова 1966: 127].

В представлении О. Н. Лагуты, диалог представляет собой «форму речевой коммуникации, участники которой, находясь, как правило, в непосредственном контакте, обмениваются репликами-высказываниями, связанными единой темой» [Лагута 2000: 58].

Полный словарь лингвистических терминов Т. В. Матвеевой определяет диалог как «обмен репликами-высказываниями, тесно связанными между собой и создающими общее для партнеров речевое произведение» [Матвеева 2010: 88].

Т. В. Жеребило понимает диалог как «форму устной речи, разговор двух или нескольких лиц; речевую связь посредством обмена словами, фразами по какой-либо теме» [Жеребило 2010: 92].

На основе приведенных определений диалога можно выделить следующие характерные особенности организации диалогического общения:

- 1 адресность;
- 2 мена ролей «говорящий-слушающий»;
- 3 лаконичность;
- 4 тематическая релевантность;
- 5 связность реплик.

Думается, что сформулированные учеными характеристики диалога лежат в основе построения диалога эффективного. Близкие по смыслу правила (постулаты) речевого общения отражены Г.П. Грайсом в рамках принципа кооперации. Считаю необходимым, в связи с целями нашего исследования, здесь вернуться к детальному рассмотрению принципа кооперации по Г. П. Грайсу и определению диалога и имплицатуры, которые предшествуют принципу кооперации. Необходимость обращения к первоисточнику – Г.П. Грайсу – связана с тем, что интерпретация его концепции и её перевод на русский язык был осуществлен более 40 лет назад, новая парадигма мышления, как представляется, может обнаружить новые смыслы.

В определении Г. П. Грайса диалог представляет собой не разрозненную последовательность реплик, а является сознательной совместной деятельностью участников, в основе которой находится общая цель или направление. Цель диалога может быть определена изначально (эксплицитно) или возникать во время общения, а может оставаться размытой на протяжении всего разговора. Однако при любой степени оформленности цели участники коммуникации избирательно относятся к репликам и исключают те из них, которые неуместны для данной коммуникативной ситуации [Грайс 1985: 222].

Проводя границу между тем, что говорится и что подразумевается, Г. П. Грайс вводит понятие имплицатуры. При этом он выделяет конвенциональные и неконвенциональные имплицатуры, и, как подкласс, коммуникативные имплицатуры. Очевидно, что конвенциональный смысл высказывания тесно связан с общепринятым значением языковых единиц и правилами их употребления. Отсюда следует, что конвенциональная имплицатура может быть определена говорящими интуитивно. Напротив, наличие коммуникативной имплицатуры должно выводиться логически, с опорой на следующие пять пунктов:

1. конвенциональное значение слов и знание их референтов;
2. принцип кооперации и постулаты;
3. контекст высказывания;
4. фоновые знания;
5. условие, что обоим участникам коммуникации доступна указанная выше информация и оба они осознают этот факт [Грайс 1985: 227].

В основе принципа кооперации, о котором говорилось выше, лежит идея о том, что на каждом этапе диалога участники должны совершать коммуникативный вклад, соответствующий выбранной цели этого диалога. Для выполнения принципа кооперации необходимо руководствоваться конкретными постулатами (максимами). Г.П. Грайс разделяет постулаты на четыре категории по аналогии с кантовскими категориями рассудка, а именно: категории Количества, Качества, Отношения и Способа.

Ввиду важности для нашего дальнейшего исследования размышлений ученого, остановимся на этих категориях подробнее.

- 1 Категория Количества определяет объем передаваемой информации. Согласно постулатам, входящим в данную категорию, высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется для достижения цели диалога.

- 2 Категория Качества объединяет два постулата истинности, которые гласят, что высказывание не должно содержать ложной информации, либо фактов без достаточных доказательств.
- 3 Категория Отношения включает лишь один постулат релевантности. Сам Г.П. Грайс испытывал затруднения в объяснении действия этого постулата на практике, а именно: при каких обстоятельствах “отклонение от темы” допустимо и какие типы релевантности возможно выделить.
- 4 Категория Способа указывает на то, как нужно формулировать свои мысли, чтобы выразаться ясно и быть понятым собеседником. Сюда относятся постулаты о краткости, организованности, необходимости избегать неоднозначных и непонятных выражений.

Г. П. Грайс говорит о том, что не все постулаты имеют одинаковый вес. Например, соблюдение постулатов истинности, входящих в Категорию Качества, является первостепенной задачей участника коммуникации. Обо всех остальных постулатах справедливо говорить лишь как о второстепенных.

Все перечисленные постулаты сформулированы с той позиции, что цель участников общения — максимально полный и эффективный обмен информацией. Однако, по признанию самого Г.П. Грайса, это слишком узкое определение. Данный комплекс постулатов необходимо привести к общему виду, чтобы его можно было применить к различным целям, например, оказанию влияния или управлению действиями людей [Грайс 1985; Grice 1989].

Несмотря на то, что Г.П. Грайс считает соблюдение принципа кооперации обязательным условием для достижения конечных целей коммуникации, он выделяет несколько способов “обойти” постулаты, а именно:

1. несоблюдение постулата;

2. уклонение от соблюдения отдельно взятого постулата, либо от принципа кооперации в целом;
3. конфликт выполнить один постулат, не нарушив при этом другой;
4. нарушение постулата или откровенный отказ от его соблюдения.

В рамках данного исследования особое внимание стоит уделить группе приводимых Г.П. Грайсом примеров, в которых говорящий “эксплуатирует постулат”. По мнению ученого, конечной целью нарушения постулата является создание коммуникативной имплицатуры. Говорящий вкладывает в высказывание иной смысл, отличающийся от того, который можно передать конвенциональными средствами, и имплицитует его с помощью несоблюдения того или иного постулата. Например, нарушая первый постулат категории Количества (“высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется”), говорящий передает недостаточно информации на уровне текста, но само замалчивание требуемых фактов позволяет ему “передать сведения, которые он не желает сообщать прямо” [Грайс 1985: 222].

Анализируя примеры нарушения постулата Качества, запрещающего сообщать собеседнику заведомо ложную информацию, Г.П. Грайс классифицирует их с точки зрения использования риторических фигур: иронии, метафоры, литоты и гиперболы. Рассмотрим приведенный Г.П. Грайсом пример употребления иронии. Двое собеседников обсуждают некое третье лицо X, и обоим известно, что X нечестно поступил с одним из говорящих. В процессе общения один собеседник говорит: “X — *настоящий друг*”, очевидно, подразумевая тем самым обратное. Отметим, что коммуникативная имплицатура данного высказывания будет выведена только в том случае, если адресат владеет контекстом и может уловить ироническую подоплеку.

Несмотря на то, что принцип кооперации нашел широкое применение у лингвистов, возможность его использования для исследования речевого

общения в рамках конкретного дискурса вызывает у многих ученых сомнения, обусловленные рядом причин.

Во-первых, отсутствует определенность в ключевых понятиях “ясности”, “правды”, “релевантности” и др., так как все они относительны.

Во-вторых, по мнению Р. Лакофф, сами по себе постулаты Г.П. Грайса проблематично использовать для анализа речевого общения, так как они были сформулированы совсем для других целей, нежели для понимания того, как функционирует дискурс. В рамках повседневного разговора постулаты редко представлены самостоятельно, а понимаются через правила импликатуры. Если проанализировать любой повседневный разговор с позиции одних лишь постулатов, то говорящие будут казаться странными, обезличенными, часто буквально невразумительными [Lakoff 1982: 32].

В-третьих, в разных типах дискурса принципы речевого общения проявляются по-разному. В некоторых из них говорящий сознательно пренебрегает постулатами Кооперации, действуя согласно социальным принципам, либо своим собственным целям. Например, в персуазивном дискурсе нарушение постулата категории Способа “Выражайся ясно” проявляется в намеренном несоблюдении грамматических и лексических норм языка, создании неологизмов и т.д. Цель здесь одна — произвести эффект новизны и неожиданности, оказать воздействие на аудиторию и убедить её совершить определенное действие (купить товар или услугу, проголосовать за кандидата и т.д.) [Lakoff 1982: 35, Иссерс 2008: 66]. О.С. Иссерс считает, что для политического дискурса характерны нарушения постулатов Качества (“истинность”) и Способа (“ясность”). По мнению ученого, причиной тому служит различие в коммуникативных целях говорящих, где один стремится получить максимум информации, а другой — скрыть и завуалировать её. Поэтому О. С. Иссерс предлагает рассматривать не только принцип кооперации, но и принцип некооперации.

На основе данного предположения она делит речевые стратегии на кооперативные и некооперативные (конфронтационные) [Иссерс 2008: 70].

Применяя принцип кооперации к изучению речевого общения, следует также учитывать культурологический аспект. Как отмечалось выше, многие лингвисты считают, что теория Г. П. Грайса, где условием успешной коммуникации считается наиболее эксплицитное выражение значения, является универсальной. Тем не менее, её актуальность для разных культур (или контекстов) может различаться. Р. Лакофф призывает допустить мысль о том, что в некоторых культурах ясность не является идеалом, а действия, основанные на ясности, далеки от нормы. Следовательно, необходимо переосмыслить свое отношение к универсальности принципов Грайса. Возможно, пишет Р. Лакофф, мы приходим к выводу, что, как и многие другие лингвистические теории, принцип кооперации основан на недостаточном понимании незападных культур. А значит, он может адекватно применяться лишь к культурам, сходным с западной [Lakoff 1984: 482].

Несмотря на исследования, “разоблачающие” миф об универсальности принципа кооперации, Э. О. Кинан подчеркивает тот факт, что сам Г.П. Грайс предполагал невозможность применения постулатов к речи в определенных сферах жизни общества. Э.О. Кинан обнаруживает, что, подобно малагасийской культуре, в западных культурах также имеются социальные факторы, ограничивающие объем сообщаемой информации. По мнению исследователя, “в нашем обществе говорящий не удовлетворяет потребность собеседника в информации в том случае, если это влечет за собой нежелательные для него последствия <...> То, насколько информативно открытым является человек, зависит от социальных ролей собеседников, например, от профессии” [Keenan 1976: 79]. Э. О. Кинан убеждена, что подобные ситуативные ограничения нуждаются в тщательном рассмотрении. По её мнению, изучение сходств и различий в соблюдении/несоблюдении отдельно взятых постулатов позволит выявить ценностные ориентиры представителей разных культур или социальных

групп в составе одного общества [Keenan 1976: 79]. Попытаемся в своей работе затронуть и эту проблему.

Нельзя отрицать тот факт, что принцип кооперации Г. П. Грайса был и остается одной из наиболее разработанных и апробированных теорий речевого общения. Со времени своего появления (1975 г.) максимы и постулаты Г. П. Грайса вызывают неизменный интерес среди ученых по всему миру (Иссерс, 2008; Keenan, 1976; Lakoff, 1984; Senft, 2018), поэтому есть основание говорить о том, что за это время были обнаружены “подводные камни” данной теории. При правильном подходе, опираясь на опыт исследователей, накопленный за более чем четыре десятилетия, представляется возможным попытаться обойти эти “камни”.

За единицу настоящего исследования, как указано во Введении, принято диалогическое единство (далее – ДЕ). Этот термин был введен Н.Ю. Шведовой для определения единицы диалога на основании его структурно-семантических свойств [Шведова 1960]. Понятие прочно закрепилось в сознании лингвистов, занимающихся изучением диалога, и нашло отражение в статьях современных лингвистических словарей. Так, Т.В. Матвеева определяет диалогическое единство как “мини-диалог, комплексную единицу диалога, представляющую собой объединение двух или нескольких речевых актов на тематической и/или психологической основе. В материальном выражении ДЕ представляет собой объединение соседних реплик диалога на коммуникативно-психологической основе, объем такого объединения определяется информативной и психологической исчерпанностью данного этапа общения с позиции речевых партнёров” [Матвеева 2010: 90].

Говоря о структуре ДЕ, Т. В. Матвеева выделяет первую реплику-стимул, возникающую на основе интенций говорящего, и вторую реплику, представляющую собой реакцию на стимул. Реплика-реакция может послужить стимулом для продолжения общения, о завершении ДЕ свидетельствует “психологическая исчерпанность” разговора. Последняя

реплика ДЕ зависит от предыдущего контекста и непонятна без него [Матвеева 2010: 91]. Смена темы разговора позволяет говорить о “двухтемном” ДЕ. Однако более важным аспектом ДЕ является, по мнению Т.В. Матвеевой, “психологическое движение от “тематического энтузиазма” к тематической исчерпанности” [Матвеева 2010: 91].

В Словаре лингвистических терминов Т. В. Жеребило под ДЕ понимается “структурно-смысловая общность, текст двух или более участников речи” [Жеребило 2010: 92]. По мнению этого ученого, ДЕ обеспечивается наличием одной темы, согласием или несогласием собеседников. ДЕ – последовательность взаимосвязанных реплик, объединенных:

- 1) накоплением информации по данной теме;
- 2) мотивированностью форм;
- 3) сцеплением, опорой на предыдущую или последующую реплики.

Связь реплик осуществляется:

- 1) в виде цепочки взаимосвязанных словоформ;
- 2) через параллельность, однотипность строения [Жеребило 2010: 92].

Выделяются отдельные типы ДЕ, такие как:

- 1 Информативное ДЕ – построенное как вопросно-ответное сочетание реплик. Вопрос адресанта сменяет ответ адресата речи, задача которого – выбор информации для сообщения ее собеседнику. Информация может уточняться, в связи с чем информативное ДЕ расширяется за счет соответствующих реплик. Для ситуативно-обусловленного информативного ДЕ характерна структурная неполнота второй реплики, представляющей в коммуникативном плане *рему* и содержащей информацию о *теме*, ради которой и возникает то или иное диалогическое единство. Информативное ДЕ в реальной жизни не сводится к жесткой последовательности *вопрос-ответ*. Между вопросительной и ответной репликами могут располагаться:

- 1) переспросы;

- 2) встречные вопросы;
- 3) вопросы-цитации – вопросы о высказывании;
- 4) восклицания, отражающие эмоциональное состояние говорящих [Жеребило 2010:126].

2. Директивное (прескриптивное) ДЕ – диалогическое единство, в котором репликой-стимулом служит прямое или косвенное побуждение, а ответной репликой является реакция на него: согласие или отказ, несогласие, запрещение.

Побуждение носит разный характер:

- 1) мольба;
- 2) приказ;
- 3) команда [Жеребило 2010: 94].

3. Оценочное ДЕ – нацелено на объединение реплик, прямо или косвенно выражающих оценку говорящим какого-л. предмета, явления или лица.

Используется ряд языковых средств:

- 1) оценочная лексика;
- 2) междометия;
- 3) сравнения;
- 4) слова качественной семантики [Жеребило 2010: 246].

4. Фатическое ДЕ – не предполагает продуктивного обмена информацией. В фатическом ДЕ реализуется контактоустанавливающая функция языка: общение осуществляется ради самого общения, сознательно или бессознательно оно направлено на установление или поддержание внешних контактов [Жеребило 2010: 428].

В рамках данного исследования мы не ставим своей задачей проанализировать исследуемый материал согласно типам диалогических единств. Отметим однако, что исследуемые нами диалогические единства в большой степени имеют признаки оценочных ДЕ.

1.2.2 Политический диалог и его особенности

С развитием информационных технологий и расширением сферы СМИ жанр публичного диалога претерпевает изменения, появляются его разновидности (беседа за круглым столом, политическое ток-шоу, “прямая линия” с президентом и др.) Представим, что перед исследователем стоит задача изучить не просто характеристики публичного диалога в общем смысле, а его специфической разновидности, как, например, публичного политического диалога. В таком случае, по мнению С.П. Поцелуева, классических трудов М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана оказывается недостаточно, поскольку их концепция диалога рассматривается исключительно с позиции литературоведения и культурологии. При этом не учитываются характерные особенности коммуникации в политической сфере [Поцелуев 2010].

Лоуренс Берлин и Анита Фетцер считают, что “политический диалог в СМИ представляет собой сложное явление, обладающее характеристиками институционального дискурса, медийного дискурса и опосредованного политического дискурса» [Berlin, Fetzer 2012: 6]. Авторы отмечают, что политический диалог отличается от бытового диалога, подчиняясь институциональным целям и регламенту. Политический диалог является публичным дискурсом, адресованным массовой аудитории. Эти характеристики позволяют выделить данный вид дискурса из числа остальных, таких как образовательный и правовой. По мнению исследователей, «обладая характеристиками опосредованного политического дискурса (см. Berlin 2011a, 2011b, Fairclough 1995, Fetzer and Lauerbach 2007), политический диалог представляет собой результат взаимодействия двух различных институциональных дискурсов – политического и медийного» [Berlin, Fetzer 2012: 6].

Л. Берлин и А. Фетцер отмечают гибридизацию политического диалога, которая проявляется в структурной организации, например, в отклонении от строгой вопросно-ответной последовательности в

политическом интервью [Berlin, Fetzer 2012: 8]. По мнению авторов, это может проявляться в изменении направления разговора, когда политик не дает прямой и уместный ответ на заданный вопрос. Вместо этого, политик меняет направление разговора таким образом, чтобы итог общения с представителем СМИ оказался ему максимально полезен. В случае если интервьюер настаивает на возвращении к изначально заданному вопросу, поведение политика может восприниматься как уклонение.

Другая форма отклонения от ожидаемого хода политического диалога появилась в результате смешения новых медийных форм и/или демократических и интерактивных процессов, когда члены аудитории берут на себя роль интервьюера и задают политику вопросы. Это происходит или напрямую, или опосредованно при помощи профессионального журналиста. [Berlin, Fetzer 2012: 8].

Интервью с главой государства (и пресс-конференция как его разновидность) служат медийной площадкой общения президента с массовым адресатом. Президент подводит итоги и отвечает на вопросы, организуя свою речь таким образом, чтобы оказать воздействие на аудиторию и упрочить доверие граждан. Рассмотрим каждый тип анализируемого в нашей работе публичного диалогического общения между президентом и представителями СМИ.

1.2.3 Жанры политического интервью и пресс-конференции

К характерным признакам жанра интервью Е.И. Голанова относит следующие: публичность, официальность, наличие определенной цели и обращенность к адресату [Голанова 2000: 252]. Обладая всеми этими признаками, политическое интервью имеет также ряд особенностей. Например, в ходе политического интервью в речи президента реализуется основная функция политического дискурса, функция воздействия на адресата. В исследованиях ученых-лингвистов эта функция языка именуется по-разному, при этом смысловое наполнение остается одинаковым. К

примеру, в ряде исследований эта функция называется «суггестивной» [Мурзин 1998, Романов 1998, Бехтерев 2001], Н.Б. Мечковская использует термин «регулятивная функция» [Мечковская 1996], а в работе Н.И. Лавриновой используется понятие «персуазивность» [Лавринова 2009]. Раскрывая смысл данной функции, А. П. Чудинов говорит о том, что «политическая коммуникация призвана эмоционально воздействовать на граждан, формировать в их сознании соответствующую политическую картину мира, преодолевать существующие в обществе противоречия» [Чудинов 2009: 67].

Как утверждает Дж. Крейг, “политические интервью в информационных передачах характеризуются большей степенью интеррогативности, чем в так называемом “легком медиа”, где взаимодействие между интервьюером и интервьюируемым может способствовать большему сотрудничеству в построении персонального повествования” [Craig 2016: 8].

Важной категорией любого диалогического текста, в том числе политического интервью, является тональность, которая задается ролью участников интервью. Т.В. Матвеева понимает тональность как «текстовую категорию, в которой находит отражение эмоционально-волевая установка автора при достижении конкретной коммуникативной цели» [Матвеева 1990: 83].

В работах зарубежных ученых распространено такое мнение о политическом интервью: при ответе на «неудобный» вопрос политики дают расплывчатые и уклончивые ответы, которые зачастую не имеют отношения к предмету разговора [Harris 1991: 83; Bavelas 1990]. По мнению Дж. Бавелас, уклонение от ответа может объясняться коммуникативной ситуацией конфликта типа «избегание-избегание», который состоит в выборе между двумя равно непривлекательными возможностями. Уклонение возникает в том случае, когда политик оказывается перед сложным выбором между двумя или несколькими аспектами коммуникативной ситуации, но, тем не

менее, должен ответить на вопрос. Приём уклонения является типичным для ситуаций, когда информация, необходимая для ответа на вопрос, недоступна или доступна, но не подлежит разглашению при текущих обстоятельствах [Chilton&Schaffner 1997: 212, Clayman&Heritage 2002: 264-269].

Изучению политического интервью посвящены также работы современного голландского лингвиста Корины Андоне [Andone 2011, 2013]. Предметом исследований лингвиста становятся вербальные реакции политика на обвинения в непоследовательности. Под непоследовательностью здесь стоит понимать расхождение между позицией политика и его действиями. По мнению ученого, в политическом интервью журналисты заинтересованы в получении информации от собеседника, но гораздо чаще их вопросы заставляют политика пояснять и оправдывать свои взгляды. Вопросы, посредством которых указывают на непоследовательность, представляют собой прекрасный способ заставить политика оправдать свои взгляды перед аудиторией слушателей, читателей и зрителей телевидения, последние являются основным адресатом политического интервью. Можно предположить, что аудитория ценит политическую последовательность и ждет, что непоследовательный в своих действиях политик объяснит причину недостатка последовательности.

Обвинение в непоследовательности может негативно сказаться на образе политика в глазах граждан страны. Политик, отдающий себе отчет в возможном ущербе, обычно пытается ответить так, чтобы больше не выглядеть непоследовательным. Он будет отрицать факт непоследовательности, указывая на смену обстоятельств, оправдывающих перемену в его взглядах, либо будет стараться не обсуждать критику [Andone 2013: 1–2].

Е.И. Шейгал относит пресс-конференцию к жанрам политической коммуникации на основании признака институциональности и определяет её как “статусно-индексальное общение на уровне “политик-граждане” через масс-медиа в качестве медиатора” [Шейгал 2000: 314].

По мнению Дж. Крейга, «в отличие от интервью, участниками которого являются двое, динамика пресс-конференции обычно позволяет политикам в большей степени контролировать взаимодействие. Для пресс-конференции характерна менее длительная и прямая интеррогация» [Craig 2016: 8].

Исследуя формы организации интервью, М. М. Лукина определяет пресс-конференцию как «коллективное интервью», организованное «по определенным информационным поводам с целью распространения, разъяснения или опровержения какой-либо информации» [Лукина 2003: 10]. Исследователь обращает внимание на такие экстралингвистические факторы, как заранее определенные время и место общения. М. М. Лукина отмечает, что наряду с другими формами интервью пресс-конференция всегда ограничена по времени, поэтому журналисту стоит поторопиться задавать вопросы. Автор говорит также о том, что в журналистской практике известны случаи, когда корреспонденты, приглашенные на пресс-конференцию по очень серьезному поводу, вступали в негласный сговор для того, чтобы задать все необходимые, в том числе нелюбезные, вопросы.

По мнению Н. Джонса, большинство политиков считают пресс-конференцию жанром, с которым особенно трудно справиться. Автор пишет, что «многие министры и члены парламента не скрывают этого и зачастую считают пресс-конференции очень утомительными. Им не нравится, что журналисты упорно повторяют вопросы на одну и ту же тему, чтобы добиться подробностей, или же выхватывают цитаты, которые подошли бы к заранее написанному сценарию» [Jones 1996: 20]. Н. Джонс отмечает, что политики отдают большее предпочтение интервью в прямом эфире, поскольку оно не занимает много времени, чаще всего проходит тет-а-тет и его легче выдержать [Jones 1996: 20].

В зависимости от информационного повода организации пресс-конференции с президентом, они могут быть разделены на два типа: событийные и календарные.

Событийные пресс-конференции посвящены, как правило, одному значимому событию внешней или внутренней политики, итогам участия в международном форуме или саммите, визиту главы другого государства и т.д. Отличительной чертой событийных пресс-конференций является их камерность и непродолжительность.

Календарные пресс-конференции проводятся на определенных этапах президентского срока (например, после инаугурации, переизбрания), а также в конце календарного года с целью подведения итогов. В отличие от событийной пресс-конференции, календарная охватывает широкий спектр вопросов, является продолжительней по времени и включает большое количество участников.

Формат пресс-конференции с президентом предполагает такую ситуацию общения, при которой роль интервьюера переходит от одного журналиста к другому. Несмотря на то, что инициирующая реплика в интервью и пресс-конференции произносится журналистом, главная роль в координации речевого поведения принадлежит президенту как собеседнику с более высоким социальным статусом. Таким образом, можно сказать, что публичный диалог с президентом относится к диалогу с вертикальным типом отношений.

1.3 Президентский дискурс и его характеристики

В настоящем исследовании используется социально-прагматический подход к определению дискурса, где дискурс понимается как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990], «текст, погруженный в ситуацию общения» [Карасик 2002]. Политический дискурс в свою очередь понимается как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич 1991:6]. Е. И. Шейгал определяет политический дискурс как институциональное общение, которое, в отличие

от лично-ориентированного, использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, т.е. обладает собственным подязыком (лексикой, фразеологией и паремиологией) [Шейгал 2000: 15].

По мнению Т. В. Харламовой, политический дискурс является отражением общественно-политической жизни страны, несет в себе элементы ее культуры, а также вбирает в себя черты национального характера, общие и национально-специфические культурные ценности [Харламова 2004: 240].

Среди множества подходов к определению политического дискурса и политической коммуникации наиболее близким нашей работе мы считаем определение Е. А. Поповой, которая характеризует политический дискурс следующим образом: “Политический дискурс, представляющий собой институциональный вид общения, определяется нами как текст, обусловленный ситуацией политического общения” [Попова 1995: 22].

Е. И. Шейгал разделяет функции политического дискурса на две категории на том основании, требуются ли для их реализации “специфические единицы и средства” [Шейгал 2000: 151]. К первой категории исследователь относит акциональную функцию и функцию контроля над установками и поведением электората. Как утверждает автор, последняя функция реализуется “не за счет специальных знаковых единиц, а вследствие осуществления тех или иных речевых действий, стратегий и тактик” [Шейгал 2000: 151-152]. Во вторую категорию автор включает функции, для осуществления которых необходимы специфические знаковые средства. К этим функциям относятся интерпретация, ориентация, интеграция, дифференциация, агональность и гармонизация. По мнению Е. И. Шейгал, функции политической коммуникации можно свести к трём:

1. ориентация – формулировка и разъяснение политической позиции,
2. интеграция – поиск и сплочение сторонников,
3. агональность – борьба с противником [Шейгал 2000: 152].

В начале 2000-х отправной точкой для многих исследований в области политической коммуникации становится научная работа Е. И. Шейгал, в которой автор подробно анализирует функциональную и жанровую природу политического дискурса. Представив политический дискурс в виде “сложного многомерного образования”, исследователь разграничивает составляющие его жанры по нескольким признакам: по параметру институциональности, по субъектно-адресатным отношениям, по социокультурному признаку, по событийной локализации, а также по характеру ведущей интенции [Шейгал 2000].

Жанровые особенности политического дискурса, раскрытые Е.И. Шейгал, получают развитие в исследовании О. Н. Паршиной, которая определяет стратегии и тактики в речи представителей политической элиты. Исследователь делает акцент на прагматическом аспекте стратегий и тактик, необходимых для решения коммуникативных задач в диалогических (теледебаты, ток-шоу, “прямая линия”) и монологических жанрах (инаугурационная речь, программная речь) политической коммуникации [Паршина 2005].

Современные исследования в сфере политической коммуникации позволяют говорить о таком отдельном направлении в дискурсивных исследованиях, как президентский дискурс. И в этом отношении согласимся с К. Ф. Седовым в том, что “каждая разновидность дискурса нуждается в более детальном членении, сочетающем в себе представления о специфике той или иной социальной сферы общения и индивидуальных особенностей языковых личностей, принимающих участие в интеракции” [Седов 2016: 21].

Необходимость подобного “дробного членения” продиктована особенностями жанрового пространства президентского дискурса и различием коммуникативных целей политика и президента. Ученые отмечают способность президента оказывать влияние на жанровую составляющую. Так, М. В. Гаврилова полагает, что “с приходом к власти В. В. Путина в политическом дискурсе расширился жанровый диапазон и

частотность выступлений лидера страны” [Гаврилова 2004: 20], а также что “в дискурсивной практике президента наблюдается тенденция к увеличению количества новых жанров, призванных удовлетворить возросшие потребности информационного общества, тенденция к диалогическому открытому общению с гражданами страны, открытость для прессы” [Гаврилова 2004: 24].

В представлении О. В. Спиридовского, жанровое пространство президентского дискурса “определяется социокультурными условиями существования дискурса, историческими традициями самого института президентства в той или иной стране” [Спиридовский 2006: 11]. Влияние экстралингвистических факторов на формирование президентского дискурса отмечается также А.В. Худяковым, в определении которого президентский дискурс представляет собой “сложное и многомерное речевое образование, в котором наблюдается процесс взаимодействия речевых структур различных жанров с присущими им исторической изменчивостью, культурно-национальной обусловленностью и индивидуальными предпочтениями” [Худяков 2015: 206].

Исследователи президентского дискурса выделяют следующие его характеристики: 1) институциональность, 2) идеологичность, 3) риторичность, 4) интертекстуальность, 5) прецедентность (событийность) [Дотдаева 2013: 6].

1.4 Критика в аспекте аксиологических исследований

1.4.1 Понятие ценности и нормативности

Изучение оценочных высказываний предполагает владение понятийным аппаратом, применяемым в аксиологических исследованиях, поэтому дадим определения важным для нашей работы понятиям *ценность* и *нормативность*. В «Большом энциклопедическом словаре» *ценность* определяется как «положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом,

определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности» [БЭС Электронный ресурс].

Опираясь на дефиниции понятия *нормы*, данные в философских словарях (НФЭ 2010: 108; НФС 1998: 472), В.Е. Чернявская устанавливает основные, исходные позиции в определении *нормативности* [Чернявская 2014: 10]. Считаю излишним приводить здесь описание всех позиций, скажем только об определении нормативности как системе оценок, т. е. как социальной категории. По мнению В. Е. Чернявской, «система оценок и их критерии складываются под воздействием культурно-исторической ситуации, следовательно, мера и границы нормативной стабильности культурно-специфичны» [Чернявская 2014: 10]. Говоря о стилевой норме, исследователь указывает на неразрывную связь с понятием коммуникативной нормы, которая «регулирует языковое употребление в связи с индивидуальными, ситуативными и жанрово-специфическими условиями общения» [Чернявская 2014: 10].

1.4.2 Категория оценки в языке

Проблематика оценочных высказываний в лингвистике рассматривается в работах таких ученых, как Н. А. Лукьянова (1986), Н. Д. Арутюнова (1988), В. И. Шаховский (1990), Т.В. Маркелова (1993), И. Г. Дьячкова (1998), Е. М. Вольф (2002), М. В. Петрушина (2003), И. В. Бессонова (2003) и др.

По мнению Е. М. Вольф, «оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой» [Вольф 2002: 5].

Е. М. Вольф говорит о таком явлении, как аксиологический оператор «хорошо/плохо», и предлагает отличать оценку как различие по признаку «хорошо/плохо». Согласно наблюдениям ученого, несмотря на двойственный характер аксиологического оператора, большинство лингвистических и

логико-философских исследований посвящены изучению лишь положительного оператора («хорошо»), тогда как отрицательный аксиологический оператор («плохо») остается малоизученным.

Согласно Е. М. Вольф, оценка может выражаться на разных уровнях языка:

- 1 морфологическом,
- 2 лексическом,
- 3 синтаксическом.

На уровне морфем оценка выражается с помощью аффиксов (ср. *собака – собачонка*), на лексическом уровне – с помощью слов с оценочной семой (ср. *мальчик* и *умница*, *желтый* и *хороший*). В отличие от слов с нейтральным значением, «вторые слова в каждой паре включают оценочные семы» [Вольф 2002: 6]. Существуют отдельные группы слов для выражения оценки, прежде всего, они представлены прилагательными и наречиями. Е. М. Вольф обращает особое внимание на то, что способы выражения отрицательной оценки в семантическом плане более разнообразны (ср. *Молодец!*; *Прекрасно!*; *Великолепно!* – одобрение; *Негодяй!*; *Что ты натворил!* *Как тебе не стыдно!* – порицание). Автор говорит о том, что в некоторых высказываниях сами по себе слова могут не обладать оценочным смыслом, а приобретают его только в сочетании с другими лексемами (ср. *Он художник* (классификация) — *Он истинный художник!* (оценка). Модальный предикат *истинный* актуализирует признаковую сему, и высказывание приобретает оценочный характер [Вольф 2002: 8].

Обязательными элементами оценки являются субъект и объект, связанные оценочным предикатом. В зависимости от коммуникативной ситуации субъектом оценки может являться лицо или группа лиц. В. Н. Телия утверждает, что «субъект оценки не всегда «переживает» оцениваемое: тот или иной выбор средств оценки – нейтральных или экспрессивно окрашенных – детерминирован целью сообщения (в которой может преобладать рациональное или эмотивное начало), свойствами самого

объекта и общественной значимостью его ценности» [Телия 1986: 36]. Автор считает, что «оценочная деятельность как процесс, связанный с практической ориентацией, <...> когнитивна по своей цели, поэтому когнитивное начало действует как доминирующее, охлаждая эмоциональный пыл, даже если он имел место в момент оценочного акта. По этой причине эмоциональный субстрат нейтрализуется в оценочном значении: в таком значении доминирует не эмотивное, а рациональное отношение к миру» [Телия 1986: 55].

Отрицательная оценка в высказывании может выражаться с большей или меньшей силой. Е.Ю. Джандалиева классифицирует высказывания по степени интенсивности отрицательной оценки. Она выделяет четыре семантических типа неодобрения, одним из которых является осуждение. Говорящий считает себя носителем определенных норм и убежден, что собеседник сознательно нарушает их. Он рассчитывает на осознание собеседником своей ошибки, признание им неправоты или вины за совершенное действие [Джандалиева 2008: 14].

В данном исследовании мы ориентируемся, прежде всего, на коммуникативно-прагматический подход к изучению оценочных высказываний. Особенно важным для нас является эмоциональное воздействие, которое отрицательная оценка способна оказать на адресата. Прагматический аспект значения оценочных высказываний определяет их значимость в решении определенных коммуникативных задач. Так, Е. М. Вольф считает, что «оценочные высказывания могут рассматриваться как особый вид иллокутивных актов, где действуют специфические именно для них иллокутивные силы, целью которых является вызвать у собеседника перлокутивный эффект, эмоциональную реакцию» [Вольф 2002: 166].

По мнению Т. В. Маркеловой «одобрительные или неодобрительные оценки вызывают определенные эмоциональные реакции адресата, в которых заинтересован субъект оценки» [Маркелова 1993: 105]. Изменение эмоционального состояния является значимым, потому что «может

непосредственно влиять на порождение и восприятие речи – основных процессов речевой коммуникации, и соответственно коммуникативная удача/неудача находится в прямой зависимости от эмоционального состояния коммуникантов» [Барташова, Полякова 2009: 5].

1.4.3 Понятие критики как разновидности отрицательной оценки

Прежде чем приступить к анализу способов и средств реагирования на критику в речи президентов, рассмотрим определения понятия *критики*. Это необходимо для того, чтобы выделить из диалогического единства те вопросы, в которых содержится критика, чтобы анализировать реакцию на неё президентов.

Кроме того, обращение к понятию *критика* в данной работе связано с поиском методологической базы и понятийного аппарата для анализа аргументирующей речи политика как реакции на критику в рамках публичного диалога в медийном пространстве. В качестве обоснования такого решения приведём мнение В. И. Конькова, который говорит о необходимости найти “другие подходы к изучению медиаречи, которые бы позволили описывать речевую практику СМИ в её целостности и полноте” [Коньков 2016:109].

Поскольку основу исследуемого материала составляет публичная речь политика, необходимо опираться на опыт ученых в сфере политической лингвистики. Кроме того, мы должны также учитывать особенности диалогического общения, присутствие элементов конфликта и аргументации, а также “актуальной медиаречи” [Коньков 2016:107].

Обратившись к исследованиям в области риторики, психологии, аргументативного дискурса, конфликтологии и языка СМИ, мы обнаружили, что понятие «критика» используется в этих работах для обозначения «неодобренных высказываний», «отрицательной оценки», «порицания» и т.д. (см. работы: [Лунев, Соснин 1993], [Михальская 1998], [Граудина, Ширяев 1999], [Стернин 2008], [Емельянов 2009]).

Анализируя лингвокультурные характеристики концепта “критика”, Н. В. Гаврилова отмечает наличие в его ядерной части признаков “оценка” и “реализация в форме активной речевой деятельности” [Гаврилова 2007: 12].

Обратимся для прояснения особенностей значения слова *критика* в разных лингвокультурах к толковым словарям русского и английского языков. При анализе словарных статей мы учитываем сформулированный И.А. Стерниным принцип дополнительности словарных дефиниций, который состоит в следующем: «каждая из дефиниций разных словарей отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга. <...> Все словарные дефиниции разных словарей дополняют друг друга в описании значения слова как единицы системы языка» [Стернин 2012: 16]. Прежде всего нас интересуют дефиниции, в которых присутствует семантика “оценивание” и “отрицательная оценка”, “выражение неодобрения”, поскольку именно так понимается критика в нашем исследовании.

Значение оценивания в определении лексемы *критика* находим в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой.

“**Критика** -и, [жен. род] 1. Обсуждение, разбор чего-н. с целью оценить, выявить недостатки. Критика и самокритика. Ниже всякой критики или не выдерживает никакой критики (нечто очень плохое). 2. Отрицательное суждение о чем-н., указание на недостатки (разг.). Навести критику на что-н. 3. Разбор и оценка литературных, музыкальных, театральных и других художественных произведений. Музыкальная к. Театральная к. Отдел критики в толстом журнале. II прил. критический, -ая, ое. Критическое выступление. Критическая рецензия. Критика отдел в журнале” [Ожегов, Шведова Электронный ресурс].

В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля приводится следующее определение критики:

“Критика ж. розыск и суждение о достоинствах и недостатках какого-либо труда, особенно сочинения; разбор, оценка. *Историческая критика*, разбор бытейский, розыск о событиях, очистка их от прикрас и искажений. *Людской критики не избежать*, пересудов, осуждений, охуждений” [Даль Электронный ресурс].

Дефиниции слова *критика*, данные в толковых словарях русского языка, позволяют говорить о том, что наиболее распространенным в русской лингвокультуре является представление о критике как о “разборе”, “обсуждении”, “оценке”. Предположительно, причиной тому является богатая традиция русской литературной критики, представление о которой прочно закрепилось в сознании русского человека. Отсюда и связанное с этим представлением первичное и наиболее часто используемое значение слова *критика*.

В толковых словарях русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (1986), С.А. Кузнецова (2000), а также С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (2006) определение критики как негативного суждения о чем-либо имеет стилистическую помету, указывающую на принадлежность данного варианта значения слова к разговорному стилю.

Лексеме критика в русском языке соответствует лексема *criticism* в английском языке. Обращение к словарным статьям официальных интернет-сайтов толковых словарей английского языка, таких как *Macmillan Dictionary*, *Cambridge Dictionaries Online*, *Longman Dictionary of Contemporary English Online*, *Oxford Learner’s Dictionaries* и *Merriam Webster* позволило получить следующие результаты.

В словаре *Macmillan* лексеме *criticism* (критика) даются следующие определения: 1) *comments that show that you think something is wrong or bad* (комментарии, которые показывают, что вы считаете что-либо неправильным или плохим – прим Т. Б.); 2) *the activity of giving your professional opinion about things such as new books, plays, or films* (деятельность по выражению

вашего профессионального мнения относительно новых книг, театральных постановок или фильмов – прим Т. Б.) [Macmillan Электронный ресурс].

Словарная статья словаря Cambridge определяет criticism (критику) следующим образом: 1) the act of saying that something or someone is bad (акт говорения, что что-либо или кто-либо является плохим – прим Т. Б.);

2) the act of giving your opinion or judgment about the good or bad qualities of something or someone, especially books, films, etc. (акт выражения своего мнения о хороших и плохих качествах чего-то или кого-то, особенно книг, фильмов и т.д. – прим Т. Б.) [Cambridge Электронный ресурс].

Словарь современного английского языка Longman Dictionary of Contemporary English дает следующее определение criticism (критике): 1. remarks that say what you think is bad about someone or something (замечания, которые показывают, что вы думаете плохо о ком-то или чем-то – прим Т. Б.); 2. writing which expresses judgments about the good or bad qualities of books, films, music etc. (письменный текст, выражающий суждение о хороших и плохих качествах книг, фильмов, музыки и т.д. – прим Т. Б.) [Longman Электронный ресурс].

Дефиниции лексемы criticism были также обнаружены в словаре Oxford: 1). the act of expressing disapproval of somebody/something and opinions about their faults or bad qualities; a statement showing disapproval (акт выражения неодобрения кого-либо/чего-либо и мнение об их недостатках или плохих качествах; высказывание, выражающее неодобрение – прим Т. Б.); 2) the work or activity of making fair, careful judgments about the good and bad qualities of somebody/something, especially books, music, etc. (работа или деятельность по выражению справедливых, взвешенных суждений о хороших и плохих качествах кого-либо/чего-либо, особенно книг, музыки и т. д.– прим Т. Б.) [Cambridge Электронный ресурс].

Сходные с перечисленными выше значения представлены в словаре Merriam Webster: 1. the act of criticizing usually unfavorably (акт критического оценивания, обычно в неблагоприятном свете– прим Т. Б.); 2. the art of

evaluating or analyzing works of art or literature (искусство оценивания или анализа произведений искусства или литературы – прим Т. Б.) [Merriam Webster Электронный ресурс].

Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что определения лексемы criticism во всех рассматриваемых толковых словарях английского языка содержат оценочное слово bad (рус. “плохой”), а также семантически близкие слова wrong (рус. “неправильный”) и disapproval (рус. “неодобрение”) и unfavourably (рус. “неблагоприятно”). Значения opinion (рус. “мнение”), judgement (рус. “суждение”) и evaluating (рус. “оценивание”) занимают вторичную позицию на оси частотности.

Таким образом, можно утверждать, что в сознании носителей английского языка слово criticism имеет значение “вербального выражения неодобрения, указания на недостатки и отрицательные стороны человека, предмета или действия”.

1.4.4 Критика как способ провокации

Критика в СМИ может рассматриваться как один из способов провокации политика. Провоцирование в психологии – это “символическое представление говорящим реально испытываемых или имитируемых эмоций, чувств, состояний с целью заразить ими собеседника и вызвать у него аналогичное внутреннее состояние” [Степанов 2008: 10].

В лингвистических исследованиях провокация понимается как речевой раздражитель, целью которого является эмоциональная дестабилизация и, как результат, получение желаемой информации. В понимании О. С. Иссерс, речевая провокация представляет собой «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо на дестабилизацию его эмоционального состояния. Таким образом, провокация побуждает партнера к таким речевым

реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия [Иссерс 2009: 93-94].

Подобного мнения о провокации, побуждающей собеседника к “невыгодным для него действиям”, придерживается и Е. Н. Бондаренко. Под невыгодными действиями в данном случае понимается сообщение собеседнику информации, которая не сообщается при “других (“мягких”) условиях общения” [Бондаренко 2016: 123]. Исследователь выделяет провокацию как особую речевую стратегию, направленную на достижение коммуникативных целей собеседников. В качестве критерия реализации этой стратегии предлагается фактор негативности информации. Е. Н. Бондаренко утверждает, что “одним из критериев проявления провокационного содержания материала является присутствие негативной информации, чья отрицательная направленность отражается в коммуникативных намерениях адресанта” [Бондаренко 2016: 123].

Е.Н. Бондаренко отмечает зависимость квалификации провокаций от характера исследуемого текста и предлагает несколько этапов лингвистической экспертизы для их выявления, в результате которых определяется следующее :

- 1 Наличие негативной информации. На данном этапе применяется лексико-семантический анализ для определения единиц с отрицательной семантикой и качественно-количественный анализ текста для выявления частотности лексических компонентов по заданной проблеме.
- 2 Коммуникативное намерение автора сообщения. Происходит на основании содержания текста и применяемых речевых тактик. Эксперт выделяет в тексте глаголы, отражающие коммуникативную интенцию автора (“помочь”, “опорочить” и т.д.), а также грамматические формы, способствующие этой цели (повествовательные предложения). К речевым тактикам, направленным на “выведывание информации” и побуждающую

адресата к нежелательным для него действиям, Е.Н. Бондаренко относит “принуждение через обвинение” и “апелляцию к слухам”.

- 3 Наличие провокаций. В качестве маркеров провокации исследуются определенные языковые и речевые средства разных уровней. Например, идиоматические выражения, используются говорящим в несвойственном для них контексте с “чуждой им синтаксической организацией” для придания сообщению большей эмоциональности и побуждения адресата к совершению действия [Бондаренко 2016: 123].

Подобная схема лингвистической экспертизы, по нашему мнению, может применяться к текстам различных дискурсов, в которых провоцирование эмоциональной дестабилизации собеседника и раскрытие информации входит в коммуникативные задачи говорящего. Примером служат юридический дискурс, педагогический дискурс, политический дискурс, медийный дискурс и др. Будем иметь в виду данную схему при анализе способов и средств реакции на критику в речи президентов.

Как отмечает О. С. Иссерс, владение навыками организации диалога особенно актуально для представителей СМИ. По мнению исследователя, коммуникативные приемы организации диалога в рамках интервью в достаточной мере изложены в профессиональной литературе для журналистов. Что касается приемов речевой манипуляции для разоблачения собеседника и раскрытия его истинных намерений, они, по мнению исследователя, представлены недостаточно. Провокация как прием речевой манипуляции предстает в сознании носителей русского языка как отрицательное, конфликтогенное языковое явление. Однако в сфере профессиональной коммуникации она служит для реализации основной функции – получения информации. О.С. Иссерс выделяет крайние, эксплицитные формы провокации – брань, грубое требование и прямое оскорбление – и отмечает, что в жанре публичном диалога их использование

недопустимо. Поэтому провокация проявляется имплицитно, завуалированно, “а обнаруживается исходя из коммуникативной ситуации и контекста”, “по определенным показателям текста” [Иссерс 2009: 96].

О.С. Иссерс осознает актуальность исследования речевой провокации и выделяет речевые тактики (приемы) на материале провокационного интервью:

1. Тактики выведывания информации

1.1 “Игра по правилам”. Данная тактика применяется в том случае, когда собеседник имеет ограничения на выдачу информации в связи с занимаемой должностью или морально-этическими нормами. Журналист идет на уступки и принимает определенные метакоммуникативные правила, с помощью которых пытается получить нужную информацию.

1.2 “Частичный запрос”. Прием основан на отождествлении проблемы в целом и её частных аспектов. Интервьюер строит вопрос таким образом, чтобы собеседник своим ответом подтвердил причастность к ключевой проблеме.

1.3 “Установление связей и отношений”. В отличие от предыдущей тактики, здесь отождествление происходит по отдельному признаку. Пытаясь приблизиться к обсуждению интересующего объекта, интервьюер выясняет наличие связи с ним при помощи косвенных вопросов.

1.4. “Наведение темы”. В основе данной тактики лежит представление о схожести когнитивных фреймов и сценариев. Интервьюер по ассоциативному принципу находит в словах собеседника нечто, близкое интересующей его теме, и старается развить беседу в этом направлении.

1.5. “Принуждение через обвинение, или игра без правил”. Провокационный характер данной тактики проявляется в намеренном нагнетании ложных фактов и угроз, побуждающих интервьюируемого к ответу.

1.6. “Апелляция к слухам”. Данный прием строится по принципу уточнения сведений с целью получения достоверной информации.

Выражается в форме прямого вопроса с семантикой сомнения, либо в виде предположения, требующего доказательств.

1.7. Комплимент. Стимулирующая функция комплементарного высказывания используется для побуждения партнера по коммуникации к раскрытию интересующей темы.

Получение нужной информации в публичном диалоге часто достигается путем оказания эмоционального воздействия на собеседника. О.С Иссерс выделяет отдельную группу дестабилизирующих тактик, при этом отмечая их схожесть с тактиками выведывания информации. Исследователь объясняет подобную избыточность тем, что одни и те же речевые приемы могут вызвать разную реакцию у собеседника.

2. Эмоционально дестабилизирующие тактики.

2.1. “Прямое и косвенное обвинение”. Прямое обвинение состоит в выражении отрицательной оценки слов или действий интервьюируемого. В отличие от оскорбления здесь не затрагиваются личностные качества человека. О. С. Иссерс выделяет приемы деэвфемизации (“переобозначение действий интервьюируемого через оценочные корреляты”) и персонификации, характерные для данной тактики. Обвинение может также строиться косвенно на основе подтекстовых смыслов, либо путем привнесения собеседника в контекст дискредитирующей его ситуации.

2.2. “Обвинение чужими устами”. Обвинение выражается косвенно путем передачи отрицательной оценки, высказанной третьим лицом. Таким образом, интервьюер дистанцируется от сказанного, чтобы не выглядеть автором негативного высказывания. Реакция собеседника при этом может быть непредсказуемой и резкой.

2.3. “Выражение недоверия”. Сомнение в истинности информации, излагаемой собеседником, способно нарушить его эмоциональный фон. Данный прием реализуется как напрямую, так и косвенно. Интервьюер может открыто указать на ложность информации, либо изобразить сомнение

при помощи повтора реплики собеседника (или её части) с соответствующей интонацией.

2.4. “Насмешка”. В открытой форме недопустима, и представляла бы собой грубую профессиональную ошибку журналиста. Поэтому реализуется неявно, в виде ироничного замечания.

О. С. Иссерс отмечает универсальный характер названных приемов речевой провокации и их вариативность, что объясняется схожестью когнитивных и психологических процессов, лежащих в основе речевого воздействия.

Проверим справедливость данных утверждений на более узком жанре публичного диалога – политическом интервью. Проводя исследования на материале политического интервью, Н. Н. Кошкарлова выделяет в вопросах журналиста следующие тактические приемы провоцирования политика:

- 1 Провоцирование через цитирование мнения третьей стороны.
- 2 Прямое провоцирование, выраженное эксплицитно через негативную характеристику слов или действий.
- 3 Косвенное провоцирование, реализуемое в виде намека, запроса информации.
- 4 Описание собственных чувств и эмоций как не вполне удовлетворяющих определенным стандартам.
- 5 Критика действий политика и руководимой им страны [Кошкарлова 2013: 32-34].

Приведенный список приемов коррелирует с некоторыми эмоционально дестабилизирующими тактиками, выделенными О.С. Иссерс (ср. “провоцирование через цитирование мнения третьей стороны” - “обвинение чужими устами”). Вероятно также, что приемы, приведенные в списке под № 2 и 5 схожи между собой и могут быть представлены в более сжатой форме.

Лаконичный список провокационных приемов выделяет Е. Н. Назарова. Сама провокация определяется ею как способ выбить

собеседника из колеи и получить дополнительную информацию [Назарова 2016: 86]. Исследователь определяет также метод провокации в журналистике – “неудобные вопросы”. К провокационным приемам, по её мнению, относятся: псевдофакты, неожиданные вопросы, вопросы, выходящие за пределы контекста беседы.

В следующих главах попытаемся использовать данные сведения при определении тактик поведения президентов как реакции на критику.

1.5. Интент-анализ как метод выявления глубинных целевых установок субъекта коммуникации

Одной из основных задач в изучении публичной речи является раскрытие истинного смысла сказанного. Связь между речевой деятельностью и глубинными целевыми установками субъекта коммуникации обнаруживается в современных исследованиях с помощью интент-анализа. Интент-анализ – это метод, разрабатываемый российскими лингвистами и психологами, используемый для раскрытия интенций говорящего в определенной коммуникативной ситуации.

Метод опирается на уже существующие подходы к анализу речи, такие как контент-анализ, дискурс-анализ и теорию речевых актов. Ученые отмечают возможность использования и других дополнительных техник. Они сравнивают эту особенность метода с открытым программным кодом, который может быть изменен и дополнен при решении конкретных задач [Павлова, Гребенщикова 2017: 12].

В основе интент-анализа лежит вопрос о значении понятия «интенция» и ее роли в речевом общении. В философской традиции существует разграничение понятий “интенциональность” и “интенция”. В понимании Ф. Brentano и Э. Гуссерля интенциональность представляет собой “направленность сознания на предмет”. Такого же мнения придерживается и Дж. Серль, определяя интенциональность как “свойство ментальных состояний и событий, посредством которых они направлены на объекты и

положения дел внешнего мира” [Серль 1987: 96]. Интенция, или намерение сделать что-то, по мнению Дж. Серля, является “лишь одной из форм Интенциональности”, “представляет собой один из видов Интенциональности наряду с другими” [Серль 1987: 98].

В современную лингвистику понятие *интенция* пришло стараниями последователей теории речевых актов и Дж. Остина как основоположника этого направления. Изначально новое понятие применялось при анализе высказывания для более детального описания его иллокутивной функции. Примечательно, что в некоторых случаях интенция определяется только в контексте коммуникации, часто по реакции собеседника, например: *Вы что, угрожаете мне?*

Понятие интенция находит отражение в словарях лингвистических терминов. Так, Т. В. Матвеева определяет интенцию как “субъективное желание говорящего строить высказывание с определенной целью, коммуникативное намерение, целевая установка” [Матвеева 2010: 129]. Согласно этому же словарю, после речевой реализации интенция преобразуется в коммуникативную цель. Между целью и интенцией говорящего может возникать несоответствие, как непреднамеренное, так и преднамеренное. Преднамеренное несоответствие возникает в том случае, когда говорящий пытается завуалировать свои истинные намерения благородными целями. Так происходит, например, при речевом манипулировании. Однако не все исследователи разграничивают интенцию и коммуникативную цель.

Другие словари определяют интенцию как “намерение говорящего или пишущего” [Жеребило 2010: 122].

Авторы метода (Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Латынов В.В., Цепцов В.А., Алексеев К.И.) вводят понятие «интенционального подтекста», который интуитивно улавливается участниками коммуникации и способствует более эффективному взаимодействию и достижению целей общения.

Особый интерес для нашей работы представляет направление исследования интенциональных характеристик речи в соотношении с экстралингвистическими факторами (Н.Д. Павлова). По мнению авторов (Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой), интенциональное состояние участников коммуникации определяет движение разговора [Павлова, Ушакова 2000:34].

Одним из направлений интен-анализа становится определение типовых интенций и интенциональных структур, характерных для определенных коммуникативных ситуаций. В исследовании предвыборных выступлений Н. Д. Павлова раскрывает интенциональную структуру в виде иерархически организованной системы. Интересной для нас здесь является мысль о взаимосвязи аполлогизации и критики, об уровнях сложности реализации интенции аполлогизации, о приемах интенциональной прозрачности и завуалированности [Павлова 2017: 15].

Интенции говорящего изучаются и за рамками интен-анализа. Так, говоря о завуалированности истинного смысла высказывания в диалоге, А.А. Зализняк отмечает, что их “реальная конфликтность” может быть “замаскирована совершенно “невинным” на первый взгляд буквальным смыслом произносимого текста, и может быть обнаружена лишь после реконструкции их “истинного смысла” [Зализняк 2004]. В работе Е. И. Шейгал интенциональная составляющая политической коммуникации становится одним из оснований для дифференциации жанров политического дискурса [Шейгал 2000].

Определение индивидуальных интенциональных компонент и их соотношения представляется одним из возможных направлений исследования речи В.В. Путина и Б. Обамы.

Выводы из 1 Главы

Реагирование президента на критику в рамках публичного диалога с представителем СМИ является многоаспектным объектом исследования, требующим понимания принципов построения и функционирования

публичного диалога, взаимосвязи элементов коммуникативной ситуации, коммуникативно-прагматических основ президентского дискурса, роли СМИ в жизни общества, профессиональных задач и этического кодекса журналиста, аксиологической природы критики, корпуса оценочных языковых средств и др.

Президент является центральной языковой личностью государства и транслирует в своей речи основные национально-культурные особенности общества и актуальные языковые тенденции. Речь президента идеологизирована и ориентирована на восприятие массовым адресатом, поэтому открывает для исследователя широкие перспективы анализа состояния современного языка.

Речевая деятельность президента в публичном диалоге продиктована социальным статусом главы государства и необходимостью реализовать коммуникативные задачи по сохранению и укреплению власти.

Определяющими факторами при взаимодействии президента со СМИ являются, во-первых, «фактор адресата» [Арутюнова 1981], то есть массовый адресат, на которого направлены суггестивные интенции глав государств, во-вторых, фон, или «конвой» [Николаева 2015: 16], на основе которого происходит общение, в частности, текущие общественно-политические события, в-третьих, главенствующая роль президентов в диалоге, обусловленная разницей в социальных статусах глав государств и представителей СМИ.

Коммуникативная ситуация диалогического общения президента и представителя СМИ осложняется противоположными задачами участников коммуникации. Профессиональной задачей журналиста как транслятора общественного мнения является получение информации по темам, волнующих граждан страны. Особое внимание зрительской и читательской аудитории удастся привлечь путем затрагивания острых общественно-политических тем, которые получают негативную оценку в речи журналиста.

Критика представляет собой неодобрительные высказывания (обвинения, упреки), реализуемые с помощью лексики с негативной оценочной семантикой. Анализ словарных дефиниций понятия критики обнаруживает общее для русского и английского языков представление о критике (criticism) как об акте указания на недостатки, порицании и упреке.

Умение реагировать на критику выполняет роль лакмуса и демонстрирует уровень коммуникативной компетенции говорящего, свидетельствуя об успешности межличностного общения или о коммуникативной неудаче. Однако соблюдение постулатов принципа кооперации (Качество, Количество, Способ, Манера) не является универсальным условием достижения успеха в межличностном общении. Так, в профессиональные задачи главы государства входит вуалирование информации, уход от конфронтации и стабилизация эмоционального настроения массового адресата. Реализация этих задач невозможна без нарушения постулатов принципа кооперации

Интеннт-анализ является одним из методов определения коммуникативных интенций главы государства и обусловленных ими способов и средств реагирования на критику.

ГЛАВА 2. СПОСОБЫ И СРЕДСТВА РЕАКЦИИ НА КРИТИКУ В РЕЧИ В.В. ПУТИНА

2.1. Изучение речи В. В. Путина в современной лингвистике

Речь президентов представляет научный интерес для лингвистов и активно изучается специалистами в области политического дискурса, психолингвистики, риторики, культуры речи. Причиной этому служит становление политической лингвистики как самостоятельного научного направления, разработка ею собственного методологического аппарата, а также появление на политической арене стран ярких лидеров с передовыми взглядами и выделяющейся риторикой.

Рост активности в изучении речи действующего президента в нашей стране приходится на начало 2000-х годов и продолжается до сих пор. Вскоре после инаугурации В. В. Путина отечественные языковеды осознали, что перед ними неординарная личность. До этого времени общественности было почти ничего неизвестно о новом президенте. А. А. Филинский отмечает появление прецедентной для образа В. В. Путина фразы “Who is Mr. Putin?” («Кто такой мистер Путин?»).

Как «новичок», В. В. Путин фактически не имел права на ошибку [Филинский 2002: 106], ему необходимо было выстроить четкую, продуманную стратегию самопрезентации, чтобы добиться признания граждан страны. По мнению Е. Н. Давыборец, «особую роль в создании имиджа В. В. Путина сыграл, основанный на ореоле таинственности, прием стереотипизации, позволивший приписывать ему ожидаемые в обществе качества политического лидера» [Давыборец 2008: 18]. Благодаря грамотно выстроенной коммуникативной составляющей его деятельности, для этого потребовалось совсем немного времени.

Изучение речи лидера России началось уже с его инаугурации. Одно из первых значимых исследований на материале выступлений В. В. Путина было проведено М. В. Гавриловой, которая определила речевые особенности,

свойственные главе государства, а также провела сопоставительный анализ его инаугурационной речи и речи Б. Н. Ельцина. К стилистическим приемам, характерным для языкового портрета В. В. Путина, исследователь отнесла категорическую императивность, осложненные повторения, усиление рациональной аргументации, парцелляцию [Гаврилова 2004: 220].

Буквально с первых интервью речь В. В. Путина пестрила метафорами и остротами, которые мгновенно расходились на цитаты. Его манера речи стала узнаваемой и использовалась артистами пародийного жанра в юмористических передачах. В российских и зарубежных СМИ появился термин «путинизмы», обозначающий цитируемые фразы и высказывания. Наиболее запомнились гражданам страны такие, например: «как раб на галерах», «мотыжить, как святой Франциск», «если кто-то решил утонуть, спасти его невозможно» и др.

Метафоры в речи В. В. Путина стали благодатной почвой для многочисленных работ в области политического дискурса. Так, в уже упомянутой нами работе М. В. Гаврилова в инаугурационной речи российского президента выделяет метафоры движения, пути и строительства [Гаврилова 2004: 104]. Другие исследователи рассматривают политическую метафору как «инструмент идеологического влияния» [Жаботинская 2016: 44]. Идеологическая составляющая речи В. В. Путина изучается также с позиции стратегий и тактик речевого воздействия на материале фразеологических единиц [Седых 2012].

Специалисты в области PR-коммуникаций Г. Огибин и В. Апанасик выделяют на материале речи В. В. Путина стратегии, приемы и техники аргументации. Они разграничивают данные понятия следующим образом: “*Стратегия* – это последовательность применения техник, ведущая к победе в споре, *техника* – конкретный маневр, позволяющий победить на одном из этапов спора, а *прием* – дополнительный “трюк”, усиливающий действие техники” [Огибин, Апанасик 2011: 66]. В работе авторов представлен комплекс речевых средств, состоящий из 6 стратегий, 20 техник и 4 приемов.

Мы считаем важным в рамках данного исследования подробно остановиться только на стратегии под названием “когда и как уходить от неприятных вопросов” [Огибин, Апанасик 2011: 70], так как именно в вопросах, адресованных президенту во время интервью и пресс-конференций, содержится критика. Г. Огибин и В. Апанасик анализируют знаменитый пример полемики между В. В. Путиным и Ю. Шевчуком от 29 мая 2010 года. По мнению авторов, в рамках данного спора стратегия ухода от неприятных вопросов реализуется в речи президента посредством следующих техник:

1. “Вопросом на вопрос” – реагирующая реплика представлена вопросом. Говорящий применяет данную технику с целью занять лидирующую позицию в разговоре.
2. “Документы, пожалуйста, или Знай свое место” – в ответ на нежелательный вопрос говорящий просит собеседника представиться или напомнить своё имя. Это создает ощущение “подчиненности” [Огибин, Апанасик 2011: 72] и позволяет выглядеть лидером в диалоге.
3. “Нокаут” – произнесенная фраза заставляет собеседника уклониться от продолжения разговора.
4. “Вы совершенно правы, но...” – говорящий соглашается с бесспорными утверждениями, затем опровергает слабые аргументы собеседника.
5. “К человеку” (Ad hominem) – вместо логических или фактических опровержений используются тезисы, целью которых является показать неспособность собеседника судить о рассматриваемом вопросе. Например, указывается его некомпетентность, отсутствие необходимой квалификации или опыта в рассматриваемом вопросе.
6. “Атака на второстепенное” – говорящий игнорирует главные аргументы собеседника, опровергая второстепенные и слабые аргументы в споре. Внимание аудитории переключается на второстепенные вопросы, и говорящий выглядит победителем.
7. “Вы сами себе противоречите” – обнаруживается действительное или мнимое противоречие в аргументах противника.

8. “Не обобщайте!” – задачей говорящего является опровержение обобщений собеседника.
9. “Смотреть надо шире!” – разговор переводится в более широкий контекст с целью уйти от обсуждения какого-либо вопроса.
10. “По этому вопросу не ко мне” – аргументы говорящего создают эффект непричастности к обсуждаемому вопросу.
11. “Отшутился” – уход от ответа на вопрос посредством шутки [Огибин, Апанасик 2011: 71-81].

С целью объективно оценить успешность аргументации президента Г. Огибин и Ю. Апанасик анализируют комментарии зрителей, оставленные под видеозаписью полемики между В.В. Путиным и Ю. Шевчуком, размещенной на сайте YouTube. На их основании авторы приходят к выводу, что полемическая стратегия была выбрана неудачно, “использованные им (Путиным – *Т.Б.*) техники ставят своей целью либо обесценить противника, либо уйти от ответа” [Огибин, Апанасик 2011: 81].

Таким образом, авторы не возносят языковую личность президента на пьедестал, как образец для подражания. По их мнению, В.В. Путин «не идеальный оратор», однако он «использует множество техник, которые стоит взять на вооружение» [Огибин, Апанасик 2011: 2]. Помимо анализа речевых средств, используемых В.В. Путиным, авторы ставят перед собой более обширную задачу, а именно: определить «национальные особенности современной российской политической риторики» [Огибин, Апанасик 2011: 2].

Одним из перспективных направлений в исследовании отдельных элементов идиостиля В. В. Путина становится изучение в его речи прецедентных феноменов (ПФ), определение их сфер-источников и уровня прецедентности. Актуальность подобных исследований обусловлена общим вниманием к риторике публичных выступлений и воздействию на массовую аудиторию. Политический дискурс и президентский дискурс, как его разновидность, являются той сферой коммуникации, где вопрос суггестии и

манипуляции сознанием стоит особенно остро. Как утверждает Д. Б. Гудков, высказывание, «принадлежащее политическому дискурсу, оказывается направленным не к личности, а к массам» [Гудков 2008: 402]. В этой связи исследователь подчеркивает важность стереотипизации содержания высказывания. Опираясь на представление о прецеденте как о «стереотипном образно-ассоциативном комплексе» [Телия 1988: 30], Д. Б. Гудков выделяет прецедентные феномены как одно из средств апелляции к когнитивной базе массовой аудитории. Под когнитивной базой здесь понимается «определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингвокультурного сообщества» [Гудков 2008: 405].

По мнению ряда исследователей, прецедентные высказывания являются одной из характерных черт дискурса В. В. Путина [Солопова, Чудинов, Шлемова 2017] и используются им как одно из ярких образных средств, например, при реагировании на вопросы во время «Прямой линии» [Нахимова 2016]. Прецедентные высказывания служат основанием для сопоставительного анализа дискурсов В. В. Путина и Б. Обамы и позволяют определить особенности национального ментального пространства русских и американцев [Анисимова 2016; Колесникова 2017].

Анализ прецедентных феноменов, обнаруженных в речи В. В. Путина, позволил Н. Г. Колесниковой отнести их к следующим сферам-источникам: фразеологические единицы, политика, литература, развлечения, религия, наука, экономика и спорт. Наиболее частотными оказались прецедентные феномены, относящиеся к фразеологическим единицам, что автор объясняет стремлением президента придать своей речи большую экспрессивность и эмоциональность [Колесникова 2017: 41]. В сферу-источник входит также сокровищница народной мудрости в виде пословиц и поговорок. По нашему мнению, прецедентные высказывания такого типа относятся к средствам реализации манипулятивной тактики при работе с массовым адресатом, так

как являются стандартизированным и лаконичным элементом когнитивной базы лингвокультурного сообщества.

По мнению Н. И. Клушиной, в отечественной лингвистике коммуникативный образ В. В. Путина является наиболее изученным среди российских политических лидеров. Исследователь отмечает грамотно выстроенный имидж политика и успешно реализованную им стратегию самопрезентации. Думается, именно высокая коммуникативная компетентность В. В. Путина и его способность переключать регистры профессионального общения легли в основу выделенных Н. И. Клушиной в его речи двух типов коммуникации. Первым типом, по мнению исследователя, является статусная коммуникация. К данному типу коммуникации относится общение с подчиненными, «при ней осуществляется социальная и коммуникативная власть» [Клушина 2019: 105]. Второй тип коммуникации получил название «мы-коммуникация», к которой отнесены высказывания, адресованные народу. По мнению Н. И. Клушиной, «эти два разнонаправленных типа коммуникации и являются прототипическими для российского лидера, поскольку актуализируют архетип «царя-батюшки», строгого к неправедным чиновникам и милостивого к народу» [Клушина 2019: 105].

На основании вышеизложенного может сложиться впечатление, что о языковой личности и речевых особенностях В.В. Путина было сказано если не всё, то почти всё. Однако это не совсем так. В большинстве рассмотренных нами работ предметом изучения являются языковые средства (см, напр.: [Базарова, Каюмова 2016], [Фирсова 2018]), либо набор коммуникативных тактик, используемых президентом ([Паршина 2005], [Куроедова 2009], [Голикова 2017], [Чистякова, Комарова 2017]). Речь президента также активно изучается с позиции специфических черт его языковой личности [Седых 2016], с точки зрения ритуальных речевых жанров: инаугурационная речь, обращение к федеральному собранию, обращение к конгрессу, новогоднее поздравление и т.д. ([Степанова 2016];

[Бабенко, Конторских 2018]; [Рубцова 2018]). Ни в коей мере не умаляя значимости подобных исследований, отметим только, что всё ещё остаются малоизученными вопросы, требующие междисциплинарного, интегративного подхода.

Ответные реакции президента в рамках диалогического официального, но, как предполагаем, в большинстве случаев неподготовленного общения являются одной из таких тем. Проведённое нами исследование позволяет составить более детальное представление об особенностях реагирования политического лидера самого высокого ранга на негативные оценочные высказывания и тем самым открывает новые перспективы в области изучения политической коммуникации.

2.2. Композиционные характеристики ответных реплик

В. В. Путина на критику

Нами было проанализировано 173 ответных фрагментов–реплик В.В. Путина из диалогических единств (далее – ДЕ), причем, 95 – из стенограмм пресс-конференций и 78 – из стенограмм “прямой линии”. Ответный фрагмент, как показал анализ, представляет собой развернутую реплику, по структуре близкую монологическому высказыванию (имеет введение, основную часть и заключение), что и позволило нам рассмотреть его композиционные характеристики.

Рассмотрим первый элемент ответного фрагмента на критический вопрос – введение. По нашим наблюдениям, следуя за вопросом, содержащим критику, вводная часть фрагмента диалогического единства в речи В. В. Путина характеризуется повышенной эмоциональностью.

К состояниям эмоциональной напряженности, по определению Э. Л. Носенко, относятся состояния, характерной особенностью которых является наличие преимущественно отрицательного, дезорганизирующего воздействия на деятельность и состояние испытуемого, вытекающего из самой психологической сущности данного состояния (цит. по: [Барташова,

Полякова 2009: 10]). К признакам состояния эмоциональной напряженности, по мнению Э. Л. Носенко, относятся: возрастание количества и длительности пауз, семантически нерелевантные повторы, употребление “слов-паразитов”, снижение словарного разнообразия и др. [Барташова, Полякова 2009: 14].

В задачи данного исследования не входит детальный анализ признаков эмоциональной напряженности в речи президента, однако мы должны учитывать это явление и его возможное воздействие на используемые способы реагирования на критику и отбор языковых средств. К тому же необходимо разграничивать неосознанные речевые проявления говорящего, вызванные эмоциональной напряженностью, и намеренно используемые речевые приемы. Например, во вводной части ответной реплики на критику В. В. Путиным широко используется прием выражения собственного эмоционального состояния через синтаксические структуры, характеризующие это состояние: *меня это удивляет, я был крайне удивлен, для меня это даже странно, говорю Вам совершенно откровенно, это просто смешно*. Президент также использует тактику солидаризации (по определению О. Н. Паршиной), применяемую для демонстрации сопричастности – *Так жалко на это смотреть. У меня сердце кровью обливается*. В таком отборе языковых средств, думается, проявляется высокая степень коммуникативной компетентности говорящего, способность «держать себя в руках», реализовать свои коммуникативные задачи и в состоянии эмоционального напряжения. В этой связи отметим, что эмоциональная напряженность не всегда оказывает дестабилизирующее воздействие на речь говорящего и может удачно компенсироваться с помощью речевых тактик и стилистических приемов. И потому предложенные Э. Л. Носенко признаки состояния эмоциональной напряженности (семантически нерелевантные повторы, употребление “слов-паразитов”, снижение словарного разнообразия и др.) нерелеванты по отношению к обладающей знаниями коммуникативных норм элитарной языковой личности (в терминологии О. Б. Сиротиной).

Возвращаясь к общему анализу ответных реплик президента, отметим, что их композиционная организация варьируется в зависимости от компонентов коммуникативной ситуации – субъекта критики (тот, кто критикует), предмета критики (то, что критикуется) и интенсивности критики (то, как критикуется). Результатом этого варьирования становятся разные модели речевого поведения говорящего, которые можно представить в виде риторических схем, для каждой из которых характерен определенный набор способов и средств реакции на критику.

Однако прежде чем перейти к подробному рассмотрению риторических схем, перечислим особенности организации ответного высказывания, характерные для речи В. В. Путина вне зависимости от компонентов коммуникативной ситуации.

Структурно-композиционные особенности ответного высказывания В. В. Путина включают дискурсивы: *во-первых, во-вторых, первое, второе, прежде всего, теперь по поводу; я думаю/думаю, я считаю/считаю, я надеюсь/надеюсь* и рефлексивы: *я уже говорил, как я уже однажды сказал*. Заметим по отношению к рефлексивам и дискурсивам в репликах В. В. Путина их полноструктурность и укажем на мнение Е. Ю. Викторовой, которая утверждает, что в области политической коммуникации “дискурсивы с эллипсисом *я* звучат более решительно, категорично и формально”, чем аналогичные им конструкции [Викторова 2008: 24]. Иными словами, полноструктурность таких реплик у В. В. Путина отражает их меньшую категоричность и формальность.

К общим для всех риторических схем структурно-композиционным характеристикам можно отнести также прием нарушения последовательности ответа на заданные вопросы. Нами было обнаружено, что из двух и более последовательно заданных вопросов, содержащих критику, В. В. Путин выбирает более удобный с точки зрения аргументации.

Рассмотрим фрагмент ежегодной пресс-конференции В. В. Путина от 18 декабря 2014 года:

Р. Цимбалюк: Роман Цимбалюк, украинское агентство «УНИАН». Если позволите, два очень коротких вопроса.

В. В. Путин: Прошу Вас.

Р. Цимбалюк: Первый вопрос относительно карательной операции, которую вы устроили на востоке нашей страны, причём в основном против русскоязычного населения. Не секрет, что там воюют российские военнослужащие и российские боевики, которые всё это устраивают. Вопрос: сколько Вы туда отправили российских военных? Сколько Вы отправили туда техники? Сколько из них погибло на территории Украины? Вы как Верховный Главнокомандующий что бы сказали семьям погибших российских офицеров и солдат?

И, если можно, очень кратко второй вопрос. У нас был президент, его звали Виктор, он сейчас скрывается на территории Российской Федерации. В своё время он посадил номер один партии «Батькивщина» Юлию Тимошенко в тюрьму. Она там отсидела, а сейчас номер один партии БЮТ сидит, но уже в российской тюрьме.

В. В. Путин: Что-что? Ещё раз.

Р. Цимбалюк: Номер один по списку Блока Юлии Тимошенко сейчас сидит в тюрьме, в российской. У меня вопрос: при каких условиях Вы отпустите украинскую лётчицу Савченко, украинского режиссёра Олега Сенцова и ещё как минимум 30 украинских военнопленных, которых вы удерживаете на территории России в различных СИЗО?

Спасибо.

В. В. Путин: Начнём с последнего вопроса, а потом я, безусловно, отвечу и на Ваш первый вопрос.

Последний вопрос по гражданке Савченко, при каких условиях она может быть отпущена. Я здесь занимаю абсолютно открытую и понятную, на мой взгляд, позицию. Здесь в зале сидят коллеги тех наших журналистов (это, впрочем, и Ваши коллеги), которые погибли, исполняя свой служебный долг на юго-востоке Украины. Подчеркну, что эти люди не

принимали участия ни в каких боевых действиях ни с одной стороны. Они были без оружия.

Обязанность всех государственных структур, в том числе и военных структур, охранять их жизнь и здоровье, дать им возможность исполнять свой долг для распространения объективной, полноценной информации, во всяком случае, так, как они её видят. Это общепризнанный в цивилизованном мире факт. Эти люди были убиты. По данным наших правоохранительных органов, наводчиком при этом убийстве была госпожа Савченко <...>

Все люди, которые по зову сердца исполняют свой долг либо добровольно принимают участие в каких-то боевых действиях, в том числе и на юго-востоке Украины, не являются наёмниками, потому что за это денег не получают.

В нашем общественном сознании то, что происходит на юго-востоке Украины, действительно карательная операция, но она проводится сегодняшними киевскими властями, а не наоборот. Ведь это не ополченцы юго-востока направили свои боевые подразделения к Киеву, а, напротив, киевские власти подогнали вооружённые силы к юго-востоку, используют систему залпового огня, артиллерию и боевую авиацию.

В чём проблема и как из неё можно выйти? Постараюсь ответить и на этот вопрос. Проблема в том, что после совершения государственного переворота – а кто бы как ни называл и что бы по этому поводу ни говорилось, государственный переворот был совершён в Киеве, причём вооруженным путём – часть страны не согласилась с таким развитием событий.

Вместо того чтобы начать с ними хоть какой-то политический диалог, сначала начали применять правоохранительные органы, милицию. Когда это не получилось, начали применять армию. Когда и это не получилось, сегодня пытаются решить вопрос силовым способом с помощью экономической блокады.

Считаю, что этот путь абсолютно бесперспективный, вредный для судеб государственности Украины и для украинского народа. Надеюсь, что нам удастся в ходе диалога – а мы готовы выступать здесь как посредники – выйти всё-таки на прямой именно политический диалог и этими способами, этими политическими инструментами урегулировать ситуацию вплоть до восстановления единого политического пространства.

В рассматриваемом диалогическом единстве В. В. Путину было задано два вопроса, первый из которых можно охарактеризовать как более критический, поскольку действия России характеризуются здесь с помощью лексических единиц с яркой отрицательной коннотацией (*карательной, боевики, военнопленные*). Также в этом вопросе обнаруживается тактика упрека, направленная на президента и реализуемая посредством местоимения *вы* и глагольных форм 2 лица ед.ч.: *карательной операции, которую вы устроили; сколько Вы туда отправили российских военных? Сколько Вы отправили туда техники?* (ср. мнение Е.Ю. Викторовой о большей категоричности дискурсивов с эллипсисом *я* [Викторова 2008: 24] и наше мнение о большем градусе «критичности» вопросов из ДЕ с употреблением местоимения *вы*). Синтаксический повтор грамматических основ *вы устроили, вы отправили, вы отправили* несет здесь дополнительную эмоциональную нагрузку и усиливает эффект нагнетания критики.

Второй вопрос представляется нам менее категоричным. Во-первых, лексем с ярко выраженной отрицательной коннотацией в нем в два раза меньше (*военнопленных, СИЗО*), во-вторых, по сравнению с первым вопросом, во втором нет синтаксического повтора (*Вы отпустите* – 1 раз), который мог бы усилить эффект нагнетания критики. Следовательно, эмоциональный фон второго предложения более нейтрален.

В качестве дополнительного подтверждения вывода об уровне (большей или меньшей) «критичности» вопроса нами была проведена фоносемантическая оценка текста с использованием информационных технологий, а именно психолингвистической экспертной системы ВААЛ,

разработанной группой исследователей под руководством доктора философских наук, ведущего научного сотрудника Института философии РАН Владимира Ивановича Шалака. Возможности системы ВААЛ включают оценку неосознаваемого эмоционального воздействия фонетической структуры текстов на подсознание человека и эмоционально-лексический анализ текстов. Принцип работы системы ВААЛ основан на научных исследованиях А. П. Журавлева в области фоносемантики и определенной им фонетической значимости “звукобукв”. По наблюдениям А. П. Журавлева, “звуки речи содержательны, значимы. Эта фонетическая значимость, конечно, совсем не то, что привычное для нас лексическое значение слова. Лексическое значение соотносится с понятием, с предметом <...> А фонетическая, звуковая значимость – лишь впечатление от звука” [Журавлев 1991: 18].

Оценка слова или текста в системе ВААЛ производится по биполярным шкалам. Каждая шкала представлена парой антонимичных прилагательных русского языка и числовой оценки от –100% до +100%. Всего используется 24 встроенных биполярных шкалы: хороший – плохой, красивый – отталкивающий, радостный – печальный, светлый – темный, легкий – тяжелый, безопасный – страшный, добрый – злой, простой – сложный, гладкий – шероховатый, округлый – угловатый, большой – маленький, грубый – нежный, мужественный – женственный, сильный – слабый, холодный – горячий, величественный – низменный, громкий – тихий, могучий – хилый, веселый – грустный, яркий – тусклый, подвижный – медлительный, быстрый – медленный, активный – пассивный.

В процессе работы в системе ВААЛ нами были поочередно проанализированы текстовые фрагменты обоих вопросов и получены следующие количественные данные:

Числовая оценка текста первого вопроса в рассматриваемом диалогическом единстве выявила наибольшие значения для следующих прилагательных: злой –10,7%; страшный –10,4%; хилый –7,8%;

отгалкивающий –6,7%, плохой –6,6%. Это означает, что в подсознании адресата анализируемый фрагмент текста вызывает похожие эмоции.

Числовая оценка второго вопроса журналиста обнаружила следующие прилагательные: хилый –14,9%; маленький –14,2%; женственный –12,3%; слабый –11,3%; трусливый –7,2%.

Сравнительный анализ полученных данных дает нам дополнительное основание утверждать, что фонетическая структура текста первого вопроса оказывает более негативное воздействие на подсознание человека. Это может являться одной из причин, по которой президент стремился в приводимом выше примере отодвинуть ответ на более критический вопрос на второй план.

Нарушая логическую последовательность ответов, В. В. Путин четко структурирует ответное высказывание, используя пояснительную преамбулу: *Начнём с последнего вопроса, а потом я, безусловно, отвечу и на Ваш первый вопрос.* Вероятно, последняя часть реплики – это способ предупредить перебивающие реплики (*А как же первый вопрос?*) и обвинения в непоследовательности. Далее в ответном высказывании президент также четко определяет логическую границу между обсуждаемыми темами: *Вот это вторая часть Вашего вопроса. Теперь первая.*

Таким образом, начиная ответ с сильных и убедительных доводов на менее сложный вопрос, президент создает у аудитории коммуникативное ожидание убедительного и аргументированного ответа на второй. Когда очередь доходит до этого вопроса, ответить на него становится значительно легче, так как аудитория уже подготовлена к «правильному» восприятию.

На рассматриваемом примере можно проиллюстрировать ещё один используемый В. В. Путиным способ реакции на критику, при котором лексемы с отрицательной семантикой, прозвучавшие в вопросе журналиста, заменяются в ответной реплике президента более нейтральными лексемами. Этот способ реакции позволяет уйти, например, от лексики с семантической доминантой “война” и затушевать в сознании аудитории представление о

России как агрессоре, совершающем неправомерные действия. Так, в приведенном выше диалогическом единстве, *военнопленные* заменяются президентом на *военнослужащие*, *карательная операция* на *военные действия*, *боевики* на *наемники*, *СИЗО* на *места лишения свободы*.

Одной из разновидностей приема нарушения последовательности ответа на вопросы является их тематическая группировка. Данный прием используется во время коллективных интервью (пресс-конференция, «прямая линия»), когда тематика задаваемого журналистом вопроса заранее известна или содержится в виде надписей на табличках, которые представители СМИ держат в руках во время проведения пресс-конференции. Например, при просмотре видеозаписи ежегодной пресс-конференции В. В. Путина 2014 года в аудитории можно было заметить таблички с текстом *Севастополь ждет итогов; Оборонка. Тула; Сухой закон; Одаренные дети; Оренбург - столица мира!* и др. Это дает возможность группировать вопросы. В результате чего снижается градус эмоциональной напряженности и появляется возможность прибегнуть к приему нарушения последовательности, о котором было сказано выше.

Приведём пример группировки вопросов:

Е. Винокурова (издание “Знак.ком”): <...>Если дальнбойцки, например, тоже выходят на акции протеста, то их обвиняют, что это некий заказ и так далее, вместо того чтобы с ними поговорить.

В. В. Путин: <...> Теперь по поводу дальнбойциков. Есть вопросы, связанные непосредственно с этим? По дальнбойцикам есть вопросы? Пожалуйста. Просто, может быть, этот вопрос будет более полно сформулирован.

Вернемся к характеристике композиционной организации ответных реплик президента в зависимости от компонентов коммуникативной ситуации – субъекта критики (тот, кто критикует), предмета критики (то, что критикуется) и интенсивности критики (то, как критикуется). Воспользуемся при изложении материала схемами.

**I Композиционная схема ответных реплик диалогических
единств при реакции на критику внешней политики
со стороны «внешних» оппонентов**

- 1) Вводная часть – тактика критики, тактика оспаривания.
- 2) Основная часть – тактика контрастивного анализа.
- 3) Заключительная часть – тактика указания на перспективу, тактика акцентирования положительной информации.

Под «внешними» оппонентами здесь имеется в виду представители иностранного государства (политики, госслужащие и т.д.) или внутренней оппозиции, выступающие в роли субъекта критики. Из всего количества ответных реплик (95) данной схеме соответствуют – 34, что составило 36% от общего количества ответных реплик.

Вводная часть ответной реплики президента в этой схеме включает тактику критики, которая реализуется через информацию, направленную против оппонента посредством аргумента *Ad hominem* («к человеку»). Цель данного аргумента – воздействовать на аудиторию, понижая в сознании слушателей статус субъекта критики путем указания на его профессиональную некомпетентность, незаконность действий, отсутствие логики и др. Президент снижает таким образом объективность аргументов субъекта критики, хотя важно отметить, что это снижение не переходит границ политкорректности.

Приведём типичный пример такого ответа:

И. Максименко: Здравствуйте, Владимир Владимирович! Совсем недавно в одном из интервью Президент Польши господин Квасьневский сказал о том, что для Соединенных Штатов лучше Россия без Украины, чем Россия с Украиной. Как Вы можете прокомментировать подобное заявление? И Ваше мнение по этому поводу.

В. Путин: Сразу чувствуется, земляки задают правильные вопросы. Я был крайне удивлен, когда увидел это интервью Александра Квасьневского. Мы с ним в очень добрых личных отношениях, с Александром. Он опытный

человек. Мы еще, ну не я лично, а у нас в России его еще знают по совместной комсомольской работе.

У меня такое впечатление, что это заявление не действующего президента, а человека, который устраивается на работу в связи с истечением срока своих полномочий скоро, потому что я не думаю, что это заявление можно считать корректным. Во-первых, для действующего главы государства – государства очень солидного, уважаемого в мире и нашего соседа – выступить с комментариями политики другой страны, мне кажется, не очень уместно (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 23.12.2004).

В приведенном ответном фрагменте ДЕ реплика В. В. Путина не содержит резких оценочных высказываний или эмоционально окрашенной лексики. И хотя понижение статуса субъекта критики выражается четко (*это заявление не действующего президента, а человека, который устраивается на работу в связи с истечением срока своих полномочий*), оно значительно смягчается с помощью дискурсивов: *я не думаю, мне кажется, фразы у меня такое впечатление*. Словесный реверанс в сторону Польши (*государства очень солидного, уважаемого в мире и нашего соседа*) еще более подчёркивает политкорректность высказывания.

Понижение статуса субъекта критики может происходить и тогда, когда В. В. Путин во введение ответной реплики включает информацию против представителя «стороны оппонента»:

К. Эггерт: Возвращаюсь к вопросу в начале пресс-конференции по поводу продажи «Юганскнефтегаза». Много критики слышно в последнее время, причем не только в прессе, со стороны экспертов на Западе, но и со стороны официальных представителей американской администрации, госдепа. Как Вы это воспринимаете? Беспокоит ли Вас это?

В. В. Путин: Знаете, когда я читаю решение, скажем, тexasского суда, где судья говорит: почему бы России не перенести конкурс по

«Юганскнефтегазу», меня это удивляет. Я вообще не уверен, что она знает, где Россия находится. Смущает уровень профессиональной подготовки (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 23.12.2004).

В данном случае, отвечая на критический вопрос о продаже нефтедобывающего предприятия «Юганскнефтегаз», президент сомневается в профессиональной компетентности судьи из Техаса, дипломатично утверждая, что его это удивляет и смущает.

В других случаях речевое противодействие главы государства направлено не на конкретную личность, а на государство в целом:

С. Гаттерман: Во время Вашего президентства Вы говорили о том, что Россия – европейская страна с европейской культурой и ценностями. Но иногда Россия поддерживает такие мнения, такой режим в бывшем Советском Союзе, которые, видимо, не разделяют этих ценностей. Я имею в виду, например, события в Андижане, российскую поддержку узбекской позиции по этим событиям. Вы не считаете, что эти подходы несовместимы? Спасибо.

В. В. Путин: Я не считаю, что эти подходы несовместимы, тем более что мы лучше, чем вы, знаем, что произошло в Андижане, и мы знаем, кто, где, в каком объеме готовил тех людей, которые подожгли ситуацию в Узбекистане и, в частности, в этом городе... (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 31.01.2006).

На вопрос о введении санкций в отношении России В. В. Путин замечает: *Санкции продолжают накладываться: все накладывают и накладывают. И мы считаем, что это проявление недобросовестной конкуренции (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 01.02.2007).*

Использование неопределенно-личной конструкции позволяет избежать прямых обвинений в адрес конкретных государств, однако повтор глагола (*накладывают*) и вся структура с этим повтором, по стилистике относящаяся к разговорной речи (*все накладывают и накладывают*), выражают едва сдерживаемое негодование.

Отвечая на вопрос о вмешательстве в предвыборную кампанию США, президент начинает так: *Я уже говорил, одному из Ваших коллег из Соединённых Штатов отвечал: проигравшая сторона всегда ищет виноватых на стороне. Лучше бы искали в самих себе эти проблемы* (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 15.12.2016).

Как видим, и в этом случае президент ограничивается общей безадресной оценочной фразой (*проигравшая сторона всегда ищет виноватых на стороне*), далее следует конструкция, выражающая оптативную, желательную модальность с инициальной позицией оценочного компонента (*Лучше бы искали в самих себе эти проблемы*), предполагаемый субъект критики назван здесь косвенно, метонимически, через номинацию *один из коллег из Соединённых Штатов*.

Вводная часть ответной реплики диалогического единства при реакции на критику может включать одновременно и информацию против оппонента, и служить средством привлечения союзника на свою сторону. Следующий фрагмент представляет собой ответ представителю турецкого информационного агентства, в вопросе которого транслируется мнение западных СМИ о поддержке российской стороной вооруженного конфликта в Ливии.

Вы верите тому, что пишут в западных СМИ? Вы во всё верите? Почитайте, что они пишут в отношении Турции, и Ваше мнение изменится (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 19.12.2019).

С помощью повтора вопросительной конструкции, в которой компонент *во всё* усиливает эмоциональную составляющую, В. В. Путин пытается убедить собеседника в излишней наивности и доверчивости. Далее президент, стремясь привлечь представителя турецкого информационно агентства на свою сторону, напоминает о том, что информация о Турции, представленная в западных СМИ, является ложной. Приём отождествления положений России и Турции в отношении западных СМИ, вероятно,

позволяет заслужить доверие задающего критический вопрос и привлечь его на свою сторону.

Перейдём к анализу основной части ответной реплики. В основной части реплики реализуется тактика контрастивного анализа, то есть аргументация строится по принципу параллельного изложения двух контрастирующих идей. В определении В. Е. Чернявской этот коммуникативный ход раскрывается как прием подачи информации по принципу «плюс – минус», когда «свои / своё» противопоставляется «чужим / чужому» [Чернявская 2017: 49] и служит инструментом реализации стратегии манипуляции. Для реализации приема «свои–чужие» В. В. Путин использует антитезу. Объектами противопоставления становятся действия России, оцениваемые со знаком «плюс» как правильные, гуманные и законные, и действия другого государства – со знаком «минус» как варварские, противоречащие законодательству и здравому смыслу. В следующем примере это актуализируется в отношении «чужих» и с помощью слов с семантикой агрессии и убийства (грубо разговорной окраски):

Мы действительно оказываем гуманитарную и другую помощь и поддержку людям, которые проживают на этой территории (знак «плюс» – Т.Б.). Но только для того, чтобы их окончательно там не раздавили, не съели и не порвали (знак «минус» – Т.Б.), и будем это делать дальше (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 20.12.2018). Такое синтаксическое средство, как однородный ряд сказуемых, формирующий градацию: *раздавили – съели – порвали*, и антитеза становятся основой формирования резко отрицательной эмоциональной оценки второго компонента противопоставления.

В заключительной части ответного фрагмента ДЕ данной схемы обычно реализуется тактика указания на перспективу развития России:

Мы хотим развивать нормальные отношения и в сфере безопасности, и в борьбе с терроризмом. Мы будем работать вместе по нераспространению ядерного оружия. Мы будем вместе работать над

такими угрозами, как распространение наркотиков, организованной преступности, распространение тяжёлых инфекционных заболеваний, в том числе эболы. Мы будем это всё вместе делать, в том числе будем работать и в экономической сфере, если этого хотят наши партнёры (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 18.12.2014).

Языковые средства актуализации тактики акцентирования положительной информации включают синтаксический параллелизм, синтаксический и лексический повтор (см. *вместе* – 3 раза), форма 1 лица мн. числа *мы* в повторяющейся структуре двусоставного предложения с глаголами созидания *развивать, работать, делать* в форме будущего времени с семантикой настойчивого повтора – *будем*.

II Композиционная схема ответных реплик диалогических единств при реакции на критику внутренней политики России со стороны «внутренних» оппонентов

1. Вводная часть – тактика солидаризации, тактика обоснованных оценок.
2. Основная часть – тактика разъяснения.
3. Заключительная часть – тактика указания пути решения проблемы, тактика оспаривания.

Говоря о «внутренних» оппонентах, мы представляем журналиста в роли посредника между президентом и неким третьим лицом, либо широкой российской общественностью, придерживаясь мнения, что сам журналист не является источником критики, он транслирует мнение стороннего субъекта или группы субъектов. Из всего количества ответных реплик (95) данной схеме соответствуют – 45, что составило 47,3% от их общего количества.

Рассмотрим следующий пример:

А. Караваяев: Здравствуйте, Владимир Владимирович! Меня зовут Караваяев Алексей, город Санкт-Петербург. Скажите, пожалуйста, как долго ещё будут расти цены на топливо – 45 рублей литр солярки, – сколько же можно это терпеть? Невозможно уже, остановите как-

то это. Мы 18 марта сделали такой большой выбор, вся страна за Вас проголосовала, а Вы цены на бензин всё не можете остановить.

Во вводной части ответного фрагмента В. В. Путин говорит о действиях правительства, направленных на устранение существующей проблемы:

В. В. Путин: Алексей, спасибо Вам за вопрос. Думаю, Вы должны были обратить внимание на то, что Правительство приняло уже ряд решений, которые призваны как раз решить эту задачу (Прямая линия с Владимиром Путиным 07.06.2018).

Так президент акцентирует внимание на положительной информации, нивелируя отрицательный эффект от обвинения. Используемую здесь конструкцию с модальным компонентом (*Вы должны были обратить внимание*) можно отнести как к категории деонтической модальности, или модальности долженствования, так и к категории вероятности. Дискурсив *думаю* снижает категоричность фразы, и можно предположить, что *должны были* равняется по значению «могли».

Далее обнаруживаем частичное согласие с критикой, солидаризация с мнением адресата выражена оценочными лексемами в адрес критикуемой ситуации (*недопустимо, неправильно*): *Я с Вами согласен, то, что сейчас происходит, это недопустимо, это неправильно* (Прямая линия с Владимиром Путиным 07.06.2018).

В основной части ответного фрагмента реализуется тактика разъяснения и, как следствие, обнаруживается обилие дискурсивов, вспомогательных коммуникативных единиц (по определению Е. Ю. Викторовой):

<...> Правительство провело так называемый пересмотр некоторых налоговых мер по наполнению бюджета, так называемый манёвр сделало в этой сфере. О чём шла речь и что было сделано? Не буду вдаваться в детали и в подробности, но на самом деле это всё привело к стимулированию вывоза за границу, на экспорт, сырой нефти <...> они

могли бы, *как они полагают*, реализовать на внешнем рынке и получить большой доход <...> Напомню, совсем недавно это было сделано, *кстати говоря*, в диалоге с нашими ведущими нефтегазовыми компаниями. Что было сделано? *Во-первых*, снижен акциз по бензину на 3, по дизтопливу на 2 тысячи – на 3 и на 2 тысячи (Прямая линия с Владимиром Путиным 07.06.2018).

В приведенном выше фрагменте употреблены собственно дискурсивы, которые «являются дискурсивными операторами в чистом виде, то есть они функционируют исключительно в качестве вспомогательных средств» [Викторова 2008: 24] *во-первых* (1), *на самом деле* (1), *кстати говоря* (1), а также синкретичные дискурсивы: *так называемый* (2), *как они полагают* (1). В отличие от собственно дискурсивов, синкретичные дискурсивы «сочетают вспомогательную функцию с информативной» и «функционируют одновременно и как дискурсивные маркеры, и как носители фактуальной, пропозитивной информации» [Викторова 2008: 24]. В данном фрагменте из речи президента дискурсивы выполняют коммуникативно-организующую и коммуникативно-информативную функции.

В заключительной части высказывания президент переадресует заданный вопрос экспертам в соответствующей области:

Чтобы послушать экспертное мнение людей, которые непосредственно отвечают за это, мы можем обратиться к Министру энергетики Российской Федерации (Прямая линия с Владимиром Путиным, 07.06.2018).

Кроме того, данный аргументативный прием позволяет президенту уйти от критики и снять с себя прямую ответственность по обсуждаемому вопросу.

В некоторых рассмотренных ДЕ данного типа заключительная часть ответного фрагмента содержит указание пути решения проблемы и акцентирует внимание аудитории на положительной информации:

И второе, что обязательно нужно сделать и без чего нам не добиться реальных успехов в этой сфере. Нужно, как я уже неоднократно говорил, постепенно выводить государство из тех сфер экономики, где оно присутствует необоснованно. Это, кстати, и одно из основных направлений в борьбе с коррупцией (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 23.12.2004).

Я просто уверен, что на межгосударственном уровне мы сможем эти вопросы отрегулировать. И в работе с нашими компаниями постепенно, без всяких рывков, не нанося ущерба экономической деятельности, будем добиваться того, чтобы центры прибыли формировались в России (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 19.12.2013).

Как видим, в данной части схемы активно ведут себя слова с семантикой долженствования и возможности (*нужно, сможем*), форма будущего времени (*будем добиваться*), формы 1-ого лица мн. ч. со значением совместности (*сможем, будем*), наречия с сильным оценочным компонентом в семантике (*обязательно, необоснованно, неоднократно*).

Анализ заключительной части ответных реплик показал также реализацию в них тактики оспаривания (по терминологии О. Н. Паршиной), которая подразумевает опровержение негативной оценки:

Поэтому те, кто считают, что мы живём на исключительно старых, доставшихся нам от прежних поколений ресурсах и мощностях, глубоко ошибаются, заблуждаются (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 19.12.2019).

В данном фрагменте тактика оспаривания выражена на лексическом уровне посредством синонимичной пары (*ошибаются, заблуждаются*), представленной в однородном ряду, который, в свою очередь, формирует выразительную фигуру градация. Выразительность фразы усиливается с помощью интенсификаторов, выраженных наречиями (*исключительно, глубоко*). Неназванный субъект критики (*те, кто*) позволяет президенту быть свободным в выражении своей точки зрения.

В рассматриваемой ответной реплике тактика оспаривания является завершающим этапом аргументации, основанной на фактах и статистических данных. Поэтому мы имеем основание полагать, что эффективность тактики оспаривания напрямую зависит от степени убедительности, которую оратору удалось достичь в основной части своего ответного высказывания.

III Композиционная схема ответных реплик диалогических единств при реакции на критику профессиональных качеств президента

- 1) Вводная часть – тактика акцентирования положительной информации.
- 2) Основная часть – тактика критики.
- 3) Заключительная часть – тактика указания пути решения проблемы, тактика призыва.

Из всего количества ответных реплик (95) данной схеме соответствуют 12, что составило 13,3% от их общего количества.

Выделение данной композиционной схемы обусловлено спецификой объекта критики в изучаемых диалогических единствах. В отличие от двух предыдущих композиционных схем, где объектами критики в диалогическом единстве становятся события внешней или внутренней политики, рассматриваемая композиционная схема является моделью построения ответной реплики, где объектом критики становится сам адресат.

Данный вид композиционной схемы реализует себя в тех случаях, когда в вопросе журналиста содержится отрицательная оценка профессиональных характеристик президента, например, его стиля управления страной, позиции относительно конкретных общественно-политических событий (*Многие эксперты, анализируя Ваши предложения от 13 сентября, говорили, что они носят несколько незаконченный характер*) и т.д. Данная композиционная схема реализуется и в тех случаях, когда объектом критики становятся нарушения в работе подведомственных президенту органов власти и кажущееся журналистам игнорирование его приказов (*Скажите, почему на милицейских начальников никак не действуют ваши слова о необходимости гуманизации и приближения к*

народу правоохранительной системы). Вероятно, таким образом в речи представителя СМИ имплицитно выражается мысль о расхождении в словах и действиях власти, которая не может быть выражена эксплицитно из-за соблюдения правил профессионального этикета журналиста.

Вводная часть ответного фрагмента ДЕ в этом случае содержит тактику акцентирования положительной информации. Данный коммуникативный прием реализуется в начале ответного высказывания, так как позволяет быстро переключить внимание аудитории и не дать развиться мысли о возможной правдивости критических замечаний. Темы, положительно воспринимаемые аудиторией, основываются на базовых человеческих ценностях, таких как безопасность (*Мы являемся безусловными партнерами при решении ряда острейших проблем современности. Это, прежде всего, касается совместной борьбы с терроризмом*), единение (*Здесь я без преувеличения назвал бы наши отношения не просто партнерскими, а союзническими*), доверие к партнеру (*Сам Буш, на мой взгляд, является человеком очень порядочным и последовательным*). Важно отметить, что, говоря о положительных сторонах политического партнера, В. В. Путин применяет тактику отождествления, тем самым причисляя себе все названные положительные качества (*Я действую в таком же направлении*).

Реализация тактики акцентирования положительной информации в речи В. В. Путина характеризуется обилием лексических и синтаксических средств интенсификации (*безусловными партнерами; острейших проблем современности; без преувеличения назвал бы не просто партнерскими, а союзническими; очень порядочным и последовательным; я ему полностью доверяю*). По мнению С. Е. Родионовой, включение в текст интенсифицированных слов, выполняющих экспрессивную функцию, позволяет усилить его воздействие на собеседника. Исследователь соглашается с мыслью Е. М. Вольф о том, что целью интенсификации является «ввести в высказывание аффективный компонент значения, усилить таким образом «эмотивную» сторону оценки – отношение субъект–объект и

тем самым более эффективно воздействовать на адресата» [Родионова 2005: 166].

В основной части ответного фрагмента реализуется тактика критики. В. В. Путин переключает внимание аудитории на реалии жизни другого государства:

<...> мы тоже не в восторге от всего того, что происходит в США (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 23.12.2004).

*О чём **пекутся** наши партнёры в Штатах и американские законодатели? О правах человека в наших тюрьмах, в местах лишения свободы. Хорошее дело, но у них у самих там полно проблем. Я уже говорил об этом: Абу-Грейб, Гуантанамо – годами держат людей в тюрьме без предъявления обвинения. Это вообще уму **непостижимо**. Причём не просто держат в тюрьме без предъявления обвинения, там **в кандалах** ходят люди, как в средние века. Внутри собственной страны легализовали **пытки*** (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 20.12.2012).

Президент дает отрицательную оценку действиям иностранного государства, используя стилистически сниженную лексику (*пекутся*), просторечные и разговорные выражения (*не в восторге; у них у самих там полно проблем; уму непостижимо*). В рассматриваемом выше примере также наблюдаем яркий, эмоционально наполненный пример с использованием градации и нагнетанием отрицательной оценки, предъявляемой порционно: *держат в тюрьме – в кандалах – легализовали пытки*.

Заключительная часть композиционной схемы, подобно двум предыдущим схемам, содержит указание пути решения проблемы:

*Мне не хотелось об этом говорить, но это не значит, что мы этим не занимаемся. **Надо** всё внимательно посмотреть. Так же как **нужно** внимательно посмотреть и очистить все возможные составляющие сведений, появляющихся в интернете* (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 17.12.2015).

В аспекте языковых средств, наблюдаем, как и в предыдущих схемах, активность модальных слов (*нужно, надо*) и параллелизм формируемых на их базе безличных структур со значением непрямой императивности.

В этой части также содержится призыв к действию с оттенком назидательности, подчеркивающей статус президента и его главенствующее положение в диалоге:

Я хочу обратиться к Вам и к Вашим коллегам, прошу вас тоже вести себя аккуратно, не вторгаться в личную, частную жизнь людей публичных, деятелей искусства, спортсменов, ещё кого-то. Нам всем нужно выработать определённые правила, выработать и придерживаться их на основе общего достаточно высокого культурного уровня в нашей стране (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 23.12. 2016).

Наряду с профессиональными качествами президента, критике со стороны журналистов могут подвергаться также действия членов его семьи. Так, на пресс-конференции 2019 года объектом критики стали дочери В. В. Путина и многолетняя попытка скрыть их личности от широкой общественности. Ответная реплика президента на вопрос о дочерях (*<...> скажите, пожалуйста, когда Вы признаете, что они Ваши дети, и когда они станут публичными и открытыми для общества, как дети других мировых лидеров?*) начинается с обвинений в отсутствии необходимых аргументов, доказывающих некоторые факты их биографии:

Вы сейчас сказали про вопросы, связанные с бизнесом, упомянули одну женщину, упомянули вторую. Вы же не всё рассказали, наверное? Упомянули какие-то их личные доли там, упомянули объём этого бизнеса? Вы же этого ничего не сказали, Вы просто обозначили факт. А этого недостаточно. Вы тогда поковыряйтесь там поподробнее, и Вы поймёте, какой у них на самом деле бизнес, и есть ли он как таковой, и кому там что принадлежит, и кто что помогает (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 19.12.2019).

Думается, что рассматриваемый фрагмент ответной реплики президента можно охарактеризовать как коммуникативную неудачу,

возникшую вследствие слишком «личного» характера вопроса (лат. *Homo sum, humani nihil a me alienum puto*). Под коммуникативной неудачей мы понимаем невыполнение говорящим своей коммуникативной задачи. Говоря о данном примере, можем утверждать, что в ответной реплике не была решена «сверхзадача политика по внушению благоприятного впечатления о себе» [Барташова, Полякова 2009: 26]. В рассматриваемом примере нами обнаружены следующие особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности (используем терминологию О. А. Барташовой и С. Е. Поляковой) [Барташова, Полякова 2009]):

1) Замена подразумеваемых говорящим существительных местоимениями, в нашем материале: *их личные доли там; кому там что принадлежит; кто что помогает* (обратим внимание в последнем примере на грамматическую ошибку *что вместо чем* – чрезвычайно редкое для речи В.В. Путина явление – Т. Б.).

2) Возникновение повторов, обусловленных нереализованным стремлением говорящего наиболее эффективно внушить свою мысль собеседнику. В рассматриваемом ответном фрагменте это повтор лексем *Вы* и *упомянули*.

Согласимся с О. А. Барташовой и С. Е. Поляковой и в том, что вследствие чрезмерного использования повторов речь может показаться собеседнику агрессивной.

Снижает качество речи и постпозитивное *там*, которое более напоминает хезитатив (*их личные доли там, поковыряйтесь там*), и употребление экспрессивного, тоже разговорного глагола – *поковыряйтесь*.

В заключение сделаем следующий вывод: несмотря на универсальность в предложенных коммуникативных схемах некоторых способов реакции на критику в речи В. В. Путина (ср. тактика акцентирования положительной информации, тактика указания пути решения проблемы) и средств их языкового выражения, нам удалось установить некоторые тенденции в их использовании в разных схемах.

Начнём с того, в какой последовательности они реализуются, например, тактика акцентирования положительной информации и тактика указания решения проблемы представлены либо в заключительной части ответной реплики (I, II), либо во вводной части (III). Положительная информация представляет собой эмоциональный «буфер», либо предваряя, либо завершая основную часть высказывания, в которой реализуются элементы борьбы (отрицание критики, встречная критика, противопоставление «свои-чужие»).

Основное различие между I и II композиционными схемами заключается в том, что в первой реализуются способы реагирования на критику, характерные для стратегий борьбы за власть, убеждения массового адресата и удержания власти. Композиционная схема II главным образом обнаруживает тактики стратегии удержания власти. Причиной этого различия, по нашему мнению, является субъект критической оценки. В тех случаях, когда критика исходит от представителя иностранного государства, она воспринимается как угроза извне и требует более эмоциональной реакции со стороны главы государства, способной оказать воздействие на аудиторию. Критика со стороны «внутренних» оппонентов воспринимается президентом как повод для аргументированной манифестации действий главы государства по устранению критикуемых явлений.

В III композиционной схеме, где объектом критики становятся профессиональные качества самого президента, наиболее ярко выражен эмотивный компонент речи. На уровне языковых средств это проявляется в использовании лексических и синтаксических средств интенсификации (*полностью, очень, без преувеличения, не просто, ...а...* и т. д.) для усиления воздействия на аудиторию, а также стилистически сниженной, разговорной лексики и разговорных оборотов (*пекутся, не в восторге; у них у самих там полно проблем; уму непостижимо*). Стоит отметить, что именно в этой схеме (см. вопрос о дочерях президента) может обнаружить себя коммуникативная неудача, которая, во-первых, напоминает нам, что президент – реальный,

живой человек, во-вторых, доказывает, что диалоги между ним и аудиторией действительно неподготовленные, во многом спонтанные, в них, как в живой речи, дистанция между эмоциональным и рациональным значительно короче, чем в подготовленных, заранее продуманных и потому нередко кажущихся искусственными официальных речах.

2.3. Семантический анализ ответных реплик диалогических единств

С развитием информационных технологий и сети Интернет появляются новые автоматизированные системы анализа текста, которые дают исследователю возможность быстро анализировать большие объемы материала. Перспективными в этой области представляются сервисы, созданные для поисковой оптимизации (англ. SEO – search engine optimization) текстов, размещаемых в сети Интернет. Для проведения семантического анализа воспользуемся онлайн-сервисом Advego.

В результате семантического анализа текста ответных фрагментов диалогических единств, взятых из пресс-конференций с В. В. Путиным за 2016–2017 гг. в объеме 27310 символов (без пробелов) – 11257 символов (2016 г.) и 16053 символов (2017 г.), были определены наиболее часто встречающиеся слова, составляющие семантическое ядро этих текстов.

Определение наиболее частотных слов в ответных репликах на критику из речи В. В. Путина позволяет выявить и проанализировать смысловые акценты, расставленные в зависимости от обсуждаемых тем и характеристик критических высказываний. По нашему мнению, увеличение частотности употребления определенной лексики является одним из способов воздействия на аудиторию при реакции на критику.

Применяемый нами количественный анализ словоупотреблений является одним из важных методов лингвистического анализа, а в современных исследованиях используется также при определении параметров информационных войн. Принимая за основу понятие К. Юнга о коллективном бессознательном, П. Н. Хроменков анализирует поисковые

запросы в системах Яндекс и Google и определяет кодовый набор слов с наибольшей частотой употребления. По мнению ученого, подобные слова-маркеры выступают в качестве инструментария манипуляции с аудиторией на подсознательном уровне и позволяют проследить динамику конфликтогенных процессов в обществе [Хроменков 2015: 76-80].

В рамках проводимого нами исследования мы видим своей задачей определить группы слов с наибольшей частотностью, используемых В. В. Путиным для оказания воздействия и реализации наиболее характерных для его риторики коммуникативных тактик – тактики указания пути решения проблемы и тактики указания на перспективу (по определению О. Н. Паршиной [Паршина 2005: 147]). Мы полагаем, что выбор тактик и языковых единиц обусловлен несколькими факторами: объектом критики, субъектом критики и общим социально-политическим контекстом.

Определим тематику вопросов на примере стенограммы ежегодной пресс-конференции 2017 года, где В. В. Путину было задано 65 вопросов, из которых 4 содержали критику. В первом вопросе объектом критики стала кадровая политика России (*Как может человек, склонный к суициду, занимающийся торговлей допингом, снова возглавить Российское антидопинговое агентство? Кто стоял за этим? Будут ли названы имена, пароли, явки? Будут ли наказаны те, кто покрывал Родченкова?*), во втором – отношения между Россией и США (*И многие американцы считают, что что-то не так. И раз уж так много дыма, то огонь тоже должен быть. Каким образом Вы американцам объясните колоссальное число контактов между представителями кампании Трампа и вашим Правительством?*), в третьем – расхождения между официальными отчетами и реальной ситуацией в России (*Владимир Владимирович, из Ваших ответов, честно говоря, складывается впечатление, что Вас иногда некорректно информируют о состоянии дел, по крайней мере, в экономике. У меня налоговый вопрос. Хочется услышать всё-таки какой-то более реальный ответ. Будут ли расти налоги в 2018 году и далее?*), в четвертом – политика

в отношении Донбасса (*И если Вы всё-таки выиграете выборы, возможно, Вы будете и дальше занимать такую абсурдную позицию по Донбассу, по миротворцам? И на практике люди ваши, которые решают там вопросы, они занимаются резнёй населения Донбасса, и Вам не стоит этого бояться, потому что освобождённые украинские города, как Славянск и Мариуполь, живут прекрасной мирной жизнью*).

Приведенные фрагменты иницилирующих реплик интересуют нас, в первую очередь, с позиции определения тематики вопросов, которые в дальнейшем помогут выделить соответствующую им лексику среди наиболее частотных слов, используемых президентом. Например, лексема *Украина* попадает в семантическое ядро текста в связи с тематикой обсуждаемого вопроса и не несет никакой другой функции, кроме номинативной. Лексические единицы такого типа будут варьироваться в ответных фрагментах в зависимости от тематики вопросов, но не будут учитываться нами при определении универсального набора лексем, используемых при реакции на критику.

Теперь обратимся непосредственно к анализу наиболее частотных слов в ответных репликах В. В. Путина. На основании количественных данных, полученных при работе с онлайн-сервисом Advego, удалось установить, что наиболее частотными словами в анализируемых ответных фрагментах диалогических единств из пресс-конференции 2017 года являются следующие: *все* (29 словоупотреблений), *оно* (17), *Украина* (17), *сделать* (15), *много* (13), *делать* (12), *нужно* (12), *согласиться* (12), *знать* (9) и *народ* (9). Важно отметить, что при количественном подсчете система Advego учитывает полную парадигму слова и формирует итоговый отчет, используя исходную форму этого слова. Например, глагол *согласиться* встречается в речи В. В. Путина в следующих формах:

Я и с этим согласился, и чтобы не было сомнений в том, что мы с этим согласны, мы внесли проект соответствующей резолюции, что должны появиться силы ООН, которые возьмут под защиту сотрудников

ОБС; Я знаю, что Вы, наверное, с этим не согласитесь, но у каждого человека своя позиция; <...> повлиять на руководство двух непризнанных республик, ЛНР и ДНР, с тем чтобы они согласились на этот обмен (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 14.12.2017).

Считаем, что нескольких примеров достаточно для демонстрации того, что глагол *согласиться*, значительно уступающий в СРЛЯ по частотности глаголу *знать*, опережает в речи В. В. Путина последний и встречается в формах прошедшего и будущего времени (*согласился, согласились, согласитесь*), образуя грамматическую основу в сочетании с подлежащими всех трёх лиц (*я согласился, вы согласитесь, они согласились*). Согласие является одним из способов выражения тактики солидаризации, важной для самопрезентации президента. В. В. Путин одновременно и соглашается, и призывает к согласию массового адресата.

Для того чтобы получить более содержательные выводы, считаем необходимым сначала определить отличие наиболее частотных лексических единиц, используемых В. В. Путиным при реакции на критику и при реакции на вопросы, которые не содержат критику. Для этого выделим фрагмент текста из стенограммы той же пресс-конференции 2017 года, состоящий из ответных фрагментов диалогических единств, в которых критика не содержится. Для получения более верных данных были отобраны фрагменты текста, по объёму равные рассмотренному ранее фрагменту, содержащему критику (16053 символа без пробелов). Полученный результат представим в виде таблицы и предложим сравнительный анализ.

Сравнительный анализ наиболее частотной лексики в речи
В. В. Путина (на материале ответных фрагментов ДЕ из стенограммы
ежегодной пресс-конференции 2017 года)

ДЕ, содержащие критику		ДЕ, не содержащие критику	
все	29	все	19
оно	17	работа	16
Украина	17	вопрос	13
сделать	15	регион	13
много	13	знать	12
делать	12	много	9
нужно	12	ребенок	9
согласиться	12	решение	9
знать	9	сфера	8
народ	9	безопасность	7

Во время проведения сравнительного анализа, напомним, в выводах мы не учитывали лексику, обусловленную тематикой общения и обладающую исключительно номинативной функцией (в данном случае – *Украина*, *регион* и *ребенок*). По нашему мнению, лексика такого типа не выполняет коммуникативно-прагматической функции, что не позволяет отнести её к средствам реакции на критику, оценить её аргументативный потенциал и раскрыть намерения говорящего.

Сравнительный анализ показал, что вне зависимости от присутствия в диалогическом единстве критики, наиболее частотной является лексема *все* (29 и 19 словоупотреблений), однако в репликах на критику её частотность на треть выше. Общими для «критических» и «некритических» ДЕ являются также лексемы *знать* (соответственно: 9 и 12) и *много* (13 и 9).

Частотность названных лексем можно объяснить с двух точек зрения. С одной стороны, обнаруженные лексеммы обладают высокой частотностью в современном русском литературном языке. В частотном словаре русского языка Л. Н. Засориной находим следующие количественные значения: все – 4752 словоупотреблений, знать – 2192, много – 664 [Засорина 1977].

С другой стороны, использование именно этих слов, на наш взгляд, является одним из лексических средств реализации коммуникативных задач главы государства. Лексеммы *все*, *знать* и *много* выполняют ключевую функцию в реализации следующих коммуникативных задач: тактики единения у лексеммы *все* (*Надо всем нам научиться; Уже говорил, хочу повторить, я считаю, что все дети талантливы*), актуализации фатической функции у лексеммы *знать* в составе вводных компонентов (*Вы знаете, миф о ручном управлении сильно преувеличен; Знаете, при всём уважении к оппозиции Президента Трампа внутри Соединённых Штатов, – это объективные факторы*), выражению осведомленности (*Мы знаем, мы видим эти процессы; Это плохо, конечно, надо знать всё*), созданию эмоционального акцента на положительных фактах у лексеммы *много* (*у нас там очень много друзей; там много замечательного своеобразия и в языке*), объединению и обобщению статистических и исторических данных (*на протяжении предыдущих многих лет; из многих славянских племён; за счёт многих событий*) и др.

Кроме того, например, лексема *знать* в указанных контекстах является мягким, ненавязчивым средством выражения доверительной атмосферы общения (*Знаете* в роли дискурсива – глагольной формы с неактуальной предикативностью), лексеммы *все*, *много* помогают выразить эмоции, усилить значение последующих слов (*все дети, при всем уважении, много друзей, своеобразия* и т.д.)

Рассмотрев общие черты, характерные для наиболее частотных слов в речи В. В. Путина в «критических» и «некритических» ДЕ, обратимся к различиям в составе их семантического ядра.

В ответных фрагментах диалогических единств, содержащих критику, местоимение *все*, как указывалось выше, значительно более частотно, чем в «некритических». И объяснение тому мы видим в большем эмоциональном потенциале определительного местоимения, которое «усиливает модусную составляющую смысла текста, служит выражению состояния эмоционального напряжения» [Мякшева 2015: 293]. Местоимение *все* выполняет роль одного из средств реализации тактики убеждения и позволяет президенту выразить осведомленность в широком спектре тем и показать масштаб действий по решению указанных в вопросе интервьюера проблем:

Все договорённости по количеству носителей и боезарядов полностью соблюдаются (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 23.12. 2016).

Вы знаете, на Юге России, в том числе то, что касается Чеченской Республики, там несколько проектов развития инфраструктуры. Они все у нас в работе и все изучаются;

Там все вопросы у нас решены, все документы подписаны;

Но мы понимаем все эти проблемы, ведём диалог с нашими коллегами и будем это делать дальше;

А все инициативы подобного рода мы поддерживали и будем поддерживать (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 19.12. 2019).

Обратим внимание также на частотность в ответах на критику глаголов *сделать* (15) и *делать* (12). Вместе они образуют видовую пару, видовую корреляцию, то есть отличаются только грамматическим значением предельности. В ответных фрагментах некритических ДЕ данные лексические единицы присутствуют в незначительном количестве и не являются частотными. Думается, такое различие обусловлено выбираемыми президентом способами реакции на критику, которые определяют отбор лексических единиц. Высокая частотность употребления глаголов *сделать* и *делать* позволяет говорить об активном использовании В. В. Путиным тактик указания пути решения проблемы и тактики указания на перспективу

(обратим внимание на то, что данные глаголы нередко занимает позицию зависимого компонента словосочетания с безлично-предикативными словами семантики долженствования *нужно, надо*). Согласно исследованию О. Н. Паршиной, названные тактики реализуются в рамках коммуникативных стратегий удержания власти и стратегии убеждения [Паршина 2005]. Эти стратегии являются ключевыми в речи В. В. Путина при реагировании на критику. Приведем примеры:

Надо делать выводы из этого и идти вперёд, а не набрасываться как зверьки друг на друга. Надо об этом подумать и сделать выводы;

И сделать это нужно максимально бюрократическим способом, без обращения человека в налоговые инспекции;

А мы это сделаем обязательно. Мы не будем это делать кулуарно, так же как по некоторым другим вопросам: как, скажем по пенсионному возрасту и так далее;

Думаю, что мы сделаем это в самое ближайшее время (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 14.12.2017).

В рассматриваемых примерах глаголы *делать* и *сделать* актуализируются следующим образом: 1) входят в состав осложненного глагольного сказуемого безличного предложения, включающего модальное слово с долженствительной семантикой (*надо делать; надо сделать; нужно сделать*); 2) употребляются в форме будущего времени 1 лица мн. числа с семантикой «общего дела, совместности» (*сделаем, будем делать*). С помощью данных конструкций создается образ уверенного лидера, обладающего авторитетным мнением и способного четко определить пути развития страны и выхода из сложных ситуаций, что особенно важно при реакции на критические высказывания.

Обнаруженные грамматические формы употребления глаголов совпадают с маркерами тактики указания пути решения проблемы, представленными в исследовании О. Н. Паршиной [Паршина 2005: 149].

Полученные результаты семантического анализа ответных фрагментов ДЕ подтверждают сформулированные нами ранее выводы о характере использования в речи Путина способов и средств при реагировании на критику для оказания положительного, более эффективного воздействия на адресата [Боц 2016: 225].

Определение наиболее частотных слов в ответных репликах на критику из речи В. В. Путина позволяет выявить и проанализировать смысловые акценты, расставляемые в зависимости от обсуждаемых тем и характеристик критических высказываний. По нашему мнению, увеличение частотности употребления определенной лексики является одним из способов воздействия на аудиторию при реакции на критику.

2.4. Нарушение постулатов принципа кооперации в ответных фрагментах диалогических единств в речи В. В. Путина

Соблюдение Принципов Кооперации Г. П. Грайса является условием построения успешного диалога и решения коммуникативных задач говорящих. Однако, по нашему мнению, это правило действует не во всех ситуациях общения, а только при равенстве интересов собеседников. Формат публичного диалога с президентом предполагает участников общения с диаметрально противоположными коммуникативными задачами. Так, задачей представителя СМИ является получение как можно большего количества информации по сложным, провокационным вопросам, а задачей президента – скрытие и вуалирование этой информации. Поэтому считаем, что соблюдение Принципов Кооперации в их классическом смысле противоречит изучаемой ситуации общения. Предполагаем, что нарушение Принципов Кооперации является необходимым условием для достижения коммуникативных задач главы государства.

Постулаты принципа кооперации (см. 1.2.1) были сформулированы с той позиции, что цель участников общения — максимально полный и эффективный обмен информацией. Однако, по признанию самого

Г. П. Грайса, это слишком узкое определение. Приведенный комплекс постулатов, по мнению ученого, необходимо привести к общему виду, чтобы его можно было применить к различным целям, например, оказанию влияния или управлению действиями людей [Grice 1975: 45-47; Грайс 1985: 222-224].

Иными словами, уже сам Г. П. Грайс понимал, что эти постулаты действуют не во всех ситуациях общения, а только при равенстве интересов собеседников. Некооперативная стратегия речевого поведения позднее была названа «коммуникативным саботажем».

Одно из наиболее ранних упоминаний коммуникативного саботажа в отечественной лингвистике находим в работе Т. М. Николаевой (1990). Примечательно, что, опубликованная в тематическом выпуске «Логический анализ языка», статья называется «Противоречивость и аномальность текста». Полагаем, что три десятилетия назад в лингвистике главенствовал такой подход в оценке эффективности коммуникации, когда в фокусе внимания исследователей оказывалась конвенциональность речевого поведения, отклонения от эталона считались речевой аномалией. Однако сам автор отмечает, что жесткое следование этим нормам «иллюзорно», а отклонения от них являются более естественными и реалистичными, чем «оптимистические предпосылки» принципа кооперации [Николаева 1990: 25]. Обращаясь к прагматическому аспекту явления, исследователь говорит о коммуникативном саботаже как о коммуникативной установке, направленной на «срыв идеально прозрачного обмена информацией в беседе» [Николаева 1990: 26]. Ученый выделяет четыре вида саботажа:

- 1) навязывание коммуниканту своего мнения об обсуждаемой ситуации,
- 2) нежелание дать ожидаемый ответ на вопрос,
- 3) стремление уйти от реми-предикативного аспекта беседы (от обмена новой, характеризующей информацией, информацией мысли, а не факта),

4) желание задеть, обидеть собеседника [Николаева 1990: 26].

В исследовании В. Ю. Андреевой (Скобликовой) проявления некооперативной стратегии речевого поведения объединены и представлены как речевой жанр коммуникативного саботажа [Андреева 2009]. Коммуникативный саботаж понимается ученым как «реактивный жанр, выражающий скрытое противодействие говорящего, представляющий собой имплицитный отказ ответить на вопрос собеседника, выраженный в форме отказа от ответа, уклонения от ответа или смене темы обсуждения» [Андреева 2009: 31].

Таким образом, коммуникативный саботаж носит неявный характер и для его обнаружения требуется оценить «элементы речевой ситуации» [Михальская 1996: 51]: особенности изучаемого дискурса, контекст, социальные роли говорящих, «фактор адресата» [Арутюнова 1981], а также их лингвокультурную принадлежность. В этой связи мы считаем возможным отнести коммуникативный саботаж (далее – КС) к жанрам не прямой коммуникации. Вслед за В. В. Дементьевым под не прямой коммуникацией мы понимаем «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [Дементьев 2006: 3].

В диссертационном исследовании Е. Э. Яренчук КС рассматривается в рамках когнитивного подхода и определяется как тип имплицированного конфликта между собеседниками [Яренчук 2013]. По мнению исследователя, причинами возникновения КС могут являться внешние и внутренние факторы. К внешним факторам, по мнению Е. С. Яренчук, относится нарушение коммуникативных норм и правил поведения, выделенные автором внутренние факторы можно свести в единый спектр эмоционально-ценностных установок личности говорящего [Яренчук 2013: 9].

В исследовании К. Ф. Седова КС упоминается как негативная черта «конфликтно-агрессивной языковой личности» [Седов 1999: 22].

Приводимый ученым пример коммуникативного саботажа (ответ вопросом на вопрос) иллюстрирует лишь один из возможных способов его актуализации в речи.

В приведенной ниже таблице представлены результаты нашего сопоставления категорий постулатов принципа кооперации Г. П. Грайса (1985) с внутрижанровыми тактиками и языковым воплощением КС, изложенными в исследовании В. Ю. Андреевой (2009).

Таблица 2

**Внутрижанровые тактики КС сквозь
призму принципа кооперации**

Постулаты принципа кооперации	Тактики КС	Языковое воплощение тактик КС
Количество	Отказ от продолжения коммуникации	Лексические средства с семантикой прерывания разговора (например, фраза <i>Без комментариев</i>)
Качество	Уклонение от ответа	Переспрос (ответ вопросом на вопрос); ссылка на другое лицо; риторический вопрос.
Отношение	Смена темы	На синтаксическом уровне – вопросительные и восклицательные предложения. На лексическом – разговорная, бранная лексика.

Приведенная таблица позволяет представить целостную картину явления коммуникативного саботажа и оценить его с позиции нарушения традиционных норм успешной коммуникации. Жанр коммуникативного саботажа не предполагает нарушения постулатов категории Способа (Максима манеры). Следовательно, в рамках КС говорящий соблюдает ясность в выражении мыслей, не нарушая принципа кооперации, что вполне логично и оправданно, так как запутанность и неоднозначность в речи противоречит и основному принципу КС, т.е.

имплицитности. Неразборчивая, сбивчивая речь спровоцирует повышенное внимание собеседника, в такой ситуации уход от ответа и смена темы не останутся незамеченными и будут оцениваться как коммуникативная неудача говорящего. Следовательно, как мы считаем, коммуникативный саботаж не предполагает нарушения постулатов категории Способа, поэтому данная категория в рамках данной статьи при анализе материала нами не учитывалась.

Анализ ответных фрагментов диалогических единств (141832 печатных символа) в речи В. В. Путина показал, что одним из наиболее часто нарушаемых постулатов в его речи является постулат категории Количества “Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется” [Грайс 1985: 222], однако мы не обнаружили отчетливого соотношения его нарушения во внутрижанровых тактиках КС (см. таблицу 1). Думается, что нарушение данного постулата коррелирует с таким типом саботажа, как «навязывание коммуниканту своего мнения об обсуждаемой ситуации», представленным в классификации Т. М. Николаевой [Николаева 1990: 26].

Количественные подсчеты показывают, что ответная реплика президента значительно превышает по объему иницирующую реплику журналиста. В некоторых диалогических единствах это соотношение достигает 1:10. Например, в рамках одного диалогического единства из пресс-конференции объем иницирующей реплики равен 732 символам, а реагирующей реплики – 4050 (соотношение 1:6). С нашей точки зрения, подобная информационная избыточность объясняется тем, что В. В. Путин использует диалогические жанры интервью как платформу для реализации стратегии удержания власти. Как следствие, в его речи находят отражение различные способы оказания воздействия на аудиторию, обладающие определенной протяженностью во времени.

Нарушение постулата релевантности в речи В. В. Путина проявляется в уклонении от прямого ответа на неудобный вопрос и построении ответного

высказывания вокруг тем, положительно воспринимаемых аудиторией. В данном случае мы можем наблюдать проявление нескольких тактик коммуникативного саботажа. Рассмотрим это на примере следующего фрагмента пресс-конференции:

Журналист: <...> И при этом когда, например, мы – журналисты – делаем какие-то расследования или выдвигаются общественные обвинения, как против генпрокурора Чайки и его окружения, власть, вместо того чтобы на самом деле разобраться, провести расследование, начинает или кричать про заказ страшного Госдепа, страшного Обамы, или начинает, наоборот, проверять, как прокуратура пришла на телеканал «Дождь», который помогал в расследовании. Если дальнбойщики, например, тоже выходят на акции протеста, то их обвиняют, что это некий заказ и так далее, вместо того чтобы с ними поговорить. Владимир Владимирович, вопрос простой. Когда Вы приходили в 2000 году к власти, Вы таких итогов ожидали? И, может быть, что-то стоит поправить, может быть, ещё не поздно? Спасибо.

В. В. Путин: По поводу итогов. Думаю, что если мы хотим быть объективными, мы должны признать, что итоги не только в этом. Итоги прежде всего в значительном увеличении доходов населения, в укреплении экономики, которая почти в два раза выросла. Объём нашего ВВП вырос почти в два раза – вот в чём итоги. Укрепление обороноспособности страны, возможностей Вооружённых Сил – вот в чём итоги. Борьба с терроризмом, проявления которого мы ещё не до конца поборол, но хребет точно переломили, – вот в чём итоги <...> (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 17.12.2015).

В рассматриваемом фрагменте иницилирующая реплика журналиста содержит критику, которая проявляется в обвинительном высказывании (*власть, вместо того чтобы на самом деле разобраться, провести расследование, начинает или кричать про заказ страшного Госдепа, страшного Обамы <...>*). Желание журналиста подчеркнуть

необоснованное, по его мнению, поведение власти обуславливает выбор нарочито упрощенной, разговорной лексики (*кричать про заказ страшного Госдепа, страшного Обамы*), а манипулятивный эффект усиливается с помощью синтаксического параллелизма (*вместо того, чтобы на самом деле разобраться; вместо того чтобы с ними поговорить*). Заключительные фразы высказывания журналиста содержат завуалированный упрек (*Когда Вы приходили в 2000 году к власти, Вы таких итогов ожидали?*).

Ответная реакция В. В. Путина строится на нарушении принципа релевантности. При этом у адресата не возникает ощущения отклонения от темы, так как в своем ответе президент продолжает говорить об итогах, однако вместо тактики разъяснения и оправдания президент использует тактику актуализации положительной информации, перенаправляя тему итогов в иное русло и указывая на положительные результаты развития России (*увеличение доходов населения, укрепление экономики, укрепление обороноспособности страны и т.д.*). Позитивный эффект от сказанного достигается в речи президента посредством повтора (*Объём нашего ВВП вырос почти в два раза – вот в чём итоги. Укрепление обороноспособности страны, возможностей Вооружённых Сил – вот в чём итоги. Борьба с терроризмом, проявления которого мы ещё не до конца поборол, но хребет точно переломили, – вот в чём итоги*). Три последовательно идущих друг за другом предложения В. В. Путин завершает акцентирующей фразой *вот в чем итоги*.

Нарушение постулата релевантности можем наблюдать и в более ранних публичных выступлениях президента. Рассмотрим фрагмент диалогического единства из пресс-конференции 2007 года:

Журналист: <...> И одно уточнение, связанное со строительством нефтепровода. Я понял, что Вы до конца Вашего срока не собираетесь уходить, но... (Оживление в зале.) Нет, вы поймете, вы поймете. Но я прочитал такое резкое мнение, что Вы сидите на чемоданах и собираетесь

убежать. Это мнение, по-моему, шахматиста Каспарова. Так ли? Будет ли этот нефтепровод построен при Вашем присутствии в России или нет?

В. В. Путин: Я занимался в свое время борьбой дзюдо, а не легкой атлетикой, бежать никуда не собираюсь. (Смех.) (Ежегодная пресс-конференция В.В. Путина, 01.02.2007).

В ответном фрагменте диалогического единства В. В. Путин уклоняется от обсуждения темы преждевременного ухода с поста президента, обращая сказанное в шутку. Несоблюдение постулата релевантности осуществляется за счет намеренной подмены семантического наполнения глагола *убежать*. В речи журналиста данная лексема употребляется в значении «покинуть кого-, что-л., незаметно, тайком; сбежать» [Кузнецов 2000: 1362], В. В. Путин использует глагол *бежать* в значении “быстро продвигаться вперед в определенном направлении, попеременно отталкиваясь ногами от земли” [Кузнецов 2000: 64] для построения высказывания, комический эффект которого достигается посредством неожиданной и кардинальной смены темы разговора (*Я занимался в свое время борьбой дзюдо, а не легкой атлетикой, бежать никуда не собираюсь*). Таким образом президент пытается создать впечатление несостоятельности критики и нивелировать негативный эффект от неё. По мнению В. Ю. Андреевой, для институциональных типов дискурса в целом характерна манипулятивная роль говорящего, в речи которого реализуется намерение «незаметно для собеседника изменить ход диалога, повлиять на направление беседы» [Андреева 2009: 13].

Анализируемые речевые действия президента указывают на такую внутрижанровую тактику КС, как смена темы, что коррелирует с нарушением постулата релевантности. В теоретической части исследования мы упоминали, что Г. П. Грайс предвидел затруднения в аргументации смещения акцента релевантности в процессе коммуникации. Думается, подобная неоднозначность вызвана разной степенью допущения отклонений от основной темы в разных типах и жанрах дискурса. Так, невозможно

представить полное отсутствие взаимосвязи между вопросом представителя СМИ и ответом президента, так как это противоречило бы статусу элитарной языковой личности. Отклонение от темы в президентском дискурсе смягчается, например, посредством вспомогательных языковых средств. В рассматриваемом фрагменте смещение смыслового акцента достигается с помощью метонимического переноса с темы бегства от ответственности (*Вы сидите на чемоданах и собираетесь убежать*) в тему спортивных увлечений (*Я занимался в свое время борьбой дзюдо, а не легкой атлетикой, бежать никуда не собираюсь*), что создает комический эффект и вызывает смех в аудитории. Роль шутки в данном случае заключается в сглаживании конфликтной ситуации, порождаемой отрицательными оценочными высказываниями. В этой связи представляется возможным считать языковую игру (например, на основе метонимии), языковым воплощением поджанра КС «смена темы».

По нашему мнению, анализируемые выше речевые действия президента относятся к типу психологической амортизации, когда говорящий намеренно смещает смысловой акцент высказывания в сторону тем, положительно воспринимаемых аудиторией. Эти действия направлены на сглаживание конфликтной ситуации, порождаемой отрицательными оценочными высказываниями.

Выводы из 2 Главы

Характерным способом реагирования на критику в риторике российского президента является смена полярности эмоционального фона публичного общения. Президент оперирует различными способами снижения градуса эмоциональной напряженности, создаваемой вопросом журналиста и провоцирующей чувство тревоги и недоверия среди массового адресата. Средства, воплощающие эти способы, включают структурно-семантические преобразования, такие как нарушение говорящим очередности ответов на вопросы, тематическая группировка задаваемых вопросов и эвфемизация. Возможность влиять на ход диалога обусловлена главенствующей социальной ролью президента. Снижая уровень негативной эмоциональности, В. В. Путин в то же время создает благоприятный эмоциональный фон и доверительную атмосферу. Основная роль реализации этой коммуникативной задачи отводится разнообразным лингвистическим средствам манифестации эмоционального состояния президента и его сопричастности обсуждаемому вопросу.

Анализ композиционных характеристик ответных высказываний В. В. Путина на критику позволил выделить три коммуникативные схемы, построенные на основании компонентов коммуникативной ситуации. В итоге был сделан вывод, что в зависимости от источника критического высказывания президент избирает различные способы реагирования. Определяющим критерием становится дихотомия «свой-чужой», и чем дальше от круга доверия находится субъект критики, тем интенсивнее в речи президента проявляются элементы противостояния и борьбы. Прежде всего, это утверждение относится к представителям иностранных государств и внутренней оппозиции.

Количественный анализ семантики ответных реплик В. В. Путина позволил установить зависимость между, с одной стороны, реализацией коммуникативных тактик указания решения проблемы и указания на перспективу, с другой – выбором лексических средств. По сравнению с

диалогическими единствами, в которых критика отсутствует, в ответной реакции на критическое высказывание используется лексика с семантикой деятельности (*делать, сделать*) и долженствования (*нужно, надо*). Увеличение частоты использования определительного местоимения *все*, обладающего потенциалом эмоционального усиления, свидетельствует о стремлении к большей степени убедительности, реализуемой в речи президента в «критических ситуациях» (*Там все вопросы у нас решены, все документы подписаны*).

Прагматика речевого поведения В. В. Путина обусловлена необходимостью решения задач профессиональной коммуникации – сохранить и удержать власть в стране. Решение этих основополагающих задач президентского дискурса в некоторых случаях противоречит классическим принципам кооперативного общения. Поэтому обнаруженные в его речи признаки нарушения постулатов принципа кооперации (информационная избыточность, уход от ответа, отклонение от темы и др.) свидетельствуют не о коммуникативной неудаче, а напротив, являются подтверждением успешной реализации норм успешной коммуникации институционального дискурса.

ГЛАВА 3. СПОСОБЫ И СРЕДСТВА РЕАКЦИИ НА КРИТИКУ В РЕЧИ Б. ОБАМЫ

3.1 Изучение речи Б. Обамы в отечественной и зарубежной лингвистике

Барак Хуссейн Обама, 44–й президент США, стал яркой политической фигурой западного мира. Первый афроамериканец, оказавшийся в кресле президента, искусный оратор с блестящим образованием и опытом работы в политике, он сразу же привлек внимание широкой общественности. За предвыборной кампанией Б. Обамы следил весь мир, а его знаменитая фраза “*Yes, we can*” («*Да, мы можем!*») навсегда вошла в копилку политических цитат. По мнению С. Лейта, успех этой знаменитой фразы обусловлен тремя

последовательно идущими ударными слогами, которые редко встречаются в речи [Leith 2012: 305].

Личность будущего американского президента привлекла внимание исследователей уже в ходе проведения предвыборной компании. Работа М. М. Степановой посвящена предвыборному дискурсу будущего президента и особенностям реализации в нём речевых тактик на лексическом уровне [Степанова 2009]. Целью исследования Е. В. Шустровой является доказательство влияния на речь действующего американского президента афроамериканской культуры. Исследователь проводит сравнительный анализ речей Дж. Буша и Б. Обамы, опираясь на теорию фреймов и делая акцент на их национально-культурной принадлежности [Шустрова 2010].

По нашему мнению, исследования, посвященные изучению речи Б. Обамы, можно систематизировать следующим образом: 1) многочисленные работы в области риторики, в которых 44-й президент США представлен как образец для подражания, обладающий выдающимися ораторскими способностями (такого рода исследования являются руководством для успешных публичных выступлений); 2) исследования, посвященные прагматическим аспектам президентского дискурса Б. Обамы, в которых рассматриваются речевые стратегии и тактики, направленные на решение его профессиональных задач; 3) работы, где языковая личность Б. Обамы как политика анализируется сквозь призму его национальной принадлежности.

В книге Ш. Лиэнн, американского специалиста по развитию лидерских качеств, Б. Обама представляется эталоном успешного оратора, в ней приведен подробный анализ практических приёмов и методов, применяемых президентом для достижения определенных коммуникативных задач (в частности, как завоевать доверие и вселить уверенность, как излагать концепции, как убеждать слушателей и т.д.). По мнению Ш. Лиэнн, составляющими грамотной полемики Б. Обамы являются его способность брать на себя ответственность, умение отстаивать свои убеждения и

демонстрировать неизменность своих взглядов. Говоря о секрете политического успеха Б. Обамы, исследователь отмечает, что «лидеры в любой сфере только выигрывают, если они обладают выдающимися коммуникативными способностями, поскольку умение излагать идеи, внушать доверие, убеждать и мотивировать людей – залог эффективного руководства» [Лиэнн 2010: 16].

Одним из средств создания выразительности и образности в речи американского президента, по мнению американского фольклориста В. Мидера, являются поговорки и крылатые выражения [Mieder 2009]. Помимо общеупотребительных фразеологизмов, исследователь выделяет в речи Б. Обамы запоминающиеся высказывания, обладающие параллельным синтаксисом, аллитерацией, лаконичностью и метафорической природой. Согласно наблюдениям ученого, такие высказывания повторяются в речи американского президента периодически. Например, *America prospers when all Americans prosper* (Америка процветает тогда, когда процветают все американцы), *America invests in you, and you invest in America* (Америка вкладывает в тебя, а ты вкладываешь в Америку) и др. Некоторые, наиболее удачные из них, становятся шаблоном, который снова появляется в речи президента с некоторыми изменениями в зависимости от контекста. Названные характеристики высказываний и их повторяемость позволяют В. Мидеру называть их «псевдо-поговорками».

На основе подобных высказываний, характеризующих идиостиль политика, составляются словари цитат. В диссертационном исследовании В. Г. Перцевой анализируется одно из таких лексикографических изданий *The Greatest Gift I Could Offer. Quotations from Barack Obama on Parenting and Family* (Самое большое, что я мог дать. Высказывания Барака Обамы о семье и детях). Данный словарь представляет президента как обычного американца с насущными бытовыми проблемами, что тем самым сокращает дистанцию между ним и избирателями. По мнению В. Г. Перцевой, «основная цель данного словаря цитат – пропагандирующая, что превращает

словарь в инструмент, с помощью которого происходит воздействие на потенциальных избирателей» [Перцева 2017: 154].

По мнению С. Лейта, риторический стиль Б. Обамы складывался под воздействием нескольких факторов: во-первых, политического и ораторского наследия Авраама Линкольна и Мартина Лютера Кинга как борцов за равноправие людей вне зависимости от цвета кожи, во-вторых, профессионального опыта, полученного Б. Обамой во время работы общественным организатором в Чикаго, а затем преподавателем конституционного права, где приобреталось и оттачивалось искусство работать с аудиторией и убедительно говорить, в-третьих, влияния семьи, а именно отца Б. Обамы, который хотя не принимал участия в воспитании сына и навестил его только однажды, когда мальчику было десять лет, но во время своего единственного визита отец произвел на сына большое впечатление своими ораторскими способностями и подарил веру в силу слова [Leith 2012: 179].

В качестве примера ораторского искусства 44-го президента США С. Лейт анализирует фрагменты речи Б. Обамы, взятые из его выступления у Колонны Победы в Берлине в 2008 году (1), выступления перед Конгрессом в 2010 году (2) и собрания членов партии (кокуса) в штате Айова в январе 2008 года (3).

1) *As we speak, cars in Boston and factories in Beijing are melting the ice caps in the Arctic, shrinking coastlines in the Atlantic, and bringing drought to farms from Kansas to Kenya (В то время, пока мы здесь говорим, из-за автомобилей в Бостоне и заводов в Пекине тают ледяные шапки Арктики, сокращаются береговые линии Атлантики, а фермы от Канзаса до Кении страдают от засухи).*

2) *Tonight, after nearly one hundred years of talk and frustration, after decades of trying, and a year of sustained effort and debate, the United States Congress finally declared that America's workers and America's families and America's small businesses deserve the security of knowing that here, in this*

country, neither illness nor accident should endanger the dreams they've worked a lifetime to achieve (Сегодня, после почти ста лет тревог и отчаяния, после десятилетий попыток и года постоянных усилий и дебатов, Конгресс Соединенных Штатов, наконец, заявил, что американские рабочие, американские семьи и американские малые предприятия заслуживают уверенности в том, что здесь, в этой стране, ни болезнь, ни несчастный случай не должны ставить под угрозу мечты, над которыми они работали всю жизнь).

3) I'll be a president who finally makes healthcare affordable... I'll be a president who ends the tax breaks... I'll be a president who harnesses the ingenuity... I'll be a president who ends this war in Iraq... (Я буду президентом, который наконец сделает здравоохранение доступным... Я буду президентом, который упразднит налоговые льготы... Я буду президентом, который будет проицательным ... Я буду президентом, который прекратит эту войну в Ираке...).

Выделенные С. Лейтом выразительные языковые средства можно, по нашему мнению, разделить на акустические, оказывающие воздействие на аудиторию посредством гармоничного звучания, и стилистические, отвечающие за образность речи. К акустическим средствам, по мнению автора, относятся:

- 1) аллитерация (*Boston – Beijing; Arctic – Atlantic; Kansas to Kenya*),
- 2) анафора, называемая автором одной из наиболее характерных особенностей риторики Б. Обамы (повтор *I'll be a president who* в начале каждого последующего предложения),
- 3) плеоназм (повтор *America's*).

Стилистические средства в речи Б. Обамы, по мнению П. С. Акининой, помогают разнообразить его выступления, придают образность речи и помогают завоевать внимание аудитории. Палитра изобразительно-выразительных средств, обнаруженная этим исследователем в речи

Б. Обамы, включает метонимию, метафору, синтаксический параллелизм, градацию, асиндетон, антитезу, эпифору и анафору [Акинина 2019: 70].

Рассмотрим работы зарубежных и российских ученых, в которых объектом лингвистического анализа выступает прагматический аспект президентского дискурса Б. Обамы. В диссертационном исследовании Р. Т. Садуова дискурс американского президента рассматривается как единство монокодовых и поликодовых текстов. По мнению автора, самой характерной чертой дискурса Б. Обамы является автобиографичность, в диссертации рассматривается тематика автобиографических текстов. Р. Т. Садуов также выделяет в его дискурсе прецедентные феномены (исторические документы и события, известные личности, прецедентные тексты) и говорит об особенностях использования прецедентных имен в речи президента. Исследователь обращает особое внимание на употребление в речи американского президента так называемых «слов-амёб» (метафора, введенная Кара-Мурзой).

Руководствуясь целью проанализировать способы и средства реакции на критику, считаем особенно важным обратиться к исследованиям, посвященным аргументативному дискурсу и поведению Б. Обамы в конфликтных ситуациях. Риторические способы преодоления споров и конфликтов в речи Б. Обамы анализируются в книге Ш. Лиэнн. К ним исследователь относит следующие коммуникативные методы:

1. Знание своих целей и следование им в течение диалога;
2. Умение скромно и достойно вести себя в конфликтной ситуации. По мнению исследователя, важную роль здесь играют невербальные средства коммуникации, такие как интонация и язык тела;
3. Использование экстралингвистических средств, сопровождающих коммуникацию, способную оказывать воздействие на аудиторию (например, государственный флаг);
4. Способность перестроить диалог и подавить конфликт в самом начале. Вспомогательными здесь оказываются тактики апелляции к

ценностям и тактика акцентирования положительной информации (в терминологии О. Н. Паршиной – *Т. Б.*);

5. Готовность открыто признать свою ошибку и принести извинения;

6. Стремление отстоять свою позицию и уточнить нравственные принципы: *But I will never walk away from the larger point that I was trying to make* (Однако я ни за что не отступлюсь от основного заявления, которое стремился сделать).

По убеждению Ш. Лиэнн, «реакция на конфликтные ситуации так же, если не более, важна, чем сам конфликт» [Лиэнн 2010: 205].

Изучаются и отдельные средства реализации коммуникативных стратегий в речи Б. Обамы. Так, в диссертационном исследовании А. Ю. Мирониной подробно рассматривается политическая эвфемия как «дискурсивное средство реализации стратегии уклонения от истины» [Миронина 2012: 7]. К функциям политической эвфемии исследователь относит сглаживание острых углов, а также вуалирование реальной ситуации в социально-политической жизни общества. Автор связывает сокрытие правды в пользу «полуправды» в современном политическом дискурсе с соображениями политической выгоды [Миронина 2012: 6].

Основная роль политических эвфемизмов в речи Б. Обамы заключается в смягчении коммуникативного дискомфорта. Отмечается их вариативность в речи президента в зависимости от тематики выступления, а также от текущего положения дел в жизни страны. Исследование А. Ю. Мирониной показало, что за период с 2008 по 2010 год наиболее частотными в речи 44-го президента США оказались экономические эвфемизмы. Это свидетельствует о том, что в анализируемый период времени, когда общество было обеспокоено последствиями мирового кризиса, экономическая тема являлась наиболее чувствительной. Наименее частотными оказались эвфемизмы из военной сферы, что позволило исследователю связать этот факт с окончанием военных действий в Ираке и Афганистане [Миронина 2012: 13].

Анализ структурных характеристик устных выступлений Б. Обамы позволил А. Ю. Мирониной установить, что наибольшим эвфемистическим потенциалом в его речи обладают словосочетания, а наиболее распространенным типом семантической замены является развертывание (86%). В результате семантических изменений происходит ослабление значения стигматизируемого денотата [Миронина 2012: 14]. К наиболее продуктивным языковым средствам выражения эвфемии в риторике Б. Обамы исследователь относит описательный перифраз (36%) и генерализацию (22%) на лексическом уровне, усложнение структуры словосочетания (30%) – на синтаксическом [Миронина 2012: 15].

Общий подход к анализу реализации коммуникативных стратегий и тактик в речи Б. Обамы представлен в исследовании Д. А. Скулимовской. Работа автора основана на классификации стратегий политического дискурса, предложенной О. Л. Михалевой. Теоретической базой проведенного анализа послужили следующие стратегии:

1. стратегия на понижение, направленная на дискредитацию политического оппонента;

2. стратегия на повышение, выражающая намерение повысить собственный статус, тем самым возвышая себя над оппонентом;

3. стратегия театральности, построенная с учетом адресата на основании параллели, проводимой Е.М. Шейгал между театральным действием и политической коммуникацией [Михалева 2009: 57].

Каждая из предложенных стратегий реализуется в речи Обамы в виде набора тактик. Согласно исследованию Д. А. Скулимовской, языковым средством реализации тактик, относящихся к стратегии дискредитации, в речи Б. Обамы являются лексические единицы с отрицательной семантикой (*repression, killing, brutalize, chemical weapon, bombing*) [Скулимовская 2017: 107]. С другой стороны, стратегия на повышение реализуются с помощью акцентирования положительной информации, относящейся к развитию страны (*economy is growing, creating jobs, unemployment rate is lower etc.*) и

апелляции к ценностям, таким как служение своей стране (*salute, courage, be grateful etc.*) [Скулимовская 2017: 108]. Исследователь отмечает попеременное использование названных стратегий в обращении Б. Обамы к Конгрессу США 2015 г. В ходе речи осуществляется переход от стратегии на повышение к стратегии театральности, затем от стратегии на повышение к стратегии на понижение [Скулимовская 2017: 108]. Думается, смена речевых стратегий продиктована тематическим развертыванием речи и связанными с этим прагматическими задачами 44-го президента США. По мнению Д. А. Скулимовской, смену тактик можно также объяснить целью сравнить себя и оппонента (тактика «свой-чужой» – Т. Б.).

Ряд исследований посвящено изучению речи 44-го президента США через призму национальной принадлежности. Одной из задач такого рода исследований становится обнаружение признаков национальной идентичности и её влияния на профессиональную деятельность политика. Так, в диссертации Ю. М. Чантуридзе политический дискурс исследуется на материале речи афроамериканских политиков, в том числе Б. Обамы.

Обращаясь к лингвокультурологическому аспекту афроамериканского политического дискурса, исследователь называет характерные особенности американского менталитета, такие как индивидуализм, рациональность, автономность личности, самоутверждение, материализм.

Ключевым концептом американской картины мира является *Американская мечта (the American Dream)*. По аналогии с ним автор считает возможным выделить концепт *Афроамериканская мечта*. Основное различие этих концептов обусловлено историческим прошлым африканского народа на территории американского континента. Центральным компонентом *Афроамериканской мечты* является идея расового равенства, свобода и вера. Б. Обама привнес новые смысловые оттенки в понимание концепта *Мечта*. Ими стали «компромисс между Американской мечтой и Афроамериканской мечтой» [Чантуридзе 2015: 115] и идея перемен к лучшему. Компонент *свобода* встречается в победной речи Б. Обамы 2012

года как апелляция к ключевым ценностям американского народа и как синоним ресурсной независимости от других государств. Не менее важный концепт *борьбы (struggle)*, входящий в афроамериканскую картину мира, находит отражение в речи Б. Обамы как призыв бороться за достижение своих целей.

Считаем, что рассмотрение основных элементов концепта *Афроамериканская мечта* является важным для проводимого нами исследования. Понимание лингвокультурных особенностей языковой личности Б. Обамы позволит обнаружить имплицитированные смыслы ответных высказываний и определить прагматические аспекты использования языковых способов и средств при реакции на критику.

Анализируя функции политического дискурса, Ю. М. Чантуридзе опирается на классификацию функций инаугурационного обращения, предложенную Е. И. Шейгал. Рассмотрим те из них, которые автор выделяет в речи О. Обамы.

Успешно реализуется в речи 44-го президента США интегративная функция, заключающаяся в объединении людей в единую нацию [Шейгал 2000: 333]. В своих выступлениях он не противопоставляет афроамериканцев и светлокожих граждан США, а стремится объединить весь народ, осознавая «необходимость преодолеть расовые и классовые противоречия» [Чантуридзе 2015: 44]. Как отмечает исследователь, на языковом уровне идея единства в речи Б. Обамы реализуется посредством эксплицитных маркеров, таких как местоимение второго лица *you* и притяжательных местоимений (например, *This is your victory*) [Чантуридзе 2015: 45].

Инспиративная функция «заключается в воодушевлении нации на предстоящие великие дела и прославление традиционных ценностей» [Шейгал 2000: 334]. Ю. М. Чантуридзе обнаруживает такие языковые средства воплощения этих коммуникативных задач в речи Б. Обамы, как сравнительные и превосходные степени сравнения прилагательных, например, <...> *we live in the greatest nation on Earth* (<...> *мы живем в*

самой великой стране на Земле). На лексическом уровне данная функция проявляется в использовании слов с семантикой общечеловеческих ценностей, таких как *freedom, dignity, peace, respect* и др.

Перформативная функция проявляется в речи президента как носителя определенного социального статуса, она дает возможность говорящему проявить ораторские способности. Декларативная функция, по мнению автора, не прослеживается так же отчетливо, как в инаугурационных речах.

Функция экспрессивности рассматривается Ю. С. Чантуридзе как особая функция, которая выходит на первый план в жанрах публичной и победной речи. По мнению исследователя, активация функции экспрессивности в речи Б. Обамы наиболее ярко проявляется в победных речах 2008 и 2012 годов. Исследователь обнаруживает характерные языковые способы и средства, служащие для объективации этой функции. К ним относятся многочисленные слова с положительной семантикой, метод контрастных сопоставлений (например, контраст ситуации в стране до и после выборов), метафоризация, рефрены, а также юмор. По мнению исследователя, «победная речь характеризуется многоплановостью адресата» [Чантуридзе 2015: 56]. Таким образом, экспрессивность победной речи избранного президента определяется коммуникативной задачей быть понятным всеми без исключения.

Помимо названных функций, для дискурса Б. Обамы, по мнению Ю. М. Чантуридзе, характерна интердискурсивность, которая проявляется в «многоголосии». Это значит, что в его речи присутствуют имплицитные и эксплицитные способы выражения связи с идеями и убеждениями политических предшественников. Так, автор указывает на связь с самой известной речью Мартина Лютера Кинга «I have a dream», многочисленными источниками риторического наследия Авраама Линкольна, а также Конституцией и государственным гербом США. Считаем возможным предположить, что речи известных деятелей, законодательные документы и символы государства проявляются у Б. Обамы в качестве прецедентных

текстов. По нашему мнению, благодаря их узнаваемости и ярким метафорам, вошедшим в лингвокультурный контекст американцев, они были использованы президентом как инструмент для апелляции к чувствам граждан страны.

Семантический анализ победных речей Б. Обамы, проведенный Ю. М. Чантуридзе с помощью компьютерной программы визуализации ключевых слов в тексте, показал, что наиболее частотными словами являются *America, country, work, forward, best, together, nation, hope, new, change, never* и нек. др. Исследователь приходит к выводу, что таким образом в речи 44-го президента США реализуются идеи всеобщего единства, движения вперед, ориентации на будущее и улучшения уровня жизни в стране [Чантуридзе 2015: 92].

3.2. Композиционные характеристики ответных реплик Б. Обамы на критику

Нами было проанализировано 158 ответных фрагментов–реплик Б. Обамы из диалогических единств (далее – ДЕ), причем, 83 из стенограмм пресс-конференций и 75 из стенограмм интервью. Как и в речи В. В. Путина, структура реагирующей реплики Б. Обамы имеет сходство с монологическим высказыванием и состоит из трёх элементов – вводной, основной и заключительной части. Прежде чем приступить к рассмотрению композиционных схем ответных реплик, обратимся к определению лингвокультурных предпосылок, формирующих основную композиционную канву речи Б. Обамы.

Так, анализируя риторические приемы Б. Обамы, исследователи А. С. Крайнс и Р. Лерман приходят к выводу, что большинство его речей построено по принципу мотивированной последовательности Монро (по фамилии психолога Алана Х. Монро), которой придерживались многие американские политики. Типология Монро напоминает иеремиаду, от имени пророка Иеремии из Ветхого Завета. Классическим примером такого

типа речи в американской истории является проповедь Джонатана Эдвардса «Грешники в руках разгневанного Бога», популярность которой в США так велика, что она даже входит в учебную программу старшей школы [Crines, Moon, Lehrman 2016: 264]. Основным мотивом Дж. Эдвардса был призыв верующих твердо придерживаться нравственных основ христианства как пути к спасению от Божьего гнева. Его проповедь составляют пять последовательно идущих элементов: акцентирование внимания, указание на проблему, предложение решения, визуализация успеха и призыв к действию.

По мнению А. С. Крайнса и Р. Лермана, начиная с 2004 года выступления Б. Обамы имеют похожую на проповедь структуру, хотя президент не связывает проблемы американцев с отдалением от веры. Этот факт вовсе не означает, что Б. Обама и его спичрайтеры намеренно придерживаются последовательности Монро. Во многом это объясняется подсознательным имитированием наиболее значимых выступлений – инаугурационной речи Джона Ф. Кеннеди и речи «Мечта» Мартина Лютера Кинга, построенных на её основе. Однако следование структуре Монро ещё не гарантирует успех, важны также язык, содержание и подача [Crines, Moon, Lehrman 2016: 265].

Перед тем как перейти к акцентированию внимания аудитории, Б. Обама использует клишированные традиции американских политиков – юмор, местные факты и шаблонную похвалу в адрес аудитории. Также, в отличие от двухэтапного завершения проповеди, Б. Обама завершает свои выступления в четыре этапа: дает вдохновляющий пример, извлекает урок, призывает к действию и произносит запоминающуюся итоговую фразу, где часто используется прием повтора [Crines, Moon, Lehrman 2016: 265].

Определим актуальность мотивированной последовательности Монро для риторики Б. Обамы в диалогическом общении при реагировании на критические высказывания представителя СМИ. Для этого проанализируем следующий ответный фрагмент диалогического единства из итоговой пресс-

конференции 2014 года (полужирным выделим фрагменты речи Б. Обамы, которые возможно соотнести с элементами мотивированной последовательности Монро):

Journalist: You spoke earlier about 2014 being a breakthrough year, and you ended the year with executive actions on Cuba and immigration and climate change. But you didn't make much progress this year on your legislative agenda. And some Republican lawmakers have said they're less inclined to work with you if you pursue executive actions so aggressively. Are you going to continue to pursue executive actions if that creates more roadblocks for your legislative agenda? Or have you concluded that it's not possible to break the fever in Washington and the partisan gridlock here?

*Barack Obama: I think **there are real opportunities to get things done in Congress. As I said before, I take Speaker Boehner and Mitch McConnell at their words that they want to get things done. I think the American people would like to see us get some things done.** The question is going to be are we able to separate out those areas where we disagree and those areas where we agree. I think **there are going to be some tough fights** on areas where we disagree.*

*If Republicans seek to take health care away from people who just got it, they will meet stiff resistance from me. If they try to water down consumer protections that we put in place in the aftermath of the financial crisis, I will say no. And I'm confident that I'll be able to uphold vetoes of those types of provisions. **But on increasing American exports, on simplifying our tax system, on rebuilding our infrastructure, my hope is that we can get some things done.***

*I've never been persuaded by this argument that if it weren't for the executive actions they would have been more productive. There's no evidence of that. So I intend to continue to do what I've been doing, **which is where I see a big problem and the opportunity to help the American people**, and it is within my lawful authority to provide that help, I'm going to do it. And I will then, side-by-side, reach out to members of Congress, reach out to Republicans, and say, let's work together; I'd rather do it with you.*

*Immigration is the classic example. I was really happy when the Senate passed a bipartisan, comprehensive immigration bill. And I did everything I could for a year and a half to provide Republicans the space to act, and showed not only great patience, but flexibility, saying to them, look, if there are specific changes you'd like to see, **we're willing to compromise, we're willing to be patient, we're willing to work with you.** Ultimately it wasn't forthcoming.*

*And so the question is going to be I think if executive actions on areas like **minimum wage, or equal pay, or having a more sensible immigration system** are important to Republicans, if they care about those issues, and the executive actions are bothering them, **there is a very simple solution, and that is: Pass bills.** And **work with me** to make sure I'm willing to sign those bills.*

*Because both sides are going to have to compromise. On most issues, in order for their initiatives to become law, I'm going to have sign off. And that means **they have to take into account the issues that I care about, just as I'm going to have to take into account the issues that they care about** (End of Year Press Conference, 19.12.2014).*

Проанализируем приведенный ответный фрагмент диалогического единства, опираясь на указанные ранее элементы мотивированной последовательности Монро.

Акцентирование внимания реализуется посредством триколона (*real opportunities – Speaker Boehner and Mitch McConnell – American People*). С помощью этого стилистического средства Б. Обама объединяет государство и народ, осуществляя эту связь через конкретные личности. Эффект единения и следования общей цели усиливается эпифорой – повтором фразы *to get things done* (*добиться результата*).

Визуализация успеха осуществляется в данном фрагменте путем указания на перспективу развития конкретных аспектов внешней и внутренней политики США. Акцентирование внимания аудитории реализуется на уровне синтаксиса посредством инверсии, дополнения выносятся вперед, перед подлежащим, что неизбежно приводит к

необходимости их интонационного выделения, кроме того, однородный ряд формирует градацию (<...> *increasing American exports, on simplifying our tax system, on rebuilding our infrastructure, my hope is that we can get some things done* (<...> *в увеличении американского экспорта, упрощении нашей налоговой системы и восстановлении нашей инфраструктуры мы сможем добиться некоторого результата*). Стоит отметить, что в классической последовательности Монро визуализация успеха располагается в конце выступления и предваряет призыв к действию. Однако в речи президента США визуализация успеха в виде ожидаемых достижений в развитии страны обнаруживается на протяжении всего ответного фрагмента диалогического единства. Президент пользуется случаем, чтобы ещё раз проговорить свою политическую программу, реализуя таким образом тактику убеждения.

Далее Б. Обама говорит о возможных разногласиях, **указывая на проблемы** (*there are going to be some tough fights (возникнут серьезные споры); which is where I see a big problem and the opportunity to help the American people* (*в этом я вижу большую проблему и возможность помочь американцам*)). Подобная тактика речевого поведения демонстрирует осознание реальности происходящего и признание очевидных фактов, требующих решения. Отсюда логически следует мысль, в которой Б. Обама выражает отчетливое представление о пути **решения** разногласий между партиями (<...> *there is a very simple solution, and that is: Pass bills. And work with me to make sure I'm willing to sign those bills* (<...> *есть очень простое решение, а именно: принимать законопроекты. И работать со мной, чтобы убедиться, что я готов подписать эти законопроекты*)). Президент подчеркивает свой главенствующий статус и видит успех в единении и сотрудничестве с правящей демократической партией.

Прямой **призыв к действию** как таковой отсутствует. Думается, это связано с тем, что обращение к массовому адресату в жанре публичного диалога производится не напрямую, а опосредованно. При ответе на вопрос журналиста, содержащий критику, президенту важно убедить аудиторию в

своей способности решать вопросы и находить выход из конфликтных ситуаций. Однако с помощью синтаксического хиазма (*they have to take into account the issues that I care about, just as I'm going to have to take into account the issues that they care about* (им придется учитывать вопросы, которые заботят меня, точно также как мне придется учитывать вопросы, которые волнуют их)) Б. Обама удается эффектно завершить ответную реплику и лаконично выразить идею компромисса, который видится им как основа гармоничного и продуктивного взаимодействия партий демократов и республиканцев.

Проведенный анализ позволил убедиться, что мотивированная последовательность Монро актуальна не только для монологических выступлений Б. Обамы, но и для ответных фрагментов-реплик из публичного диалога аргументативной направленности. Вопреки некоторой вариативности в последовательности элементов, они в речи легко определяются.

Несмотря на верность риторическим канонам и монологический характер ответных реплик Б. Обамы, в них прослеживается жанровая специфика публичного диалога. Так, внутренняя организация коммуникативных приемов и языковых средств в тексте ответной реплики варьируется в зависимости от элементов коммуникативной ситуации (субъект критики, объект критики и интенсивность критики). В предыдущей главе данного исследования были выявлены и проанализированы композиционные характеристики ответных реплик В. В. Путина (см. 2.2). Обнаруженные речевые тактики были сгруппированы и представлены в виде композиционных схем. В ответных репликах Б. Обамы также прослеживаются закономерности в композиционных характеристиках ответных реплик при реакции на критические высказывания представителя СМИ. Перейдем к схематическому изложению материала.

I Композиционная схема ответных реплик диалогических единств при реакции на обвинение в непоследовательности

- 1) Вводная часть – тактика оспаривания, тактика солидаризации.
- 2) Основная часть – тактика учета ценностных ориентиров адресата.
- 3) Заключительная часть – тактика признания личной ответственности.

Из всего количества анализируемых ответных реплик Б. Обамы (87) данной схеме соответствуют 32, что составило 37 % от общего количества ответных реплик. Непоследовательность понимается нами как нарушение обещаний, озвученных президентом в более ранних публичных выступлениях. Следствием непоследовательности в действиях, по мнению представителя СМИ, является утрата доверия со стороны граждан страны. Информация об этом часто содержится в самом вопросе, например:

But, sir, it's not just your legislative agenda. When you look at polling and you talk to Americans, they seem to have lost confidence in you, trust in you. Your credibility has taken a hit. Obviously the health care law was a big part of that. So do you understand that the public has changed in some way their view of you over this year? (End Year Press Conference, 20.12.2013).

(Но, сэр, дело не только в Ваших планах в сфере законодательства. Когда видишь результаты опроса и разговариваешь с американцами, похоже, они потеряли доверие к Вам, веру в Вас. Ваш авторитет пострадал. Очевидно, что закон о здравоохранении сыграл в этом большую роль. Вы понимаете, что народ как-то изменил свое отношение к Вам за этот год?).

В теоретической части данного исследования мы уже обращались к работе голландского лингвиста К. Андоне, научные изыскания которой посвящены изучению реакций на обвинения в непоследовательности в рамках политического интервью. В качестве возможных реакций К. Андоне называет: 1) уклонение от обсуждения критики; 2) представление непоследовательности в положительном свете; 3) отказ от предыдущей точки

зрения. Таким образом, политика невозможно будет обвинить в двух противоречащих позициях [Andone 2010: 6].

Рассмотрим по частям типичный пример диалогического единства, в котором ответная реплика президента соответствует I композиционной схеме:

Journalist: But, sir, it's not just your legislative agenda. When you look at polling and you talk to Americans, they seem to have lost confidence in you, trust in you. Your credibility has taken a hit. Obviously the health care law was a big part of that. So do you understand that the public has changed in some way their view of you over this year? (Журналист: Но, сэр, дело не только в Ваших планах в сфере законодательства. Когда видишь результаты опроса и разговариваешь с американцами, похоже, они потеряли доверие к Вам, веру в Вас. Ваш авторитет пострадал. Очевидно, что закон о здравоохранении сыграл в этом большую роль. Вы понимаете, что народ как-то изменил свое отношение к Вам за этот год?).

*B. Obama: But, Julie, I guess what I'm saying is if you're measuring this by polls, **my polls have gone up and down a lot** through the course of my career. I mean, **if I was interested in polling, I wouldn't have run for President.** I was polling at 70 percent when I was in the U.S. Senate. I took this job to deliver for the American people. And I knew and will continue to know that **there are going to be ups and downs** on it (End Year Press Conference, 20.12.2013).*

(Б. Обама: Но, Джули, пожалуй, здесь я скажу, что если вы измеряете это результатами рейтинга, мой рейтинг сильно менялся на протяжении моей карьеры. То есть, если бы я был заинтересован в рейтинге, я бы не баллотировался в президенты. Когда я был в Сенате США, я набирал 70% голосов. Я взялся за эту работу, чтобы выступить за американский народ. И я знал и буду знать, что в этом будут взлеты и падения).

Вводная часть ответной реплики содержит тактику оспаривания, в которой президент намеренно снижает значимость рейтинга главы

государства, определяемого в результате опроса населения. Б. Обама называет изменения этого показателя (*ups and downs*) обычным явлением (*my polls have gone up and down a lot*), наблюдения за которым не должны быть его основной заботой, иначе не было бы смысла становиться президентом (*if I was interested in polling, I wouldn't have run for President*).

Далее, следуя принципам кооперативного общения, Б. Обама выражает частичное согласие с тем, что сказал собеседник:

You're right, the health care website problems were a source of great frustration. I think in the last press conference I adequately discussed my frustrations on those. On the other hand, since that time I now have a couple million people, maybe more, who are going to have health care on January 1st. And that is a big deal. That's why I ran for this office. (Вы правы, проблемы с веб-сайтом здравоохранения стали источником большого разочарования. Думаю, на последней пресс-конференции я достаточно ясно выразил свое разочарование по этому поводу. С другой стороны, с тех пор у меня появилась пара миллионов человек, а может и больше, которые 1 января получают медицинскую страховку. И это большое дело. Вот почему я баллотировался на этот пост).

Президент признает существование проблемы в системе здравоохранения, но сразу же акцентирует внимание на положительном моменте, связанном с критикуемой темой. Б. Обама говорит о том, что более двух миллионов человек получают медицинскую страховку (*since that time I now have a couple million people, maybe more, who are going to have health care on January 1st*). Примечательно использование в данном примере личного местоимения 1 лица, ед.ч. (*I now have = у меня есть*). Тем самым президент считает благополучие людей своей лично заслугой.

В основной части ответной реплики акцент смещается с положительной информации о получении медицинских страховок в сторону упоминания ценностных ориентиров массового адресата – открытых возможностей, достойного уровня образования, финансовой стабильности,

решения квартирного вопроса, увеличения зарплат. Б. Обама не ограничивается простым перечислением ценностей, а называет их достижение основной целью своего пребывания в президентском кресле.

*And as long as I've got an **opportunity** every single day to make sure that in ways large and small I'm **creating greater opportunity for people** – more kids are able to go to school, **get the education** they need; more families are able to **stabilize their finances**; the **housing market** is continuing to improve; people feel like their **wages** maybe are inching up a little bit -- if those things are happening, I'll take it. And I've said before, I've run my last political race.*

(И до тех пор, пока у меня есть возможность каждый день убеждаться в том, что я в той или иной форме создаю больше возможностей для людей – больше детей могут ходить в школу, получать необходимое им образование; больше семей могут стабилизировать свое финансовое положение; рынок жилья продолжает улучшаться; люди чувствуют, что их заработная плата, возможно, немного повышается - если такие вещи происходят, я готов это делать. И я уже говорил, что участвовал в своей последней политической гонке).

В заключительной части ответной реплики Б. Обама говорит о готовности нести личную ответственность за осуществление всех вышеперечисленных благ общества. Здесь президент сам именует достижение прогресса в развитии социума своей целью (*my goal*), повышая градус убедительности с помощью устойчивого выражения *make sure* (убедиться).

*So at this point, **my goal** every single day is just to **make sure** that I can look back and say we're delivering something -- not everything, because this is a long haul* (Итак, на данный момент моя цель каждый день - просто убедиться, что я могу оглянуться назад и сказать, что мы что-то сделали, не все сразу, конечно, потому что это долгий путь).

Помимо тактик, представленных в классификации коммуникативных стратегий и тактик О. Н. Паршиной (2005), считаем возможным выделить в

речи Б. Обамы ещё одну тактику, относящуюся к стратегии удержания власти – тактику признания личной ответственности. С её помощью президент демонстрирует способность к самоанализу и критическому восприятию собственной деятельности. Как известно, способность открыто признавать свои ошибки, своего рода публичное покаяние, импонирует аудитории. Б. Обама открыто говорит о том, что считается с мнением избирателей, делает выводы и готов прилагать больше усилий:

*And I think that there's no doubt that as I reflect on the results of the election, it underscores for me that **I've got to do a better job**, just like everybody else in Washington does (И думаю, нет сомнений, что результаты выборов являются для меня показателем того, что я должен работать лучше, как и все остальные в Вашингтоне). (Press Conference Following 2010 Congressional Elections, 03.11.2010)*

II Композиционная схема ответных реплик диалогических единств при реакции на критику политической программы

- 1) Вводная часть – тактика солидаризации, тактика акцентирования положительной информации.
- 2) Основная часть – тактика учета ценностных ориентиров адресата, тактика разъяснения.
- 3) Заключительная часть – тактика указания на перспективу, тактика указания пути решения проблемы.

Из всего количества анализируемых ответных реплик Б. Обамы (87) данной схеме соответствуют 41, что составило 47 % от общего количества. Под политической программой мы понимаем широкий спектр действий правящей партии и самого президента в сфере внутренней и внешней политики. Субъектом критического замечания выступает представитель СМИ, и его оценка основана на объективных данных (общественных опросах, рейтингах президента, мнении аналитиков и др.).

Вводная часть ответной реплики содержит тактику солидаризации, под которой мы подразумеваем частичное согласие с критикой, либо признание существующей проблемы, содержащейся в вопросе. Существуют очевидные факты, подкрепленные количественными данными, такие как рейтинг президента в процентах, которые бессмысленно отрицать и которые нуждаются в комментарии со стороны президента. Показательны в этом отношении следующие примеры:

Well, Savannah, I think that what I think is absolutely true is voters are not satisfied with the outcomes. If right now we had 5 percent unemployment instead of 9.6 percent unemployment, then people would have more confidence in those policy choices. (Что ж, Саванна, думаю, это чистая правда, что избиратели недовольны результатами. Если бы сейчас у нас были 5% безработицы вместо 9,6%,);

Well look, we've gone through an incredibly difficult time in this country. And I would be surprised if the American people felt satisfied right now. They shouldn't feel satisfied (Послушайте, мы прошли через невероятно сложный для страны период. И я бы удивился, если бы американцы были довольны теперь. Они и не должны быть довольны).

Тактика солидаризации является выгодной с точки зрения публичной коммуникации. Во-первых, она позволяет вербализировать сложившуюся в обществе точку зрения и способствует сближению с массовым адресатом. Во-вторых, президент показывает, что осознает причинно-следственную связь между проблемой и недовольством граждан. В первом из приведенных примеров такой проблемой является безработица (*unemployment*), во втором – экономический кризис, обозначенный через эвфемизм *incredibly difficult time* (*невероятно сложный период*).

Следующий пример интересен тем, что даже отрицание негативной оценки происходит в форме согласия:

Journalist: <...> the idea that your policies are taking the country in reverse. You just reject that idea altogether that your policies could be going in reverse?

B. Obama: Yes. And I think, look, here's the bottom line. When I came into office, this economy was in a freefall, and the economy has stabilized.

(Журналист: <...> идею, что Ваша политическая программа заставляет страну двигаться в обратном направлении. Вы полностью отрицаете идею, что Ваша политическая программа движется в обратном направлении?)

Б. Обама: Да. И вот, в чём дело. Когда я занял кресло президента, экономика находилась в упадке, а теперь ситуация стабилизировалась).

Вместе с тем Б. Обама упоминает о положительных действиях правительства, реализуя таким способом тактику акцентирования положительной информации. Таким образом, президент переключает внимание массового адресата на более благоприятные аспекты политической программы, которые уже удалось успешно реализовать. В рассмотренном примере Б. Обама говорит о стабилизации экономики (*economy has stabilized*). В других примерах он акцентирует внимание на движении вперед в условиях чрезвычайной ситуации (*moving the country forward in an emergency situation*), снова вуалируя под этим названием экономический кризис.

В основной части ответного высказывания, как и в предыдущей композиционной схеме, Б. Обама опирается на ценностные ориентиры адресата, упоминая финансовые возможности получить образование (*students have an easier time financing college*), стимулирование роста рабочих мест (*encouraging job growth*) и рост экономики в целом (*economic growth*). Очевидно, что приоритетом развития общества во время нахождения Б. Обамы в должности президента (с 2009 по 2017) являлось экономическое благополучие как следствие мирового финансового кризиса, что подтверждается его словами (*I think that there is no doubt that people's number-*

one concern is the economy (Думаю, нет сомнений в том, что больше всего людей волнует экономика). Это дает основание полагать, что ценностные ориентиры адресата можно подразделить на базовые и текущие, меняющиеся в зависимости от общественно-политической ситуации. В ответных репликах Б. Обама акцентирует внимание на наиболее чувствительных вопросах жизни общества.

В заключительной части ответной реплики Б. Обама указывает на перспективу дальнейшего развития и путь решения проблемы. Рассмотрим следующий пример:

So I think what we're going to need to do and what the American people want is for us to mix and match ideas, figure out those areas where we can agree on, move forward on those, disagree without being disagreeable on those areas that we can't agree on. If we accomplish that, then there will be time for politics later, but over the next year I think we can solidify this recovery and give people a little more confidence out there (Я думаю, то что нам нужно будет сделать и то, чего хочет американский народ – это смешать и сопоставить идеи, определить те области, в которых мы можем прийти к согласию, продвигаться по ним и не соглашаться, не выражая несогласия в тех областях, в которых мы не можем договориться. Если мы этого добьемся, то позже будет время для политики, но я думаю, что в следующем году мы сможем укрепить восстановление экономики и дать людям немного больше уверенности).

Заключительная часть ответной реплики по своей структуре представляет план действий, но не содержит какой-либо конкретики. Присутствующая здесь лексика с семантикой единства и развития (*agree (согласиться), move forward (двигаться вперед), solidify the recovery (укрепить восстановление экономики), give confidence (дать уверенность)*) создает благоприятный эмоциональный фон и убеждает массового адресата в скором решении волнующих общество вопросов.

III Композиционная схема ответных реплик диалогических единств при реакции на критику внутренней политики со стороны «внутренних» оппонентов

- 1) Вводная часть – тактика солидаризации, тактика единения.
- 2) Основная часть – тактика учета ценностных ориентиров адресата, тактика иллюстрирования.
- 3) Заключительная часть – тактика указания на перспективу.

Из всего количества анализируемых ответных реплик Б. Обамы (87) данной схеме соответствуют 14, что составило 16 % от общего количества ответных реплик. Также как в композиционной схеме ответных реплик В. В. Путина, под «внутренними» оппонентами здесь понимаются третьи лица, для которых журналист выступает в роли посредника. В вопросах, обращенных к Б. Обаме субъектом (*автором*) критических замечаний являются представители республиканской партии. Через речь журналиста транслируется отрицательная оценка законопроектов (например, о здравоохранении, о стимулировании роста рабочих мест) и другие направления политического курса правящей демократической партии.

Вводная часть ответного фрагмента ДЕ содержит языковые средства актуализации тактики единения, общим семантическим центром которых является мотив единства и общности. Показателен в этом отношении следующий пример:

Journalist: Thank you, Mr. President. Republicans say more than anything else what this election was about was spending. And they say it will be when hell freezes over that they will accept anything remotely like a stimulus bill or any kind of a proposal you have out there to stimulate job growth through spending. Do you accept the fact that any kind of spending to create jobs is dead at this point? And if so, what else can government do to create jobs, which is the number one issue? (Журналист: Спасибо, господин президент. (Республиканцы говорят, что главным образом эти выборы были связаны с расходом бюджетных средств. По их словам, они примут что-то вроде

законопроекта о стимулах или любое другое Ваше предложение по стимулированию роста рабочих мест за счет расходования бюджета только когда рак на горе свистнет; Некоторые республиканские законодатели выступили с заявлением, что они не намерены работать с Вами, если Вы так агрессивно будете преследовать исполнительные действия).

*Well, I think this is going to be an important question for **Democrats and Republicans**. I think the **American people** are absolutely concerned about spending and debt – and deficits. And I’m going to have a deficit commission that is putting forward its ideas. It’s a **bipartisan group that includes Republican and Democratic members of Congress**. Hopefully they were able to arrive at some **consensus on some areas** <...>*

(Думаю, это станет важной задачей для Демократов и Республиканцев. Думаю, американцы обеспокоены вопросом расходования бюджета, долгом и дефицитом. И я соберу комиссию по вопросу дефицита бюджета, которая предложит свои идеи. Это двухпартийная группа, куда входят представители Конгресса от республиканской и демократической партии.)

Выделенные в приведенном фрагменте названия конкурирующих политических партий намеренно употребляются как однородные члены предложения, объединенные сочинительным союзом *and (u)* (*Democrats and Republicans; Republican and Democratic members*). Таким способом Б. Обама актуализирует идею единого двухпартийного (*bipartisan group*) политического пространства и объединения усилий. Эффективным средством создания ощущения единения и причастности становится мысль, что вне зависимости от политической принадлежности, все люди являются гражданами одной страны (*American people*). Конечной целью является преодоление конфликта и достижение консенсуса (*consensus*).

В другом ответном фрагменте идея единства реализуется эксплицитно, посредством прямого высказывания:

Well, what is absolutely true is, is that without any Republican support on anything, then it's going to be hard to get things done.

(И совершенно точно, что без какой-либо поддержки Республиканцев будет очень непросто решить этот вопрос).

В отличие от Б. Обамы, при реагировании на критику внутренней политики со стороны внутренних оппонентов в речи В. В. Путина главенствующая роль в воздействии на массового адресата отводится не эмоциональной составляющей, а аргументам – логическим, количественным и ссылкам на мнение авторитетных лиц.

Одной из центральных коммуникативных тактик, реализуемых в основной части ответных реплик 44-го президента США является тактика учета ценностных ориентиров адресата. По словам Б. Обамы, все принимаемые правительством решения проходят через призму ценностных установок общества. В речи президента эта мысль выражается различными способами, например в форме риторического вопроса:

<...> what do we think is actually going to make a difference for the American people? (<...> что же всё-таки изменит жизнь американского народа?)

Убеждение в приоритете ценностей общества предстает в речи Б. Обамы в форме распространенного повествовательного предложения, в рамках которого реализуется усилительный повтор (*should we stop..., should we go back..., should we allow...*) (должны ли мы прекратить..., должны ли мы вернуться..., должны ли мы позволить):

*But I don't think that **if you ask the American people**, should we stop trying to close the doughnut hole that will help **senior citizens** get prescription drugs, should we go back to a situation where people with **preexisting conditions** can't get health insurance, should we allow insurance companies to drop your coverage when you get sick even though you've been paying premiums – I don't think that you'd have a strong vote for people saying those are provisions I want to eliminate.*

(Но не думаю, что если вы спросите у американцев, должны ли мы прекратить попытки залатать эту брешь, чтобы в итоге пожилые граждане могли получить выписанные им лекарства, должны ли мы вернуться к ситуации, когда люди с хроническими заболеваниями не могут получить медицинскую страховку, должны ли мы позволить страховым компаниям снижать спектр покрываемых расходов, когда вы болеете, несмотря на то, что вы регулярно делали страховые взносы – не думаю, что вы найдете тех, кто проголосует за исключение этих положений).

Эффективность тактики учета ценностных ориентиров адресата при реагировании на критику, на наш взгляд, состоит в том, что критикуемые общественно-политические события воспринимаются массовым адресатом как временные трудности на пути к всеобщему благу.

В основной части ответной реплики Б. Обама применяет также тактику иллюстрирования, которая позволяет в наглядной описательной форме аргументировать значимость проводимых реформ:

*<...> when I talk to a woman from New Hampshire who doesn't have to mortgage her house because **she got cancer and is seeking treatment** but now is able to get health insurance, when I talk to parents who are relieved that their **child with a preexisting condition** can now stay on their policy until they're 26 years old and give them time to transition to find a job that will give them health insurance, or the small businesses that are now taking advantage of the tax credits that are provided -- then I say to myself, this was the right thing to do.*

(<...> Когда я разговариваю с женщиной из Нью-Гэмпшира, которой не придется закладывать свой дом, потому что у неё рак и она нуждается в лечении, а теперь может получить медицинскую страховку... Когда я разговариваю с родителями, которые испытывают облегчение от того, что их ребенок с хроническим заболеванием теперь может пользоваться их медицинской страховкой, пока им не исполнится 26 лет и они найдут работу, которая дала бы им медицинскую страховку... Или малый бизнес,

который теперь пользуется налоговыми льготами, тогда я говорю себе, что поступаю правильно.)

Приводя жизненный пример и рисуя в сознании массового адресата образы тяжелобольной женщины (*she got cancer*) и ребенка с хроническим заболеванием (*child with a preexisting condition*) Б. Обама апеллирует к эмоциям массового адресата, вызывая сочувствие и осознание необходимости реформирования системы здравоохранения. Введение дополнительной конкретики при помощи топонима (*when I talk to a woman from New Hampshire*) (*когда я разговариваю с женщиной из Нью-Гэмпшира*) позволяет достичь большей степени убедительности.

В заключительной части ответной реплики анализируемой композиционной схемы реализуется тактика указания на перспективу, в которой президент делает прогнозы на будущее страны и перечисляет условия, необходимые для устойчивого развития. Субъективная модальность, характерная для данной тактики, реализуется в форме авторизирующей конструкции *I think*:

So there are going to be examples where I think we can tweak and make improvements on the progress that we've made. That's true for any significant piece of legislation. (Думаю, будут ещё примеры, где мы сможем внести поправки и закрепить прогресс, которого добились. Это касается любого значимого пункта законодательства);

So there are some things that we can do right now that will help sustain the recovery and advance it, even as we're also sitting down and figuring out, okay, over the next several years what kinds of budget cuts can we make that are intelligent, that are smart, that won't be undermining our recovery but, in fact, will be encouraging job growth. (Итак, есть вещи, которые мы можем сделать прямо сейчас и которые помогут удержать восстановление и усилить его. Допустим, сесть и обсудить, какие разумные сокращения бюджета мы можем сделать в течение следующих нескольких лет, которые не подорвут

наш выход из кризиса, а, по сути, будут способствовать росту рабочих мест).

В результате анализа языковых средств реализации коммуникативных тактик, значимым для исследования оказалось использование понятия функционально-семантическая категория модальности. Удалось установить, что модальность в речи 44-го президента США меняется в зависимости от реализуемой им речевой тактики.

Так, например, для тактики указания на перспективу характерной является модальность долженствования и необходимости. Говоря о будущем страны и планах решения существующих проблем, президент демонстрирует уверенность и твердость. Реализация модальности долженствования на языковом уровне осуществляется с помощью модального глагола *should* в сочетании с продолженным инфинитивом (*And that's exactly what we should be doing* (Это именно то, что мы должны делать) и переводится на русский «должен, следует». При этом президент более осторожен в высказываниях в ответ на острые вопросы, в способах решения которых не полностью уверен. Он может только предположить, как будут развиваться события, не давая при этом гарантий, чтобы избежать обвинений в непоследовательности в дальнейшем. В таком случае прагматически обоснованным становится использование в речи модальности возможности. Рассмотрим фрагмент ответной реплики диалогического единства, тематикой которого является утечка информации о деятельности разведывательных служб США в 2013 году.

It is possible, for example, that some of the same information that the intelligence community feels is required to keep people safe can be obtained by having the private phone companies keep these records longer and to create some mechanism where they can be accessed in an effective fashion. That might cost more. There might need to be different checks on how those requests are made. There may be technological solutions that have to be found to do that (Final Press Conference of 2013, 20.12.2013).

(Возможно, например, некоторую часть той же информации, необходимой, по мнению разведывательного сообщества, для обеспечения безопасности людей, можно получить, если частные телефонные компании будут хранить эти записи дольше и создадут некий механизм, с помощью которого к ним можно будет легко обратиться. Это может стоить дороже. Вероятно, потребуются различные проверки выполнения этих запросов. Возможно, для этого придется найти технологические решения).

Средства выражения модальности вероятности в рассматриваемом фрагменте разнообразны и включают модальное прилагательное *possible*, в составе безличной конструкции в роли вводного компонента (*It is possible*) и модальные глаголы *might* (*That might cost more*) и *may* (*There may be technological solutions*). Несмотря на то, что глаголы *might* (вероятно) и *may* (может) считаются близкими по значению и в некоторых случаях используются как синонимы, они различаются по выражению степени вероятности. Глагол *might* выражает меньшую степень вероятности, например, при обсуждении спорных, малоизученных вопросов:

That might cost more. There might need to be different checks on how those requests are made. (Это может стоить дороже. Вероятно, потребуются различные проверки выполнения этих запросов.)

Реализация тактики указания решения проблемы происходит с помощью модального глагола *have to*:

And that means they have to take into account the issues that I care about, just as I'm going to have to take into account the issues that they care about). Таким образом раскрывается идея о необходимости принять вынужденные меры и пойти на компромисс для достижения общих целей.

В заключение сделаем следующий вывод. Изучение композиционных характеристик ответных реплик Б. Обамы на критику позволяет проследить воздействие риторического наследия выдающихся ораторов США. Б. Обама придерживается классических норм публичных выступлений и использует

проверенные способы воздействия на сознание массового адресата – визуализируя успех и указывая на путь решения проблемы.

Однако в отличие от традиционных монологических жанров публичных выступлений президента (инаугурационная речь, обращение к Конгрессу), изучение жанров пресс-конференции и интервью требует учета факторов коммуникативной ситуации, на основании которых были сформулированы композиционные схемы. Далее кратко изложим результаты исследования.

Композиционная схема I представляет категорию ответных фрагментов диалогических единств, объектом критики в которых становится непоследовательность в действиях и нарушение данных президентом обещаний. Вопросу непоследовательности принадлежит наибольший процент критических высказываний (37%). Помимо коммуникативных тактик, раскрытых в исследовании О. Н. Паршиной (2006), в рамках композиционной схемы I нами была выделена дополнительная тактика признания личной ответственности.

В композиционных схемах I, II и III прослеживается повторяемость коммуникативных тактик – тактики солидаризации и тактики учета ценностных ориентиров адресата. Думается, это продиктовано либерально-демократическими взглядами Б. Обамы, задачей которого является публичная демонстрация позитивного отношения к замечаниям, готовности признавать и исправлять свои ошибки, ориентированности на защиту прав и свобод, всеобщее благополучие и равенство.

3.3 Семантический анализ ответных реплик диалогических единств

По нашему мнению, коммуникативные задачи по сохранению власти и положительного имиджа главы государства являются общими как в президентском дискурсе России, так и в президентском дискурсе США. Поэтому считаем, что исследование речи В. В. Путина и Б. Обамы должно проходить в параллельных методологических плоскостях с использованием

аналогичного подхода (см. 2.3.). Помимо определения композиционных характеристик ответных реплик президентов на основе коммуникативных тактик, перспективным также видится изучение лексико-семантического уровня их высказываний.

Например, определение ключевых слов в речи президента позволяет обнаружить наиболее частотную лексику и оценить её коммуникативно-прагматический потенциал в реализации задач убеждения массовой аудитории и сохранения власти во время реагирования на критику. Для получения количественных данных был использован интернет-ресурс по семантическому анализу текста, предоставляемый сайтом Advego <https://advego.com/text/seo/>.

Были проанализированы тексты ответных фрагментов диалогических единств объемом 17050 символов (из некритических ДЕ) и 16917 символов, (из критических ДЕ), взятых из пресс-конференций с Б. Обамой за 2010, 2014 и 2016 г.

Всего во время пресс-конференции 2010 г. Б. Обаме было задано 18 вопросов, 8 из которых содержали критику, что составляет 44,4 % от общего количества. На конференции 2014 года президенту было задано 16 вопросов, из которых 1 содержал критику, что составляет 6,2% от общего количества. Количество вопросов, заданных на конференции 2016 года, составляет 9, из которых критику содержали 2, что составляет 22% от общего количества вопросов. Таким образом, общее количество ответных фрагментов критических ДЕ, содержащих критику, составило 11 единиц.

Тематика заданных критических вопросов определяется проблемами внутренней политики и проблемами реализации политической программы Б. Обамы. Например, в следующем вопросе журналиста выражена мысль о неприятии избирателями политического курса президента:

Are you willing to concede at all that what happened last night was not just an expression of frustration about the economy, but a fundamental rejection of your agenda?; Would you still resist the notion that voters rejected the policy

choices you made? (Готовы ли Вы признать, что произошедшее вчера вечером было не просто выражением разочарования по поводу экономики, а принципиальным отрицанием Вашего политического курса?; Вы намерены не согласиться с утверждением, что избиратели отвергли сделанный вами политический выбор?)

оппозиционных настроениях республиканской партии (Republicans say more than anything else what this election was about was spending. And they say it will be when hell freezes over that they will accept anything remotely like a stimulus bill or any kind of a proposal you have out there to stimulate job growth through spending; And some Republican lawmakers have said they're less inclined to work with you if you pursue executive actions so aggressively)

и личной ответственности президента за последствия военных действий в Сирии:

But do you, as President of the United States, leader of the free world, feel any personal moral responsibility now at the end of your presidency for the carnage that we're all watching in Aleppo, which I'm sure disturbs you -- which you said disturbs you? (Но Вы, будучи президентом Соединенных Штатов, лидером свободного мира, чувствуете ли теперь, в конце Вашего президентства, какую-либо личную моральную ответственность за резню, которую мы все наблюдаем в Алеппо, которая, я уверен, Вас беспокоит, которая, по Вашим словам, Вас беспокоит?)

В результате количественного анализа ответных фрагментов диалогических единств удалось обнаружить ключевые слова, составляющие семантическое ядро этих текстов.

Таблица 3

Сравнительный анализ наиболее частотной лексики в речи Б. Обамы
(на материале ответных фрагментов диалогических единств (ДЕ)
из стенограммы пресс-конференций 2010, 2014 и 2016 года)

№	ДЕ, содержащие критику			ДЕ, не содержащие критику		
	Слово	Количество	Частота, %	Слово	Количество	Частота, %
1.	can	26	0,67	can	30	0,78
2.	will	22	0,57	will	20	0,52
3.	republican	21	0,54	how	18	0,47
4.	thing	19	0,49	thing	16	0,41
5.	make	18	0,46	more	15	0,39
6.	work	17	0,44	oil	14	0,36
7.	job	16	0,41	make	13	0,34
8.	our	15	0,39	time	13	0,34
9.	issue	14	0,36	american	12	0,31
10.	area	13	0,33	Job	12	0,31

Из полученных количественных результатов анализа текста нами были исключены служебные слова, такие как *that, going, this, for, there, about* и др., так как, на наш взгляд, они не несут существенной семантической нагрузки и потому не являются значимыми для нашего исследования.

Приблизительно равными по количеству и частоте употребления в критических и некритических ДЕ являются лексемы *can, will* и *thing*, что объясняется их семантически нейтральным статусом. В содержащих критику

ДЕ наблюдается количественное преобладание ($\approx 25\%$) слов *take* и *job* относительно ДЕ, не содержащих критику. Полагаем, что более высокий процент слов с семантическим центром «деятельность» в критических ДЕ свидетельствует об их эффективности в ситуации аргументации.

Сравнительный анализ наиболее частотной лексики показал, что в критических ДЕ, в отличие от некритических, в речи Б. Обамы встречаются такие лексемы, как *republican* (21 словоупотребление), *work* (17 словоупотреблений) и *our* (15 словоупотреблений). На них и сосредоточим свой анализ.

Высокая частота употребления лексемы *republican* (*республиканский, республиканец*) в речи Б. Обамы обусловлена тематикой задаваемых вопросов, содержащих критику, она выполняет номинативную функцию и не имеет значимого прагматического смысла. Напомним, что такую же роль выполняет, например, лексема *Украина* в рассмотренных в предыдущей главе ответных репликах В. В. Путина.

Глагольная лексема *work* (*работать*) в речи Б. Обамы участвует в реализации тактики указания на перспективу и употребляется в следующих конструкциях:

We want you to work harder to arrive at consensus (*Мы хотим, чтобы вы работали усерднее для достижения консенсуса*);

It hasn't worked. It hasn't worked in the past, it's not gonna work in the future (*Это не сработало. Это не сработало в прошлом, это не сработает и в будущем*).

Лексема *work* участвует также в образовании однородных синтаксических конструкций, формирующих градацию, её глагольная форма в прошедшем времени образует повтор в предложении *I've worked with the Pentagon, worked with Secretary Gates, worked with Admiral Mullen* <...> (*Я работал с Пентагоном, работал с секретарем Гейтсом, работал с адмиралом Малленом* <...>).

В приведенных фрагментах речи президент предлагает путь к успеху в развитии страны и дает прогноз на будущее. С участием лексемы *work* в речи Б. Обамы реализуются также тактика единения *we can work on together* (*мы можем продолжить работать вместе*) и тактика призыва к действию *let's work together* (*давайте работать вместе*).

Напомним, что в ответных репликах В. В. Путина названные тактики реализуются с помощью глаголов *делать* и *сделать* (см. 2.3), таким образом в речи обоих президентов актуализируется общий фрейм деятельности (*делать/сделать, to work*). Во фрейм деятельности также входит глагол *make* (*сделать*). Согласно приведенной таблице, *make* является одним из наиболее частотных слов (18 словоупотреблений) в ответных фрагментах критических ДЕ в речи Б. Обамы. В ответных фрагментах некритических ДЕ лексема *make* также является частотной (13 словоупотреблений, частота 0,46%), однако её частотность на 28 % меньше, чем в критических ДЕ.

Анализ текстов американского президента в формате онлайн-сервиса, оптимизируя исследовательские усилия, всё же не даёт полного представления о семантической составляющей изучаемого материала. Дело в том, что аналитическому строю английского языка характерна словообразовательная конверсия: лексемы могут являться частью фразовых глаголов, меняя при этом свою семантику. Поэтому для получения более точного результата на данном этапе анализа необходим подсчет исследуемых единиц вручную, что мы и предлагаем ниже.

Рассмотрев семантическое окружение лексемы *make* в ответных фрагментах критических ДЕ, мы обнаружили её в составе словосочетаний *make sure* (*убедиться*) – 9 словоупотреблений (50% от общего количества), *make sense* (*иметь смысл*) – 3 (16,7% от общего количества). Как видим, эти словосочетания актуализируют семантику интеллектуальных усилий, тем самым позволяют Б. Обаме достичь большей степени убедительности при реагировании на критику.

Притяжательное местоимение *our* (*наш*) участвует в реализации тактики отождествления и тактики акцентирования положительной информации. Примеры употребления в анализируемом фрагменте – *our children and our grandchildren; isn't adding to our growth, isn't an investment in our future; on simplifying our tax system, on rebuilding our infrastructure* – доказывают, что таким образом Б. Обама подчеркивает общность реалий и ценностей, объединяющих его и американский народ. Прагматический потенциал использования местоимения *our* (*наш*) состоит в том, что при реагировании на критику идея единства оказывается особенно важной для осуществления задачи удержания власти.

Одной из наиболее частотных вспомогательных коммуникативных единиц, или дискурсивов, в речи Б. Обамы в рассматриваемом фрагменте является субъективно-модальный дискурсив, представленный авторизирующей конструкцией *I think* (*думаю*). Вслед за Е. Ю. Викторовой мы относим к дискурсивам подобные единицы синкретического типа, одновременно выражающие фактуальную и дискурсивную информацию [Викторова 2017: 138]. Дискурсив *I think* (*думаю*) насчитывает 10 словоупотреблений в рассмотренном ответном фрагменте.

Рассчитаем плотность дискурсива *I think* (*думаю*). Для этого воспользуемся формулой расчета плотности ключевых слов, используемой в области SEO -оптимизации текста $Ч (\%) = \frac{КС}{Т} \times 100$, где Ч – частотность, КС – количество повторений слова, а Т – количество слов в тексте. Количество слов в ответном фрагменте анализируемого диалогического единства равняется 467. Таким образом, $\frac{10}{467} \times 100 = 2,14\%$, плотность дискурсива *I think* в рассматриваемом ответном фрагменте составляет 2,14%.

Аналогичным образом вычислим плотность дискурсива *I think* (*думаю*) в ответных фрагментах «некритических» диалогических единств, дебатах и монологических жанрах политического дискурса (инаугурационная речь,

обращение к Конгрессу США). Полученные количественные данные представлены в следующей таблице.

Таблица 4

Плотность дискурсива *I think* в речи Б. Обамы

Пресс-конференции 2010, 2014 (критические ДЕ)	Пресс-конференции 2010, 2014 (некритические ДЕ)	Дебаты с Миттом Ромни 2013 г.	Инаугурационная речь (2009/2013 гг.)	Обращение к Конгрессу США (2009/2011 гг.)
1,27%	1,01%	0,3 %	0%/0%	0%/0%

Количественный анализ показал, что субъективно-модальный дискурсив *I think (думаю)*, сигнализирующий о выражении мнения Обамы, является характерным для жанров публичного диалога с представителем СМИ (1,27%; 1,01%), гораздо в меньшей степени представлен в жанре политических дебатов (0,3%) и отсутствует в монологических жанрах инаугурационной речи и обращения к Конгрессу США. С одной стороны, это объясняется стилистическими рамками жанров. Так, для инаугурационной речи характерна высокая степень ритуальности, где фатика преобладает над информативностью [Шейгал 2002]. С другой стороны, плотность дискурсива *I think (думаю)* отражает коммуникативно-прагматические задачи главы государства. Дискурсив *I think (думаю)* характерен для спонтанной, неподготовленной речи в рамках аргументативной деятельности, где существует необходимость защищать свою позицию, отстаивать точку зрения и убеждать аудиторию.

Проведем сравнительный анализ плотности дискурсивов *I think* и *думаю* в речи Б. Обамы и В. В. Путина. Количественные результаты анализа плотности дискурсива *думаю* в речи В. В. Путина в жанрах президентского дискурса представлены в следующей таблице:

Плотность дискурсива *думаю* в речи В. В. Путина

Пресс-конференции 2012, 2016 (критические ДЕ)	Пресс-конференции 2012, 2016 (некритические ДЕ)	Инаугурационная речь (2004/2012 гг.)	Послание Президента Федеральному Собранию (2012/2019 гг.)
0,04%	0,09%	0%/0%	0,02%/ 0,03%

В отличие от Б. Обамы, в риторике В. В. Путина жанр политических дебатов не представлен, поэтому количественные данные по нему в таблице отсутствуют и не учитывались при проведении сравнительного анализа.

Согласно полученным данным, в ответных фрагментах критических ДЕ плотность дискурсива *I think* в речи Б. Обамы (1,27%) значительно превышает этот показатель в речи В. В. Путина (0,04%). В ответе на критическое высказывание Б. Обама стремится снизить категоричность собственных суждений и использует митигативный потенциал дискурсива *I think (думаю)*, тогда как в речи В. В. Путина категоричность суждений и встречная критика являются способами реализации стратегии защиты.

Как уже было отмечено, в текстах обращения к Конгрессу США Б. Обамы дискурсив *I think* не был обнаружен, тогда как плотность дискурсива *думаю* в текстах Послания Президента Федеральному Собранию В. В. Путина равняется 0,02% (2012 г.) и 0,03% (2019г.). С одной стороны, эти показатели свидетельствуют об индивидуальных характеристиках речи президентов. С другой стороны, присутствие дискурсива *думаю* в речи В. В. Путина обусловлено большей степенью выраженности субъективной модальности, свойственной российскому политическому дискурсу. К такому выводу приходит Е. Ю. Викторова, проводя сравнительный анализ специфики употребления вспомогательных коммуникативных единиц (ВКЕ) в речи российских и американских президентов [Викторова 2008: 30].

3.4 Нарушение постулатов принципа кооперации в ответных фрагментах диалогических единств в речи Б. Обамы

Основные элементы принципа кооперации Г. П. Грайса, рассмотренные в первой главе данного исследования и обнаруженные в речи В. Путина, обнаруживаются и в речи 44-го президента США. В результате анализа стенограмм и аудиозаписей ежегодных итоговых пресс-конференций за период с 2012 по 2016 гг. в речи президента США Б. Обамы было выявлено 23 ответных фрагмента диалогических единств (98077 печатных символов).

В диалогическом единстве из пресс-конференции с Б. Обамой иницилирующая реплика равна 301 символу, реагирующая – 4173 (соотношение 1:14). Напомним, у Путина в некоторых диалогических единствах это соотношение достигает 1:10.

Проанализируем пример, который иллюстрирует нарушение постулата Количества (внутрижанровая тактика «отказ от продолжения коммуникации»). Приводимый ниже пример отнесен нами к иллюстрации нарушения постулата категории Количества «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется», потому что Б. Обама, ответив на вопрос журналиста по существу, эмоциональную часть вопроса про сожаления оставил без ответа и прервал разговор. Наша задача состоит в демонстрации повтора вопроса в репликах-стимулах, поэтому считаем целесообразным привести в качестве примера только часть ДЕ.

Journalist: You put it on your back. And so my question is do you have any personal regrets? You're not addressing the fact the public statements you've made to reassure the public -- your Director of National Intelligence, James Clapper, months ago went up, got a question from a Democrat, not a Republican, about whether some of this was going on, and he denied it. Doesn't that undermine the public trust? (Вы взвалили на себя ответственность. **Итак, мой вопрос: есть ли у вас личные сожаления?** Вы ничего не говорите о публичных заявлениях, которые вы сделали, чтобы успокоить публику. Несколько месяцев назад во время выступления вашего директора Национальной

разведки Джеймса Клеппера ему был задан вопрос от демократа, а не республиканца, о том, происходит ли что-то подобное, и он отрицал это. Разве это не подрывает общественное доверие?)

B. Obama: <...>And that's exactly what we should be doing, is to evaluate all these things in a very clear, specific way, and moving forward on changes. And that's what I intend to do(И это именно то, чем мы должны заниматься- четко и ясно оценить ситуацию и двигаться в направлении изменений. **И это именно то, что я намерен делать**).

Journalist: So you have no regrets? You have no regrets? (Значит, вы ни о чем не жалеете? Вы ни о чем не жалеете?).

B. Obama: That's what I intend to do (**Это именно то, что я намерен делать**) (Final Press Conference of 2013, 20.12.2013).

В ответном фрагменте диалогического единства в речи американского президента отказ от продолжения коммуникации проявляется в игнорировании вопроса. До этого момента между собеседниками произошел обмен репликами, и тема общения развивалась в направлении, не выгодном для главы государства. Имплицированный отказ от ответа усиливается в данном фрагменте с помощью повтора фразы, произнесенной президентом перед вопросом (*That's what I intend to do*). Некооперативность проявляется здесь и в нарушении постулата Качества, что приводит к созданию коммуникативной имплицатуры. Используя логику размышлений Г. П. Грайса, можно сделать вывод, что говорящий вкладывает в высказывание иной смысл, отличающийся от того, который можно передать конвенциональными средствами, и имплицирует его с помощью несоблюдения постулата [Грайс 1985: 222].

Следующий фрагмент диалогического единства из речи Б. Обамы является примером коммуникативного саботажа, который соотносится с нарушением постулатов Качества и Отношения. Темой обсуждения в данном фрагменте является произошедший в 2013 году случай разглашения разведывательной деятельности спецслужб США и связанные с этим

обвинения в недостаточной открытости президента по отношению к гражданам страны.

Journalist: <...> Were you wrong then because you were not fully read in not just on these programs but on other programs outside of the ones you just talked about, where we were potentially listening in on the German leaders, the Brazilian leaders and others, that suggest there were abuses. Number one. And number two, if you were fully read in on these programs, is it another example of what Julie was getting at with this question of credibility with the American people, that just like on health care, "you like your plan, you can keep it"? On surveillance, you looked the American people in the eye six months ago and said, "We've got the right balance," and six months later you're saying maybe not. (Вы ошиблись тогда, потому что не полностью ознакомились с содержанием не только этих программ, но и других, о которых Вы сейчас не упоминали, где мы возможно прослушивали лидеров Германии, лидеров Бразилии и других, в которых говорится, что были нарушения? Это первый вопрос. И второй, если всё же Вы знали содержание этих программ, является ли это ещё одним примером того, о чем только что говорила Джули в вопросе о доверии американского народа, как в здравоохранении, «если вам нравится ваш план (медицинского страхования – Т. Б.), вы можете сохранить его». По поводу слежки, полгода назад Вы, глядя в глаза американцам, сказали: «Мы соблюдаем разумный баланс», а полгода спустя говорите, что может и нет»).

B. Obama: Well, hold on a second, Ed. I think it's important to note that when it comes to the right balance on surveillance, these are a series of judgment calls that we're making every single day, because we've got a whole bunch of folks whose job it is to make sure that the American people are protected. And that's a hard job, because if something slips, then the question that's coming from you the next day at a press conference is, "Mr. President, why didn't you catch that? Why did the intelligence people allow that to slip? Isn't there a way that we could have found out that in fact this terrorist attack took place?" (Так, подожди-ка, Эд. Думаю, когда речь заходит о разумном балансе в слежке, важно отметить,

что мы каждый день принимаем ряд решений по этому поводу, потому что есть множество людей, чья работа заключается в обеспечении безопасности американских граждан. Это тяжелый труд, потому что если что-нибудь вдруг пропустят, на следующий же день на пресс-конференции вы спросите меня: «Господин Президент, почему вы это не отследили? Почему люди из разведки пропустили это? Неужели не было способа определить, что произойдет террористическая атака?») (Final Press Conference of 2013, 20.12.2013).

На основании рассматриваемого примера можно заключить, что у Б. Обамы коммуникативный саботаж проявляется в виде уклонения от ответа (нарушение постулата Качества). Несмотря на то, что вопрос журналиста содержит косвенное обвинение во лжи (*On surveillance, you looked the American people in the eye six months ago and said, "We've got the right balance," and six months later you're saying maybe not*) и потере доверия со стороны граждан страны (*And number two, if you were fully read in on these programs, is it another example of what Julie was getting at with this question of credibility with the American people, that just like on health care, "you like your plan, you can keep it"*), президент создает положительный эмоциональный фон, акцентируя внимание адресата на мысли, что действия спецслужб оправданы и главным приоритетом является *обеспечение безопасности американских граждан*.

Ярким средством воздействия на аудиторию в рассматриваемом примере является коммуникативный прием чужой речи. Б. Обама продуцирует прямую, вымышленную речь, моделируя тем самым в сознании адресата возможную коммуникативную ситуацию (*<...> the question that's coming from you the next day at a press conference is, "Mr. President, why didn't you catch that? Why did the intelligence people allow that to slip? Isn't there a way that we could have found out that in fact this terrorist attack took place?"*). Если в художественном тексте вымышленная прямая речь используется как стилистическое средство для придания образности и эмоциональности, то в

деловой риторике она служит для реализации прагматических задач коммуникации. Как отмечает И. С. Попова, «прямая речь в лишь исключительно редких случаях является имитацией чужой речи, а в большинстве своих проявлений связана с реализацией определенных интенций коммуникантов» [Попова 2009: 67]. В президентском дискурсе вымышленная прямая речь позволяет достичь большей убедительности и является инструментом манипуляции массовым адресатом.

3.5 Семантико-стилистический анализ вербальных реакций на критику в речи Б. Обамы в сопоставлении с речью В. В. Путина

Для осмысления содержания данного параграфа представляется важным напомнить, что ответные реплики президентов понимаются нами как целостная текстовая единица, что согласуется с пониманием текста как системы, единство которой обеспечивается надежными связями всех текстовых компонентов, подчиненных реализации коммуникативной и стилистической задач [Полищук 1999: 79].

Как уже отмечалось в теоретической части исследования, прагматическая многослойность изучаемого материала требует многоаспектного подхода. Этим объясняется привлечение к нашему исследованию структурно-семантического подхода (Г. Г. Полищук) к его анализу. Центральным понятием семантико-стилистического анализа является семантическая доминанта, которая выступает в качестве организующего центра для компонентов текста и определяет выбор языковых средств.

Поскольку интенции в речи президентов могут быть завуалированы, либо выражаться имплицитными способами, важно подчеркнуть, что «содержательность доминанты, с одной стороны, основывается на языковых значениях, с другой – на скрытых за языковыми значениями глубинных смыслах» [Волков, Волкова 2014: 280].

Понятие семантической доминанты, традиционно используемое в изучении целостности художественного текста, оказывается актуальным в современных исследованиях, посвященных анализу текстов СМИ [Морозова 2017]. В представлении О. В. Морозовой, актуальность понятия семантической доминанты в исследовании медиатекста состоит в том, что «оно подчеркивает важность не языкового средства самого по себе, а того особого внутритекстового смыслового единства, которое оно несет в составе медиатекста» [Морозова 2017: 34].

Вслед за Г. Г. Полищук, первой задачей семантико-стилистического анализа мы считаем определение семантического центра текста. Если в художественном тексте доминирующий центр всегда связан с героем повествования [Полищук 1999: 80], то в тексте президентского дискурса, на наш взгляд, этот центр обусловлен коммуникативно-прагматическими задачами президента по сохранению и укреплению власти.

Вторая задача семантико-стилистического анализа, в видении Г. Г. Полищук, предполагает анализ приемов, подчиняющих все текстовые компоненты его доминирующей линии. Подчиненность языковых средств способствует достижению основной организационной характеристики текста – его системности. В речи главы государства такими системообразующими механизмами являются коммуникативные тактики, предопределяющие выбор языковых средств, объединенных общей семой. Например, тактика учета ценностных ориентиров адресата, актуализируемая в речи Б. Обамы посредством упоминания безопасности, здоровья, образования, составляет в тексте ответной реплики семантическую доминанту «ценность».

Для анализа языковых средств, объединенных общей семантической доминантой, были использованы количественные данные, полученные посредством автоматизированного анализа текста в системе [Advego https://advego.com/text/seo/](https://advego.com/text/seo/). Аналогичным способом нами проводился анализ наиболее частотной лексики в параграфе 3.3 данного исследования. В результате семантического анализа текстов ответных реплик Б. Обамы

(объёмом 27457) и, для сравнения, В. В. Путина (27206 словоупотреблений) были выделены наиболее частотные слова в количестве 100 единиц у каждого из президентов (Рис. 1, 2).

Полученные данные представим в таблице, состоящей из трёх столбцов, первый из которых содержит слово или фразу, второй – количество словоупотреблений в заданном тексте, а третий – частоту употреблений. Полученные количественные данные приведены ниже (Рис. 1, Рис. 2).

Фраза/слово	Количество	Частота, %
that	179	4.61
going	40	1.03
this	35	0.90
for	34	0.87
there	27	0.69
can	26	0.67
will	22	0.57
republican	21	0.54
thing	19	0.49
make	18	0.46
about	17	0.44
work	17	0.44
job	16	0.41
where	16	0.41
our	15	0.39
issue	14	0.36

Рис. 1 Результаты семантического анализа текстов ответных реплик Б. Обамы (по материалам пресс-конференций 2010, 2014, 2016 г.г.)

Фраза/слово	Количество	Частота, %
все	47	0.98
оно	22	0.46
делать	21	0.44
сделать	20	0.42
нужно	19	0.39
много	18	0.37
страна	18	0.37
тома	18	0.37
украина	17	0.35
европа	16	0.33
знать	16	0.33
вопрос	15	0.31
отношение	15	0.31
касаться	14	0.29
согласиться	13	0.27
конечно	11	0.23

Рис. 2 Результаты семантического анализа текстов ответных реплик В. В. Путина (по материалам пресс-конференций 2016-2017 г.г.)

Лексика, не несущая существенной смысловой нагрузки (служебные слова *that, going, this, for, there, about*; слова широкой семантики и др.) была исключена из анализа, поскольку не представляется возможным отнести её к определенной семантической доминанте. Для уточнения семантики анализируемых слов периодически требовалось обращение к контексту. Затем семантически релевантная лексика была распределена по группам на основании лексического значения слова с учетом контекста. Семантическое ядро на рис. 1, 2 сформировано автоматически сайтом Advego. В результате было выделено 5 семантических доминант (далее – СД): **решение проблемы, политика, развитие, единство и ценность**. На Рис. 3 полученные СД представлены в виде гистограмм. С позиции коммуникативного подхода они обозначают доминантные линии, параллельно формирующиеся в речи президентов России и США при реагировании на критику.

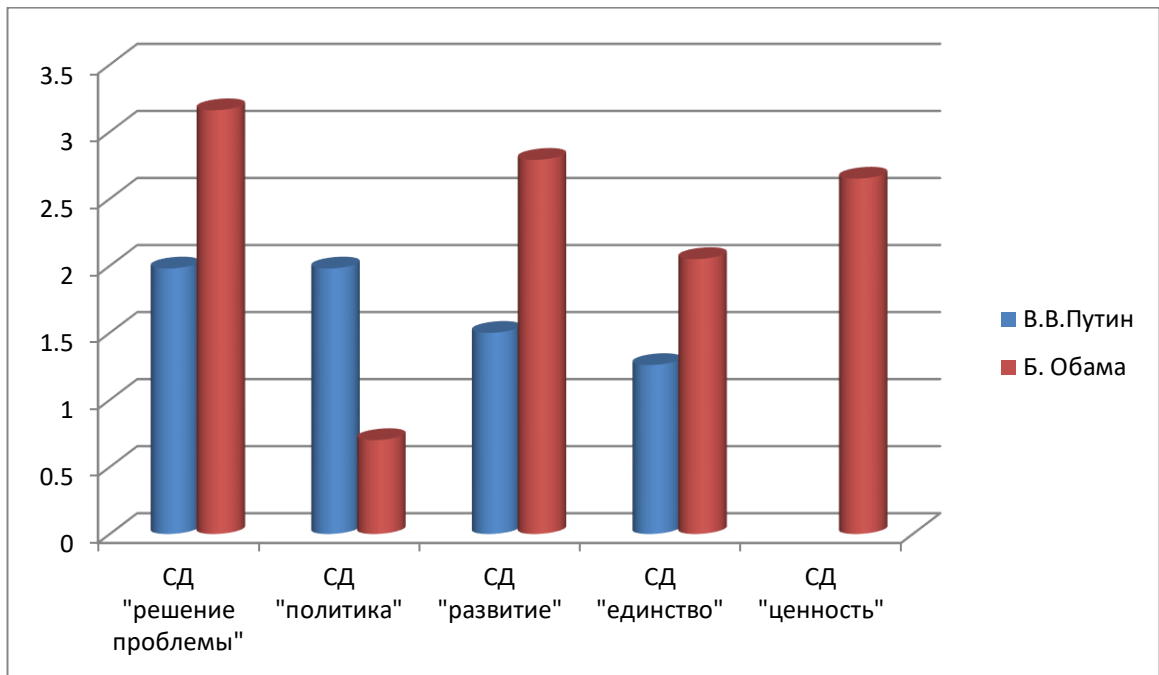

Рис. 3 Сравнительный анализ семантических доминант в ответных репликах В. В. Путина и Б. Обамы

Наиболее выраженная в речи Б. Обамы семантическая доминанта представлена категорией слов, объединенных общей семой «решение проблемы». Суммарный показатель частоты употребления всех слов, манифестирующих эту доминанту, в речи Б. Обамы, составляет 3,16%, в речи В. В. Путина этот показатель равен 1,98%. Семантическая доминанта «решение проблемы» объединяет лексику, связанную с аспектом жизни государства, подвергаемым критике, и способах разрешения возникшей ситуации. Сюда, например, относится лексика *tax* (налог), *unemployment* (безработица), *debt* (долг), *issue* (вопрос), *make sure* (убедиться) в речи Б. Обамы, и *хакер*, *трагедия*, *Донбасс*, *нужно*, *решать*, *сначала* в речи В. В. Путина.

Главенство этой доминантной линии продиктовано, во-первых, жанром диалогического общения, где ответная реплика может содержать элементы иницирующей реплики. Во-вторых, оно является следствием реализации коммуникативных задач президента, предполагающих умение

аргументированно ответить на поставленный вопрос и убедить массовый адресат в успешном решении существующих проблем.

Количественный анализ лексических единиц, объединенных общей доминантой «политика», показал, что в риторике В. В. Путина эта линия речевого поведения является одной из основных (1,98%), тогда как в речи президента США она наименее представлена среди всех обнаруженных нами семантических доминант (0,7%). Если в анализируемых ответных репликах американского президента удалось обнаружить только лексемы, относящиеся к вопросам внутренней политики (*policy, Congress, bill, proposal, executive*), то в речи В. В. Путина частотными являются лексемы из области как внутренней, так и внешней политики (*Европа, президент, американский, государство, сила, регион, ядерный, внутри, вооружение, европейский* и др.). С одной стороны, это продиктовано тематикой задаваемых президенту критических вопросов и геополитическим положением России (*Европа, европейский*), с другой – стремлением президента к укреплению позиции России на мировой арене.

Семантическая доминанта «развитие» включает языковые средства со значением движения, прогресса и роста. В речи Б. Обамы частота употребления языковых средств, объединенных семой «движение», составляет 2,79%. Присутствие этой доминантной линии в речи глав государств объясняется необходимостью переключить внимание массового адресата с временных трудностей на более глобальные цели (*job growth (рост рабочих мест), move forward (двигаться вперед), change (перемена), progress (прогресс)* и др. В речи В. В. Путина (1,5%), мотив развития выражен лексическими единицами *делать, сделать, развитие, эффективный, развиваться* и *строительство*. В целом, языковые средства выражения мотива развития в риторике обоих президентов похожи. С точки зрения коммуникативно-прагматического подхода, сема «движение» в их речи отражает коммуникативную тактику указания на перспективу.

Лексика, объединенная общей семой «единство», насчитывает 2,05% в речи Б. Обамы и 1,26% в ответных репликах В. В. Путина. В речи американского президента мотив единения актуализируется посредством лексем *our* (наш), *American* (американский), *democrat* (демократ), *republican* (республиканский), *everybody* (все), *together* (вместе), *support* (поддержка), *bipartisan* (двухпартийный), в речи российского президента – *страна, Россия, народ, коллега, близкий, соединить*. Если в речи Б. Обамы единство видится целью на будущее, в достижении согласия и компромисса между двумя партиями, то В. В. Путин подчеркивает идею сохранения единства между субъектами страны и согласованности в действиях властей. Доминантная линия «единство» позволяет выразить идею целостности государства и всеобщего стремления достичь поставленных целей, несмотря на возникающие разногласия. Это позволяет президентам охватить больший процент массового адресата и передать ощущение причастности, реализуя таким образом тактику убеждения.

Языковые средства, относящиеся к категории базовых человеческих ценностей, подчиненные семантической доминанте «ценность», представлены в речи Б. Обамы лексическими единицами *job* (работа), *opportunity* (возможность), *family* (семья), *help* (помощь), *care* (забота) и др., их суммарный показатель частоты в текстовых записях ответных реплик Б. Обамы равен 1,36%. Семантическая доминанта «ценность» свидетельствует об актуализации тактики учета ценностных ориентиров адресата в речи Б. Обамы при реагировании на критическое высказывание. Это соответствует данным, полученным при составлении композиционных схем ответных реакций президента (см. 3.2). Напомним, что тактика учета ценностных ориентиров является одной из ключевых в речи 44-го президента США и была обнаружена во всех трех композиционных схемах (см. 3.2).

Количество языковых средств с семой «ценность», обнаруженных в исследуемом материале в ответных репликах В. В. Путина при реагировании

на критику, оказалось недостаточным для выделения магистральной линии с доминантой «ценность». Языковые средства с семантикой единения и суверенности (*страна, Россия, народ, российский* и др.), также имеющие ценностный компонент, было решено выделить в категорию, объединенную общим доминирующим центром «единство».

Отличия в реализации семантических доминант мы объясняем индивидуальными коммуникативными установками президентов, а также различиями в менталитете массового адресата в России и США и, как следствие, разницей в способах воздействия на него.

Выводы из 3 Главы

На основе полученных данных есть основание полагать, что диалогические жанры публичного общения с представителями СМИ (пресс-конференция, интервью) рассматриваются Б. Обамой, прежде всего, как канал обращения к массовому адресату. Основной коммуникативной стратегией является сохранение власти и отстаивание своей позиции, поэтому вместо полемических приемов президент пользуется случаем снова «проговорить» основные пункты своей политической программы.

Особое внимание при реагировании на критику Б. Обама уделяет формированию эмоционального настроения аудитории. Вне зависимости от тематики критического вопроса, центральной тактикой, которой придерживается президент в своей ответной реплике, является тактика учета ценностных ориентиров адресата. Её удалось обнаружить во всех трех коммуникативных схемах. Апеллируя к базовым человеческим ценностям, таким как здоровье и безопасность, Б. Обама предстает филантропом, борцом за благополучие и права граждан США. Исследователи языковой личности Б. Обамы (Шустрова 2010; Leith 2012; Чантуридзе 2015; Crines, Moon, Lehrman 2016 и т.д.) обнаруживают в этом стиле поведения влияние этнического происхождения и наследия культовых исторических личностей США, положивших начало борьбе за равноправие. Не забывает президент и о национальном образе «американской мечты», убеждении, сохранившемся на подсознательном уровне людей, что каждый имеет возможность стать успешным в этой стране.

С точки зрения языкового воплощения, важной при реакции на критику оказывается функционально-семантическая категория модальности, с помощью которой 44-му президенту США удастся реализовать целый спектр коммуникативных задач – от придания речи убедительности (*should, have to*) до смягчения категоричности суждений (*possible, may, might*). Границы значений модальных языковых средств *may* и *might*, размытые в обиходно-бытовом дискурсе до уровня синонимов, оказываются значимыми при

изучении речи политика, где смысл многих высказываний выражается имплицитно и завуалировано.

Эксплицитные смыслы в речи Б. Обамы отчетливо выражены на лексическом уровне. В результате количественного анализа, проведенного с помощью компьютеризированного инструмента оптимизации текста, была обнаружена наиболее частотная лексика, которая входит в состав коммуникативных тактик единения и отождествления (*our*), призыва к действию (*work*), указания пути решения проблемы и акцентирования положительной информации (*make sure*). Анализ наиболее частотной лексики позволяет обнаружить её в семантическом окружении и выявить смысловые акценты, которые наиболее эффективны при работе с массовым адресатом. Это дает возможность через призму одной языковой личности определить характерные черты всего языкового сообщества страны.

Естественным следствием реализации стратегии самозащиты при реагировании на критику в речи Б. Обамы, так же, как и в речи В.В. Путина, является нарушение постулатов принципа кооперации. Пользуясь главенствующим социальным статусом, президент позволяет себе игнорирование неудобного вопроса, что расценивается как нарушение постулата Качества. В другой ситуации он отвечает лишь на часть вопроса, нарушая принцип Количества. Подобная некооперативность речевых действий позволяет говорить о явлении коммуникативного саботажа, который в политической коммуникации служит не провоцированию конфликта, а напротив, его нейтрализации.

Определение семантических доминант в речи президентов России и США позволило уточнить магистральные линии, параллельно формирующиеся в их речи при реагировании на неудобные вопросы. Выбор языковых средств, объединенных общими семами «решение проблемы», «развитие», «единство» и др. продиктован коммуникативными задачами президентов по сохранению власти и созданию благоприятного

эмоционального настроения массового адресата в противовес негативному эффекту, производимому критическими высказываниями представителей СМИ.

Отличия в реализации семантических доминант и отсутствие семантической доминанты «ценность» у В. В. Путина мы объясняем индивидуальными коммуникативными установками президента, а также различиями в менталитете массового адресата в России и США и, как следствие, разницей в способах воздействия на него.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реагирование президента на критику в рамках публичного диалога с представителем СМИ является многоаспектным объектом исследования, требующим понимания принципов построения и функционирования публичного диалога, взаимосвязи элементов коммуникативной ситуации, коммуникативно-прагматических основ президентского дискурса, роли СМИ в жизни общества, профессиональных задач и этического кодекса журналиста, аксиологической природы критики, корпуса оценочных языковых средств и др.

Имидж главы государства в современном демократическом обществе определяет парадигму его речевой деятельности и выводит диалогические жанры в ранг наиболее значимых каналов взаимодействия народа и власти. Представители СМИ, с одной стороны, являются «проводниками» общественного мнения, с другой – способствуют проецированию интенций президента на массового адресата. Демонстрация открытости и прозрачности действий власти перед обществом предполагает введение аксиологического оператора «хорошо/плохо», иными словами, дает возможность выразить одобрительное или критическое мнение о действиях власти.

В данном исследовании, на основе проведенного дефиниционного анализа, любые речевые акты неодобрения, объектом которых являются действия президента или правительства в целом, были объединены понятием критика. Изучение вопроса критических высказываний в публичной речи позволило обнаружить их провокационный характер, продиктованный профессиональными задачами журналиста получить наиболее полную информацию по острым вопросам жизни общества.

Диалогическое единство с элементами критики включает структурно-прагматические характеристики спора и отличается повышенным градусом эмоциональной напряженности, что требует дополнительных коммуникативных усилий со стороны президента. Прагматическая значимость вербальных реакций президента на критические высказывания

обусловлена профессиональной задачей сохранить и упрочить доверие массового адресата. Реализация этой задачи осуществляется посредством комплекса речевых действий, которые в терминосистемах разных направлений современной лингвистики, исследующих устную речь, именуется как стратегии, тактики, техники, приемы и т.д. и которые объединены в данном исследовании общим понятием *способы*. Воплощение способов в речи осуществляется с помощью языковых *средств* разного порядка.

Сходство магистральных линий речевого поведения при реагировании на критику в речи В. В. Путина и Б. Обамы продиктовано универсальностью задачи президентского дискурса удержать власть. Определяющим фактором выбора способов воздействия на массового адресата и средств их реализации является картина мира и менталитет народа. Доминанта имиджа В. В. Путина представлена ролями Сильная рука и Державник (по терминологии О. С. Иссерс), которые актуализируются идеями служения народу, укрепления и защиты государства. Имидж Б. Обамы основан на роли Борца за социальную справедливость, находящей своё выражение в тематических цепочках слов, связанных с реформированием системы здравоохранения, снижением уровня безработицы, обеспечением безопасности и др.

Сходства и различия в способах реагирования на критику обнаруживаются при отборе языковых единиц. Например, языковые средства в речи В. В. Путина актуализируют привлечение внимания массового адресата (риторический вопрос), убеждение (лексический и синтаксический повтор, градация, синтаксический параллелизм и т.д.) и эмоциональную стабилизацию (эвфемизмы, просторечия). Языковые средства в речи Б. Обамы выполняют аналогичную функцию и участвуют в реализации тактики убеждения (усилительный повтор, лексика с семантикой единства и развития, средства выражения субъективной модальности), эмоциональной стабилизации (эвфемизмы и под.). Сравнительный анализ ответных реплик В. В. Путина и Б. Обамы позволил выявить различия в реализации средств на

стилистическом уровне. В речи российского президента экспрессия достигается с помощью стилистически окрашенной лексики (сниженной лексики, просторечий, разговорной лексики и др.), тогда как в репликах Б. Обамы достижению необходимого уровня экспрессии и убедительности способствуют стилистические средства, в основном не выходящие за рамки литературной языковой нормы.

Изучение языковых средств реагирования на критику на лексическом уровне показало целесообразность использования автоматизированных инструментов количественного анализа текста. В результате была определена наиболее частотная лексика и выявлены семантические центры в речи президентов, на основе которых сделаны выводы об имплицированных смысловых акцентах. В ответных репликах В. В. Путина при реагировании на критику частотными являются лексемы *сделать, делать, нужно и надо*, что свидетельствует о намерении решать указанные проблемы и способствует сохранению имиджа политического лидера страны. В исследуемых вербальных реакциях Б. Обамы наибольшей частотностью обладают лексемы *work* (работать), *take* (сделать) и *our* (наш), отражающие доминирующую идею о совместных усилиях народа и власти на пути развития общества.

В результате анализа структурной организации ответных реплик президентов удалось установить зависимость между экстралингвистическими аспектами критики и способами реагирования на неё. Например, при реагировании на критику со стороны зарубежных СМИ, в речи В. В. Путина отчетливо прослеживаются элементы агонального дискурса (тактика критики, тактика оспаривания), что свидетельствует о реализации стратегии самозащиты. В ответных репликах Б.Обамы элементы самозащиты обнаруживаются при реагировании на обвинения в непоследовательности со стороны американских СМИ, однако степень агональности в них меньше.

Прагматическая плотность и синтаксическая, текстовая целостность ответных реплик президентов позволили применить к их анализу структурно-семантический подход, используемый Г. Г. Полищук при изучении художественных произведений. Основанием для проведения анализа послужило утверждение Г. Г. Полищук о том, что все текстовые компоненты подчиняются доминантной линии. На основе количественных данных, полученных путем автоматизированного семантического анализа текста в сети Интернет, в ответных репликах президентов была выделена наиболее частотная лексика и определены семантические доминанты: *решение проблемы, политика, развитие, единство, ценность*. Сходство доминантных линий *решение проблемы, развитие и единство* в риторике обоих президентов продиктовано общей коммуникативной целью по сохранению и укреплению власти. Различия в доминантных линиях ответных реплик президентов (*политика, ценность*) обусловлены разницей в способах речевого воздействия на массовый адресат и отражают ценностные ориентиры граждан страны, а также традиционный для этого общества образ политического лидера.

Коммуникативный саботаж, как один из способов вербальной реакции на критику, является показателем противостояния, обусловленного столкновением интересов представителей разных социальных ролей. И в этом отношении мы солидарны с мнением О. С. Иссерс в том, что для политического дискурса характерно нарушение принципа кооперации [Иссерс 2008: 67-70]. Формат публичного диалога с президентом предполагает участников общения во многом с противоположными коммуникативными задачами. Цель представителя СМИ – получить как можно больше информации по сложным, часто провокационным вопросам. Задача президента продиктована его профессиональным статусом, что имеет следствием необходимость вуалирования некоторой информации и уклонения от ответа. Приём уклонения является типичным для ситуаций, когда информация, необходимая для ответа на вопрос, недоступна или

доступна, но не подлежит разглашению при текущих обстоятельствах [Chilton, Schaffner 1997: 212; Clayman, Heritage 2002: 264-269]. Предполагаем, что нарушение принципа кооперации является необходимым условием для достижения коммуникативных задач главы государства.

Подводя итог размышлениям о коммуникативном саботаже как одном из способов реагирования на критику в речи глав государств, считаем возможным отнести коммуникативный саботаж к агональным жанрам. Вслед за Е. И. Шейгал под агональностью мы понимаем базовую функцию политического дискурса, которая сочетает в себе два аспекта проявления – борьбу за сохранение своего статуса и борьбу против политического противника [Шейгал 2000: 393]. Агональность коммуникативного саботажа проявляется в том, что его «триггером» становится конфликтная ситуация, вследствие которой говорящий направляет речевые усилия на противодействие собеседнику. Отступление от эталонных норм межличностного общения отражает специфику президентского дискурса, которая заключается, например, в необходимости уклонения от неудобных тем и вуалирования информации в рамках публичного общения с представителями СМИ.

Список использованной литературы

I Список используемых словарей

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс] // Яндекс словари, 7-е изд., стереотип. — Москва: Русские словари, 1999.
2. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1966, 608 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Владимир Иванович Даль: В 4 т. – Т. 2. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 784 с.
6. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под.ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус.яз., Полиграфресурсы, 1999 – 800 с.
7. Жирков Л. И. Лингвистический словарь. 2-е изд. – М., 1946. – 155 с.
8. Засорина Л. Н. Частотный словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1977. – 936 с.
9. Лагута (Алешина) О. Н. Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации: Учебный словарь терминов. Учебное пособие / Отв. ред. Н. А. Лукьянова. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2000. – Часть 2. – 147 с.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 60000 слов и фразеологических выражений / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцовой. – 25-е изд., испр. и доп. – М.: ОНИКС: Мир и образование, 2007. – 840 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

12. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / Под. ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской. М.: Флинта, 1998 - 312 с.
13. Словарь сочетаемости слов русского языка // П. Н. Денисов, В. В. Морковкин. 2-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1983. 686 с.
14. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка, Д.Н. Ушаков – М.: Аделант, 2014 – 800 с.
15. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org> (Дата обращения: (10.06.2018)).
16. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com> (Дата обращения: (10.06.2018)).
17. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс]. <https://www.ldoceonline.com> (Дата обращения: (10.06.2018)).
18. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (Дата обращения: (10.06.2018)).
19. Merriam Webster [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com> (Дата обращения: (10.06.2018)).

II Список исследовательской литературы

1. Andone, C. Argumentation in Political Interviews [Text] / C. Andone. 2013: Amsterdam: John Benjamins Publishing. – 147 p.
2. Bavelas, J. B., Black, A. Equivocal Communication [Text] / Bavelas, J. B., Black, A. – CA: Sage. – 1990. – 338 p.
3. Berlin, L. N., Fetzer A. Dialogue in Politics [Text] // Dialogue in Politics / edited by Lawrence N. Berlin, Anita Fetzer. – Amsterdam: John Benjamins publishing company. – 2012. – 313 p.
4. Clayman, S., Heritage, J. The News Interview: Journalists and public figures on the air [Text] / S. Clayman, J. Heritage. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2002. – 372 p.

5. Clinton, P., Shaffner Ch. Discourse and Politics [Text] / Clinton P., Shaffner Ch. // Discourse as Social in Interaction. London: Sage. – 1997. – pp. 206-230.
6. Craig, G. Performing politics: media interviews, debates and press conferences [Text] / G. Craig. – Cambridge: Polity Press. – 2016. – 212 p.
7. Crines, A. S., Moon D. S., Lehrman R. Democratic Orators from JFK to Barack Obama [Text] / Philip Thody. – 2016. – 313 p.
8. Eemeren, F. H. Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse: Extending the pragma-dialectal theory of argumentation. 2010, 308 p.
9. Fairclough, I., Fairclough N. Political discourse analysis: A method for Advanced Students [Text] / I. Fairclough, N. Fairclough. – London: Routledge, 2013. – 266 p.
10. Fetzer A., Lauerbach G. E. Political discourse in the media [Text] / A. Fetzer, G. E. Lauerbach. – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2007. – 379 p.
11. Grice, H. P. Logics and conversation [Text] / H. P. Grice // Syntax and Semantics (Speech Acts), New York: Academic Press. – 1975. – v. 3. – pp. 41–58.
12. Grice, H. P. Further Notes on Logic and Conversation [Text] / H. P. Grice // Syntax and Semantics, Academic Press. 1989. – v. 9 – pp. 41–57.
13. Harris, S. Evasive action: how politicians respond to questions in political interviews. Broadcast Talk [Text] / S. Harris. – London: Sage, 1991. – pp. 76–99.
14. Jones, N. Soundbites and spin doctors. How politicians manipulate the media and vice versa [Text] / N. Jones. – London: Cassell, 1996. – 234 p.
15. Keenan, E. The Universality of Conversational Postulates [Text] / E. Keenan // Language in Society, N 5 (1), 1976. – pp. 67–80.
16. Lakoff, R. The Pragmatics of Subordination [Text] / R. Lakoff // Proceedings of the Tenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 1984. – pp. 481–492.

17. Lauerbach, G. E., Fetzer, A. Political discourse in the media [Text] / G. E. Lauerbach, A. Fetzer. – Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 2007. – 393 p.
18. Leanne, Sh. Say it like Obama [Text] / Sh. Leanne. – New York: McGraw-Hill, 2009. – 214 p.
19. Leith, S. Words like loaded pistols. Rhetoric from Aristotle to Obama [Text] / S. Leith. – New York: Basic Books. – 2012. – 320 p.
20. Mieder, M. "Yes We Can": Barack Obama's Proverbial Rhetoric [Text] / M. Mieder. – New York: Peter Lang, 2009. – 352 p.
21. Partington, A. The Linguistics of Political Argument: The Spin-doctor and the Wolf-pack at the White House. – London: Routledge, 2003. – 280 p.
22. Senft, G. Theory meets Practice - H. Paul Grice's Maxims of Quality and Manner and the Trobriand Islanders' Language Use // Further Advances in Pragmatics and Philosophy Part 1: From Theory to Practice, 2018, pp. 203-220.
23. Аведова, Р. П. Вопрос-переспрос как реактивная реплика в англоязычном диалогическом единстве: функционально-семантический и прагматический аспекты: монография [Текст] / Р. П. Аведова. – Ростов-на-Дону: КИБИ МЕДИА центра ЮФУ, 2014. – 248 с.
24. Акинина, П. С. Лингвопрагматические особенности американского политического дискурса (на материале выступлений президента США Барака Обамы) [Текст]: дис. ... канд. филол: 10.02.04 – Владимир: Владим. гос. университет, 2019. – 170 с.
25. Алимжанова, Г. М. Сопоставительная лингвокультурология: взаимодействие языка, культуры и человека [Текст] / Г. М. Алимжанова. – Алматы, 2010. – 300 с.
26. Алтунян, А. Г. Политические мнения «Фаддея Булгарина»: Идеюно-стилистич. анализ записок Ф.В. Булгарина к Николаю I [Текст] / А. Г. Алтунян. – М.: Изд-во УРАО, 1998. – 208 с.

27. Андреева, В. Ю. Вербальные средства выражения коммуникативного саботажа [Текст] / В. Ю. Андреева // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Серия Филология. – 2008. – № 5. – С. 82-93.
28. Андреева, В. Ю. Коммуникативный саботаж в ряду смежных речевых явлений (сопоставление с конфликтом, речевой агрессией, коммуникативным давлением) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 356. URL: www.science-education.ru/115-12218 (Дата обращения: 25.01.2020).
29. Андреева, В. Ю. Речевой жанр коммуникативного саботажа [Текст] / В. Ю. Андреева // Вестник ТГУ. – 2009. – № 2 (70) – С. 30-32.
30. Анисимова, С. А. Роль прецедентных феноменов в формировании национального ментального пространства (по материалам сопоставительного анализа дискурсов президентов В. В. Путина и Б. Обамы) [Текст] / С. А. Анисимова // Политическая лингвистика. – 2016. – № 3 (57). – С. 77-83.
31. Антонова, Н. А. Стратегии и тактики педагогического дискурса [Текст] / Н. А. Антонова // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. – 2007. – № 7. – С. 230-236.
32. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – Т. 40. – М.: Наука. – 1981. – № 4. – С. 356-367.
33. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
34. Бабенко, Л. Г., Конторских, А. И. Реализация категории модальности в инаугурационной речи (на материале речи Дональда Трампа) [Текст] / Л. Г. Бабенко, А. И. Конторских // Политическая лингвистика. – Екатеринбург. – 2018. – С. 29-32.
35. Базарова, Л. В., Каюмова А.Х. Сравнительный анализ приемов речевого воздействия в английском и русском языках (на материале речей президентов России В.В. Путина и США Б. Обамы) [Текст] /

- Л. В. Базарова, А. Х. Каюмова // Научный альманах. – Тамбов. – 2016. № 4-4(18). – С. 249-252.
36. Баранов, А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации [Текст] / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М.: Знание. – 1991. – 63 с.
37. Барташова, О. А., Полякова С.Е. Эмоциональная напряженность как аспект коммуникативной неудачи в политическом дискурсе: Учебное пособие [Текст] / О. А. Барташова, С. Е. Полякова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. – 40 с.
38. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
39. Бессонова, И. В. Речевые акты похвалы и порицания собеседника в диалогическом дискурсе современного немецкого языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И. В. Бессонова. – Тамбов, 2003. – 24 с.
40. Бессонова, О. Л. Вербализация эмоций одобрения – неодобрения в оценочном тезаурусе английского языка [Текст] / О. Л. Бессонова // Язык как зеркало культуры: сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора М.В. Пименовой. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2019. – С. 87-95.
41. Бехтерев, В. Н. Внушение и его роль в общественной жизни [Текст] / В. Н. Бехтерев – СПб: Питер Бук, 2001. – 254 с.
42. Бизюков, Н. В. Демократическая коммуникативная практика как стратегия манипуляции сознанием массовой аудитории (на материале современного публицистического дискурса) [Текст] / Н. В. Бизюков // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2(40). – 2017. – С. 187-190
43. Бондаренко, Е. Н. Исследование стратегии провокации в лингвистической экспертизе [Текст] / Е. Н. Бондаренко // Язык. Право.

- Общество: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2016. – С. 123-127.
- 44.Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2009. – 320 с.
- 45.Богин, Г. И. Концепция языковой личности [Текст]: автореф. дис. ... д. филол. наук / Г. И. Богин. – М., 1982. – 81 с.
- 46.Боц, Т. С. Вербальные реакции на отрицательно-оценочные высказывания (на материале политического интервью) [Текст] / Т. С. Боц // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. – Вып. 2 – С. 222-226.
- 47.Будаев, Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология. - Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2008. – 248 с.
- 48.Бутырина, М. В. Политология: Учебно-методическое пособие / ГОУ ВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина». – Иваново, 2007. – 252 с.
- 49.Василик, М. А. Основы теории коммуникации [Текст] / М. А. Василик – М.: Гардарики, 2003. 615 с.
- 50.Викторова, Е. Ю. Вспомогательная система дискурса и её особенности [Текст] / Е. Ю. Викторова // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов IX Международной конференции. – Саратов, 2017. – С. 137–147.
51. Викторова, Е. Ю. Вспомогательные коммуникативные единицы в речи российских и американских президентов (на материале жанра послания) [Текст] / Е. Ю. Викторова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2008. Т. 8. – № 2. – С. 22–31.
- 52.Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.

- 53.Винокур, В. А. Уловки в споре [Текст] / В. А. Винокур. – СПб.: Речь, 2005. –142 с.
- 54.Власян, Г. Р. Мена коммуникативных ролей как основополагающий фактор динамической структуры конверсационного дискурса//Зарубежная филология. 2012. № 4. С. 103-107.
- 55.Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика [Текст] / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
56. Волков, В. В., Волкова, Н. В. Семантическая доминанта и семантическое поле как опорные единицы анализа художественного произведения [Текст] / В. В. Волков, Н. В. Волкова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2014. № 3. С. 279–283.
57. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е. М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
- 58.Воркачев, С. Г. Концепт как “зонтиковый” термин [Текст] / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв.ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2003. – Вып. 24 – С. 5–12.
59. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С. Г. Воркачев // Филологические науки, 2001. – № 1. – С. 64–72.
60. Воробьев, В. В., Полякова Г. М. Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление [Текст] / В. В. Воробьев, Г. М. Полякова // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – вып.2. – С. 13–18.
- 61.Ворошилова, М. Б. Политический креолизированный текст: ключи к прочтению [Текст] / М. Б. Ворошилова; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 194 с.
- 62.Гаврилова, М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина) [Текст] /

- М. В. Гаврилова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 26 с.
63. Гаврилова, М. В. Политическая риторика XX века: Учебное пособие для студентов вузов [Текст] / М. В. Гаврилова. – СПб.: Изд-во Невского института языка и культуры, 2008. – 94 с.
64. Гаврилова, Н. В. Лингвокультурный концепт “критика” и его функционирование в педагогическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Г. Н. Викторова. – Волгоград, 2007. – 24 с.
65. Голанова, Е. И. Публичный диалог вчера и сегодня: коммуникативно-речевая эволюция жанра интервью [Текст] / Е. И. Голанова // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 251 – 259.
66. Голоднов, А. В. Персуазивная коммуникация: стратегии и тактики воздействия (на материале современной немецкоязычной рекламы) / А. В. Голоднов. – СПб.: Астерион, 2010. – 244 с.
67. Голоднов, А. В. Персуазивная коммуникация: стратегии и тактики воздействия (на материале современной немецкоязычной рекламы) [Текст] / А. В. Голоднов. – СПб.: Астерион, 2010. – 244 с.
68. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение [Текст] / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 16. 1985. С. 217-238.
69. Граудина, Л. К., Ширяев, Е. Н. Культура русской речи: учеб. для вузов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. – 560 с.
70. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса. Язык СМИ и тексты политического дискурса [Электронный ресурс] / Гудков Д. Б. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text12/09.htm#%D0%B7_18 (Дата обращения: 21.05.2019).
71. Давыборец, Е. Н. Формирование имиджа лидера современного государства (на примере президентов России и США) [Текст]: автореф.

- дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02/ Е. Н. Давыборец. – СПб., 2008. – 28 с.
72. Даренская, Н. А. Риторика: учебно-методическое пособие. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/6018979/page:12/> (Дата обращения: 18 ноября 2017).
73. Дементьев, В. В. Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013 [Текст] / В. В. Дементьев // Жанры речи. – 2014. – № 1–2 (9–10). – С. 22–49.
74. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация [Текст] / В. В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
75. Джандалиева, Е. Ю. Вербальные реакции адресата на неодобрительные высказывания (на материале немецкого языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. Ю. Джандалиева. – Волгоград, 2008. – 26 с.
76. Дотдаева, Ф. И. Языковые средства ценностного воздействия в американском президентском дискурсе [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ф. И. Дотдаева. – Пятигорск, 2013. – 20 с.
77. Дьячкова, И. Г. Похвала и порицание как речевые акты (прагматический анализ) [Текст] / И. Г. Дьячкова // Вестник Омского университета. – № 3. – 1998. – С. 55–58.
78. Емельянов, С. М. Практикум по конфликтологии [Текст] / С. М. Емельянов. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2009. – 380 с.
79. Жаботинская, С. А. Концептуальные метафоры в публичных речах Барака Обамы и Владимира Путина (2014–2015 гг.) [Текст] / С. А. Жаботинская // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2016. – № 13. – С. 43–91.
80. Журавлев, А. П. Звук и смысл [Текст] / А. П. Журавлев. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.

81. Зализняк, А. А. Реконструкция “истинного смысла” реплик в конфликтном диалоге: постановка проблемы [Текст] / А. А. Зализняк // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конф. Диалог’2004. (“Верхневолжский”, 2-7 июня 2004). Институт языкознания РАН, Москва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/media/2590/zalizniak-anna.pdf> (Дата обращения: 24.06.2018).
82. Зенкова, Т. Л. Духовно-антропологическая парадигма познания человека [Текст] / Т. Л. Зенкова // Вестник Забайкальского государственного университета. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2010. – № 9. – С.17-22.
83. Зимняя, И. А. Лингвопсихология речевой деятельности [Текст] / И. А. Зимняя. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2001. – 432 с.
84. Иванов, Д. И., Лакербай, Д. Л. Антропоцентрическая парадигма и лингвоориентированная гуманитарная теория [Текст] / Д. И. Иванов, Д. Л. Лакербай // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Ч. 2. – Тамбов: Грамота. – 2016. – № 11. – С. 81–86.
85. Ильясова, С. В. Игровые способы и приемы выражения социальной оценочности в языке современных российских СМИ [Текст] / С. В. Ильясова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 60–64.
86. Ирхин, Ю. В., Зотов, В. Д., Зотова, Л. В. Политология [Текст] / Ю. В. Ирхин, В. Д. Зотов, Л. В. Зотова. – М.: Юристъ. – 2002. – 511 с.
87. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
88. Иссерс, О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» [Текст] / О.С. Иссерс. – М.: Флинта, 2009. – 224 с.
89. Иссерс, О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге (Русский язык в научном освещении. М., 2009. – № 2 (18). – С. 92–104.

- 90.Иссерс, О. С. Что говорят политики, чтобы нравится своему народу [Текст] / О. С. Иссерс //Вестник Омского университета. – Омск: Изд-во Омск. Ун-та. – 1996. – вып. 1. – С. 71-74.
- 91.Каминская, Т. Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук. СПб. гос. университет, СПб., 2009. – 284 с.
- 92.Карасик, В. И. Характеристики педагогического дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. / ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 3–18.
- 93.Карасик, В. И. Язык социального статуса [Текст] / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
- 94.Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- 95.Карасик, В. И. Языковые картины бытия [Текст] / В. И. Карасик. – М.: Гос. инст-т русского яз. им. А. С. Пушкина, 2020. – 468 с.
- 96.Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010 – 264 с.
- 97.Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации : учеб. пособ. [Текст] / В. Б. Кашкин. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
- 98.Кашкорова, Г. П., Гольшкіна, Л. А., Отургашева, Н. В. Риторика: учеб. пособ. [Электронный ресурс] / Г. П. Кашкорова, Л. А. Гольшкіна, Н. В. Отургашева. – URL: <http://aур.ru/library/ ritorika-osnovy-teorii/5254>. (Дата обращения: 18.11.2017).
- 99.Клушина Н. И. Медиастилистика [Текст] / Н. И. Клушина. – М.: Флинта, 2019. – 184 с.
100. Ключев, Е. В. Риторика Инвенция. Диспозиция. Элокуция: учебное пособ. для вузов [Текст] / Е. В. Ключев. – М.: ПРИОР, 2001. – 272 с.

101. Коньков, В. И. Принципы описания актуальной медиаречи [Текст] / В. И. Коньков // Актуальные проблемы стилистики. – 2016. – № 2. – С. 106-114.
102. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование: учебное пособие [Текст] / Г.А. Копнина. – М.: Флинта, 2008. – 176 с.
103. Кормилицына, М. А. О чём не должен забывать журналист? (Речевая культура журналистов) [Текст] / М. А. Кормилицына // Чтобы вас понимали. Культура русской речи и речевая культура человека / под ред. О. Б. Сиротининой. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – С. 165-185.
104. Кормилицына, М. А., Сиротинина, О. Б. Требования к речи лиц, работающих в органах власти и СМИ [Текст] / М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина // Язык и власть: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. М. А. Кормилицыной. – Саратов, 2003. – 140 с.
105. Котюрова, М. П. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений): монография [Текст] / М.П. Котюрова, Н.В. Соловьева. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 264 с.
106. Кошкарова, Н. Н. Вопросы интервьюера как факто провоцирования конфликтного речевого взаимодействия [Текст] / Н. Н. Кошкарова // Юрислингвистика. – Барнаул, 2013. – № 2 (13). – С. 32-34.
107. Кузнецов, И. В. Риторические стратегии литературного дискурса (на материале русской словесности X-XIX в. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / И. В. Кузнецов. – М., 2009. – 44 с.
108. Куроедова, М. А. Прямые тактики речевого воздействия в политическом дискурсе (на примере публичных вступлений В. В. Путина) [Текст] / М. А. Куроедова // Вестник Амурского государственного университета. – 2009.– № 46. – С. 113-114.
109. Лавринова, Н. И. Textoобразующие характеристики политического интервью [Текст] / Н. И. Лавринова // Вестник Поморского университета. – 2009. – № 5. – С. 68-71.

110. Лакофф, Д., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Д. Лакофф, М. Джонсон – М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.
111. Леденёва, В. В. Слово Лескова: монография [Текст] / В. В. Леденёва.– М.: ИИУ МГОУ, 2015.– 260 с.
112. Леонтович, О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособ. [Текст] / О. В. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2003. – 399 с.
113. Лиэнн, Ш. Говори как Обама [Текст] / Ш. Лиэнн; пер. с англ. У. Сапцина. – М.: Добрая книга, 2010. – 272 с.
114. Логинов, А. В. Адресант и адресат в диалогическом пространстве [Текст] / А. В. Логинов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – М.: Мос. гос. обл. ун-т, 2009. – С. 49-54.
115. Ломакина, О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль [Текст] / О. В. Ломакина. – М.: РУДН, 2019 – 344 с.
116. Лукина, М. М. Технология интервью [Текст] / М. М. Лукина. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 191 с.
117. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики [Текст] / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. – 230 с.
118. Мадалиева, Е. В. Лингвокогнитивный уровень языковой личности в дискурсе политической исповеди [Текст] / Е. В. Мадалиева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 2 (027). – С. 150-154.
119. Маркелова, Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке [Текст] / Т. В. Маркелова. – М.: Изд-во МПУ, 1993. – 125 с.
120. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк [Текст] / Т. В. Матвеева. – Свердловск: Изд-во Урал-го ун-та, 1990. – 172 с.

121. Мельник, Г. С. Общение в журналистике: секреты мастерства [Текст] / Г. С. Мельник. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008 – 235 с.
122. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.
123. Миронина, А. Ю. Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе (на материале публичных выступлений Б. Обамы) [Текст] : автореф... дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / А. Ю. Миронина. – Н. Новгород: 2012. – 20 с.
124. Михалёва, О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия [Текст] / О. Л. Михалёва. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
125. Михальская, А. К. Мысль и слово [Текст] / А. К. Михальская. – М.: Просвещение, 1996. – 460 с.
126. Михальская, А. К. Политическое интервью как речевой жанр [Текст] / А. К. Михальская // Риторическая культура в современном обществе. М., 2000. – С. 67-69.
127. Михальская, А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике [Текст] / А. К. Михальская – М.: Academia, 1996. – 192 с.
128. Михальская, А. К. Основы риторики. Мысль и слово [Текст] / А. К. Михальская. - М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
129. Моисеев, М. В., Гичева Н. Г. Сопоставительная лингвокультурология английского и русского языков: учебное пособие. [Текст] / М. В. Моисеев, Н. Г. Гичева. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2009. – 185 с.
130. Морозова, О. В. Семантическая доминанта «Агрессия» в американских СМИ (на материале политических публикаций о России) [Текст] / О. В. Морозова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 4. С. 126-130.

131. Мурзин, Л. Н. О суггестивно-магической функции языка [Текст] / Л. Н. Мурзин // Фатическое поле языка: памяти проф. Л.Н. Мурзина. – Пермь, 1998. – С. 108-114.
132. Мякшева, О. В. «Наращение» или создание смысла в тексте (на материале функционирования местоимений в текстах одного автора) [Текст] / О. В. Мякшева // Экология языка и коммуникативная практика. – 2015. – № 2. – С. 287-302.
133. Назарова, Е. А. Провокации в средствах массовой коммуникации [Текст] / Е.А. Назарова // Провокации: сферы коммуникативного проявления: сборник статей. – М.: Русайнс, 2016. – С. 74-90.
134. Нахимова, Е. А. "Прямая линия" с народом": президентские ответы на детские вопросы [Текст] / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2016. – № 2 (56). – С. 22-26.
135. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины [Текст] / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. трудов. – М., 1996. – № 426. – С. 112-116.
136. Нехорошева, А. М. Особенности языковой личности политического лидера Германии Ангелы Меркель [Текст] / А. М. Нехорошева // Политическая лингвистика. — 2012. Вып. 1 (39). – С. 147-150.
137. Никифорова, М. В. Методология и методика лингвополитической персонологии [Текст] / М. В. Никифорова // Теория и методика лингвистического анализа политического текста / А. П. Чудинов [и др.]: под ред. А. П. Чудинова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. – 303 с.
138. Николаева, Т. М. О принципе “некооперации” и/или о категориях социолингвистического воздействия [Текст] / Т. М. Николаева // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1990. – 280 с.

139. Николаева, Т. М. О «лингвистике» речи (в частности, о междометии) [Текст] / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. – 2015. – № 4. – С. 7–20.
140. Огибин, Г., Апанасик, В. Говорить как Путин? Говорить лучше Путина! [Текст] / Г. Огибин, В. Опанасик. – М.: Эксмо, 2011. – 304 с.
141. Павлова, Н. Д. Интент-анализ дискурса [Текст] / Н. Д. Павлова // Коммуникативные исследования / под ред. И. А. Стернина, В. Н. Степановой. – Воронеж: Истоки, 2003. – С. 19–25.
142. Павлова, Н. Д., Гребенщикова, Т. А. Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования [Текст] / Н. Д. Павлова, Т. А. Гребенщикова. – М., 2017. – 100 с.
143. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. Н. Паршина. – Саратов, 2005. – 332 с. – Библиогр.: с. 261–302.
144. Перцева, В. Г. Англоязычные словари языка политиков и философов (на материале словарей цитат и пословиц) [Текст]: дис. ... канд. филол: 10.02.04 – Ивановский гос. университет, Иваново, 2017. – 229 с.
145. Петрушина, М. В. Модальное значение неодобрения и его речевая реализация [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. В. Петрушина. – М., 2005. – 28 с.
146. Поварнин, С. И. Спор. О теории и практике спора [Текст] / С. И. Поварнин. – М., 2002. – 120 с.
147. Полищук, Г. Г. Семантико-стилистический анализ образа персонажа в системной структуре художественного текста [Текст] / Г. Г. Полищук // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Вып. 1(8). – Красноярск-Ачинск, 1999. – С. 79–85.

148. Попова, Е. А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. А. Попова. – Волгоград, 1995. – 235 с.
149. Попова, И. С. Прямая речь и цитирование как способы передачи чужого слова в устнопорождаемой речи [Текст] / И. С. Попова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, сер. «Филология». – Иркутск, 2009. – № 3. – С. 65-69.
150. Поцелуев, С. П. Диалог и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества [Текст]: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01 / С. П. Поцелуев. – Южный федер. ун-т, Ростов н/Д, 2010. – 448 с.
151. Родионова, С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке [Текст] / С. Е. Родионова // Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. – СПб., 2005. – 168 с.
152. Романов, А. А. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации [Текст] / А. А. Романов, И. Ю. Черепанова. – Тверь: Герс, 1998. – 205 с.
153. Рубцова, Е. В. Речевой портрет президента (на примере анализа инаугурационной речи В. В. Путина) [Текст] / Е. В. Рубцова // Региональный вестник. – 2018. – № 6. – С. 29-31.
154. Сагайдачная, Е. Н. Экспрессивные средства языка в речи политиков : на материале текстов публичных выступлений В. Путина, Т. Блэра, Дж. Буша [Текст]: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Н. Сагайдачная. – Ростов н/Д, 2009. – 206 с.
155. Садуов, Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ [Текст] / Р. Т. Садуов. – Уфа, 2012. – 136 с.

156. Саунина, Е. В. Способы воздействия в речи руководителей государств (на материале выступлений государственных деятелей России и США) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Саунина. – Саратов, 2012. – 182 с.
157. Седов, К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности [Текст] / К. Ф. Седов // Жанры речи. – 1999. – С. 13-26.
158. Седов, К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика [Текст] / К. Ф. Седов. – М.: Издательский Дом ЯСК. – 2016. – 440 с.
159. Седых, А. П. Идеологические элементы фразеологии политического руководителя [Текст] / А. П. Седых // Политическая лингвистика. – 2012. - № 1 (39). – С. 57-67
160. Серль, Дж. Р. Природа интенциональных состояний [Текст] / Дж. Р. Серль // Философия, логика, язык. – М., 1987. – С. 96-126.
161. Сидоров, Е. В. Онтология дискурса [Текст] / Е. В. Сидоров. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 232 с.
162. Сиротинина, О. Б. Что даёт изучению развития лексической системы внимание к «странным» фактам окружающей речи? [Текст] / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. М. А. Кормилицына. Саратов, 2016. – вып. 16. – С. 4–15.
163. Сиротинина, О. Б. Эффективность общения как одна из важнейших проблем современной коммуникативной практики [Текст] / О. Б. Сиротинина // Экология языка и коммуникативная практика. – Красноярск, 2018. – № 1. – С. 59–70.
164. Скулимовская, Д. А. Стратегии и тактики в политическом дискурсе (на материале выступлений Б. Обамы) [Текст] / Д. А. Скулимовская // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2017. – Вып. 1(61). – С. 106 – 112.

165. Солопова, О. А. Прецедентные высказывания в президентском дискурсе: переводческий аспект [Текст] / О. А. Солопова, А. П. Чудинов, Е. Д. Шлемова // Политическая лингвистика.–2017.–Том 2 (62).– С.47-54.
166. Соснин, В. А., Лунев, П. А. Учимся общению: взаимопонимание, взаимодействие, переговоры, тренинг [Текст] / В. А. Соснин, П. А. Лунев – М.: Институт психологии РАН. – 1993. – 156 с.
167. Спиридовский О. В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О. В. Спиридовский. – Воронеж, 2006. – 23 с.
168. Степанов, В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации [Текст] / В. Н. Степанов. – СПб.: Роза мира, 2008. – 268 с.
169. Степанова, М. М. Лексические особенности предвыборного дискурса США [Текст] / М. М. Степанова // Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникация. Материалы международной конференции 19–21 июня 2009 года. – Ярославль: Ремдер, 2009. – С. 482–486.
170. Степанова, М. А. Праздничное обращение главы государства к нации как идеологема (на материале речей В. В. Путина) [Текст] / М. А. Степанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – С. 160-163.
171. Стернин, И. А. Проблема неединственности метаязыкового описания языковых единиц в лингвистике [Текст] / И. А. Стернин // Психолингвистика и лингвоконцептология: сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Вып. 5. – Воронеж: Истоки, 2012. – С. 8–17.
172. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика [Текст] / И. П. Сусов. – Винница: Нова книга, 2009. – 272 с.

173. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
174. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 228 с.
175. Тогошиева, Н. Е. Аксиологические стратегии аргументативного дискурса (на материалах политической риторики) [Текст] / Н. Е. Тогошиева // Вестник Бурятского государственного университета, 2010. – № 11. – С. 98–102.
176. Трошина, Н. Н. Культура языка и языковая рефлексия: Аналитический обзор [Текст] / Н. Н. Трошина. – М.: 2010. – 64 с.
177. Ушакова Т. Н., Латынов В. В., Павлова А. А., Павлова Н. Д. Ведение политических дискуссий. Психологический анализ конфликтных выступлений [Текст] / Т. Н. Ушакова, В. В. Латынов, А. А. Павлова. – М.: Академия, 1995. – 155 с.
178. Ушакова, Т. Н., Павлова Н. Д. и др. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса [Текст] / Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова – СПб.: Алетейя, 2000. – 316 с
179. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг. [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. А. Филинский. – Тверь, 2002. – 163 с.
180. Фирсова М. А. Пейоративная лексика в речи В. В. Путина как инструмент защиты чести и достоинства России [Текст] / М. А. Фирсова // Современные исследования в филологии, лингводидактике и журналистике: сб. науч.-метод. статей. – 2018. – С. 229-234.
181. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения [Текст] / Н. И. Формановская. – М.: ИКАР, 1998. – 294 с.

182. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход [Текст] / Н. И. Формановская. – М., Рус.яз., 2002. – 216 с.
183. Хазагеров, Г. Г. Политическая риторика [Текст] / Г. Г. Хазагеров. – М.: Николо-Медиа. – 2002. – 313 с.
184. Харламова, Т. В. Политический дискурс как отражение общественных процессов (на материале предвыборной кампании в США 2004 г.) [Текст] / Т. В. Харламова // Романо-германская филология. – Саратов, 2004. - Вып. 4. - С. 240-245.
185. Хроменков, П. Н. Технологии информационных войн с позиций лингвоконфликтологии [Текст] / П. Н. Хроменков // Иностранные языки в высшей школе. – 2015. – № 2 (33). – С. 76-80.
186. Худяков, А. В. Современные исследования президентского дискурса: теоретические предпосылки и перспективы [Текст] / А. В. Худяков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2 (44). – С. 206-208.
187. Чантуридзе, Ю. М. Афроамериканский политический дискурс. дис...канд.филол.наук [Текст]: 10.02.04 / Ю. М. Чантуридзе. –Москва, 2015. – 187 с.
188. Чащина, А. М. Анализ дискурса политического интервью: стратегия самопрезентации [Текст] / А. М. Чащина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Языкознание и литературоведение. – 2015. – № 19 (730). – С. 273-281.
189. Чернявская, В. Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ речевого воздействия [Текст] / В. Е. Чернявская – М. Директ-Медиа, 2014. – 259 с.
190. Чернявская, В. Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ речевого воздействия. – М.: Директ-Медиа. – 2014. – 259 с.

191. Чистякова, И. Ю., Комарова О. Ф. Эффективность риторического воздействия: стратегии и тактики нового времени [Текст] / И. Ю. Чистякова, О. Ф. Комарова // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 3 (63). – С. 6-11.
192. Чудинов, А. П. Современная политическая коммуникация: Учебное пособие [Текст] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал.гос.пед.ун-т. – 2009. – 292с.
193. Чудинов, А. П. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров / А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова, М. В. Никифорова // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – М., 2018. – Т. 9, вып.1. – С. 14-31.
194. Шаховский, В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность [Текст] / В. И. Шаховский. – Сб.: Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград: Волгр. пед. ин-т, 1990. – 349с.
195. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н. Ю. Шведова. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 378 с.
196. Шейгал, Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал // Жанры речи, № 3. – Саратов, 2002. С. 205–214.
197. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса дис...док.филол.наук [Текст]: 10.02.01, 10.02.19 / Елена Иосифовна Шейгал. Волгоград, 2000. – 440 с.
198. Шилихина, К. М. Ироническое выражение деонтической оценки в общественно-политическом дискурсе [Текст] / К. М. Шилихина // Политическая лингвистика. – 2013. – № 1 (43). – С. 121–127.
199. Ширяев, Е. Н. Семантико-синтаксическая структура русского разговорного диалога. Русский язык в научном освещении [Текст] / Е. Н. Ширяев. – № 1. – М., 2001. – С. 132–147.

200. Шустрова, Е. В. Дискурс Барака Обамы: приемы и образы [Текст] / Е. В. Шустрова // Политическая лингвистика. – 2010. – № 2 (32). – С. 77–91.
201. Шустрова, Е. В. Карикатурные образы Барака Обамы [Текст] / Е. В. Шустрова // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1 (39). – С. 74–83.
202. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л. В. Щерба. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
203. Яковлева, А. С. Категория оценки в публичных политических речах П. А. Столыпина и Отто Фон Бисмарка (на материале русского и немецкого языков) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Тюмень, 2006. – 28 с.
204. Яренчук, Е. Э. Коммуникативный саботаж в интерактивно-аналитическом дискурсе (на материале шоу) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Курск, 2013. – 19 с.

Приложение

Примеры диалогических единств, состоящих из иницилирующей реплики говорящего, содержащей критику, и реагирующей реплики президента

Пример 1. Фрагмент пресс-конференции В. В. Путина, 19.12.2013 г.

Р. Цимбалюк: Цимбалюк Роман, украинское агентство УНИАН. Спасибо, что Вы начали с Украины.

В. В. Путин: Я не начинал с Украины. Я, честно говоря, рассчитывал, что эти вопросы будут, но думал, что где-то в середине.

Р. Цимбалюк: Но Ваш всё-таки пул начал эту тему. Я всё-таки хотел у Вас уточнить в продолжение по скидке на газ. Как так получилось: вы три года душили Украину ценами на газ и тут неожиданно цену снизили – значит ли

это, что до этого цена была «братская» – несправедливая и завышенная для Украины? Вы говорили, что даже это – временные договорённости, и надо идти дальше. О чём, собственно, речь? И, если можно, уточните, эти 15 миллиардов – это отказ Украины от ассоциации с Европейским союзом? Сколько вы готовы ещё заплатить, чтобы...

В. В. Путин: Ну вот, уже разговор пошёл серьёзный. А сколько вам надо?

Р. Цимбалюк: Секундочку. Чтобы окончательно отвести официальный Киев смотреть в сторону Европы. Спасибо большое. Украинское агентство УНИАН.

В. В. Путин: Ладно, Вы меня порадовали своим вопросом. Я начну всё-таки с коллеги, который начал формулировать эту тему. В целом, как я и предполагал, это практически одно и то же.

Почему мы приняли такое решение по кредитованию и по ценам на газ? Я сейчас это прокомментирую. Вы знаете, совершенно серьёзно вам скажу, без всякой иронии, мы часто употребляем словосочетания «братская страна», «братский народ». Сегодня мы видим, что Украина находится в сложном положении: и экономическом, и социальном, и политическом. Ситуация возникла по ряду обстоятельств и причин, но эта ситуация объективная. И если мы действительно говорим, что это братский народ и братская страна, то мы и должны поступить, как близкие родственники, и поддержать украинский народ в этой сложной ситуации.

Уверяю вас, что это самая главная причина, по которой мы приняли эти решения. Обращаю ваше внимание на то, что мы так же активно работали с прежним правительством Украины, которое возглавляла Тимошенко, работали очень напряжённо по всем направлениям.

Кстати говоря, именно её правительство подписало тогда газовый контракт. И я считал и считаю, что этот контракт абсолютно экономически обоснован и находится в полном соответствии с нашей практикой работы с другими инопартнёрами. Формула цены точно такая же, как для всех наших потребителей в Европе. И не нужно здесь ничего придумывать.

И никто никого не душил. С самого начала говорили, в том числе и на Украине, и, в общем-то, справедливо говорили: «Если мы хотим быть независимыми, надо за это заплатить, вести себя как независимая страна и действовать по общепринятым в европейской практике и в мировой практике нормам». Именно на этих нормах и основан контракт, который был подписан в своё время.

Почему сегодня мы пошли на изменения в контракте? Почему мы сегодня предоставляем им кредиты? Ведь мы говорили о том, что если кто-то хочет субсидировать украинскую экономику, то пусть это делает, но не за наш счёт.

Мы говорили это, когда спорили как раз по энергетическим проблемам. Я и сейчас так считаю. Нечего к нам обращаться, особенно третьим странам, с предложением снизить цены или ещё что-то сделать. Если кто-то хочет это сделать, пусть делает.

Повторяю ещё раз, мы пошли сегодня на те решения, о которых вы знаете, в силу сложной ситуации в украинской экономике. Она сложилась из-за ряда причин, как я сказал.

Я сейчас не буду анализировать внутренние причины, они тоже есть, так же как у нас, и я об этом говорил в Послании. У нас тоже есть внутренние причины известных экономических сложностей, на Украине есть свои, но есть и внешние, они носят объективный характер.

В чём заключаются эти внешние сложности. В конъюнктуре рынка по основным товарным группам Украины. Украина примерно равное количество товаров продаёт как в Россию, так и в страны Евросоюза, примерно, я сейчас могу ошибиться, но где-то по 17 миллиардов долларов. Но структура этих товарных потоков разная. Если из 17 миллиардов продаваемых на российский рынок товаров украинского производства семь, а может быть, и больше приходится на машины и оборудование и только около 2 миллиардов – на машины и оборудование в Европу, то при продаже в Европу пять с лишним миллиардов – это товары сельхозгруппы,

продовольствие. Понимаете, в чём дело? Здесь я Вам как спортсмен-любитель могу сказать: нам нужно немножко пошевелить мускулами, и всё станет ясно.

А что станет ясно? Станет ясно, что если... Сейчас говорили про ассоциацию. Мы разве против ассоциации? Мы вообще не против ассоциации, мы просто говорим, что вынуждены будем защищать свою экономику, потому что распахнутые ворота в рамках зоны свободной торговли с Украиной сегодня мы не можем оставить в таком состоянии, если Украина распахнёт свои ворота в сторону Евросоюза. И мы вынуждены будем это прикрыть. Что это означает, если сопоставить с товарными потоками? Это означает, что продукция машиностроения и дальше будет припадать, потому что она в основном реализуется на российском рынке, а товары сельхозгруппы, продовольствие, вряд ли будут расти в европейском направлении, потому что там очень много ограничений нетарифного свойства, связанных с фитосанитарными ограничениями. Они научились это делать. А в документах, которые предлагались к подписанию, нет никаких преференций для украинских товаров. Или попробуйте объяснить фермерам во Франции, в той же Германии, в Испании, в Греции, в Португалии, в странах юга Европы, что нужно им немножко прижаться в интересах Украины. Я посмотрю на их реакцию. Но только не каких-то функционеров, а работяг, которые на земле работают. Кроме того, денег никаких нет.

В этих условиях мы приняли, с одной стороны, решение, связанное с нашими особыми отношениями с Украиной. И, повторяю ещё раз, не в интересах какого-то действующего даже руководства, а в интересах именно украинского народа.

Во-вторых, исходя из прагматичных соображений. Ведь это не первое решение подобного рода. Вы как-то мимо ушей пропускаете некоторые вещи. Ведь «Газпром» дважды подписывал дополнения к действующему контракту о переносе платежей сначала на октябрь, потом на ноябрь. Сейчас ещё раз перенесли платежи. Мы реально понимаем, что есть сложности с

платёжеспособностью. Так зачем же добивать своего основного партнёра? Поэтому это прагматичное решение. Действительно, оно носит временный характер, это дополнение.

Мы рассчитываем на то, что нам удастся найти какие-то решения долгосрочного характера, которые позволят сохранить эту цену и позволят нам совместно работать более глубоко друг с другом. Ведь мы ещё много лет назад при президенте Кучме предлагали совместное использование, скажем, ГТС Украины. Причём не собирались покупать, не собирались её забирать в собственность, она оставалась бы собственностью украинского государства. Предлагали создать консорциум из российских, европейских и украинских предприятий, взять его в управление, содержать и так далее. Все сказали: «Да». И всё потом завалили. К чему привело? Привело к тому, что мы сейчас построили «Северный поток» и приступили к «Южному». Стоимость самой ГТС Украины уже приближается к минимальным отметкам. Понимаете?

То же самое происходит в сфере промышленности. Вы, наверное, знаете, а кто не знает, я скажу: вертолётные двигатели мы почти на 100 процентов закупали до сих пор на Украине для наших Вооружённых Сил. Почти на 100 процентов. Мы много раз предлагали различные варианты кооперации. Договориться не удалось. К чему это привело? Мы сейчас под Петербургом начали строить второй завод по производству авиационных двигателей. Первый уже работает, продукция выпускается, причём это же двигатели следующего поколения. Куда украинский производитель пойдёт с тем, что они производят у себя? В Европу будет продавать? Я очень сомневаюсь. Наверное, это возможно, но очень сложно.

Далее. Я не случайно сказал вам про структуру товарных потоков на Украине. Из 17 миллиардов к нам 7 – машины и оборудование, в Европу 5 – это сельское хозяйство. Но если Украина примет технические стандарты ЕС, они к нам вообще ничего не смогут продавать. Понимаете? Значит, Украина станет сразу – это по определению просто, даже думать особо не нужно, нужно почитать только бумажки – так называемым «сельхозпридатком». Но

и придатки бывают разные: бывают здоровые, бывают не очень. Ведь чтобы пробраться с украинским товаром на европейский рынок, надо ещё поработать. Где преференции? Никаких преференций ведь нет в этих бумагах.

Я думаю, что именно это беспокоит украинское руководство сегодня. Ведь легко сказать: да, давайте мы «подзакроем» там предприятие, ничего страшного, зато потом всё будет, как Европе. Но до этого дожить нужно. А многие предприятия просто закроются, они не доживут. В этом же всё дело. А можно ли переходить, скажем, на эти стандарты, на торговые нормы? Можно и нужно, они хорошие. Но это требует времени и капиталовложений. Деньги нужны. И не 15 миллиардов. Сотнями миллиардов измеряется объём средств, которые нужны для модернизации предприятий. 15 миллиардов – это на поддержку бюджета, чтобы можно было заплатить зарплаты, пенсии, социальные пособия.

Мы считаем, что эта часть тоже достаточно прагматичная. Почему? Потому что да, это поддержка украинской экономики и украинского народа, без всяких сомнений, но это средства ФНБ, как вы знаете, наших резервных фондов. У нас в резервах Правительства на сегодняшний день 175 миллиардов долларов, и ещё 515 миллиардов долларов – золотовалютные резервы Центрального банка. Эти средства – 15 миллиардов – мы даём из резервов Правительства, из ФНБ, на коммерческих условиях, 5 процентов с купона. По требованию украинской стороны эти украинские бумаги будут размещены на ирландской бирже, и по предложению украинской стороны менеджером этой сделки будет «ВТБ Капитал». Это не наше предложение, мы готовы были на любого менеджера. Вот в этом суть наших предложений и договорённостей. Это никак не связано ни с майданом, никак не связано с европереговорами Украины. Мы просто видим, что Украина в сложном положении, и её нужно поддержать. У нас есть такая возможность, и мы её используем. Повторяю ещё раз, имея в виду наши особые отношения с

Украиной и желая сохранить кооперацию, в которой мы тоже заинтересованы.

Кстати говоря, эти товарные потоки машиностроительной продукции, которые идут к нам с Украины, – это же всё наследие кооперации, которая ещё досталась из Советского Союза. Там много архаичного, но в целом это огромные наши конкурентные совместные преимущества, которые нужно грамотно использовать и развивать. И мы можем это сделать на благо как украинской, так и российской экономики.

В конечном итоге, я уже много раз говорил, сами украинские политики, экономисты, эксперты должны посчитать и принять прагматичное решение, что выгоднее – так поступить или иначе. Мы не настаиваем ни на чём. Но вот эти 15 миллиардов, о которых я сказал, – это возвратные деньги. Ещё раз хочу напомнить, 5 процентов с купона, размещены на Ирландской бирже, – по-моему, по английскому праву, поэтому они защищены. Я здесь не вижу никакого расточительства с нашей стороны. Но, конечно, это явная поддержка наших украинских друзей.

А что касается газа, то это одновременное решение. Оно может продлиться по договорённости между партнёрами. Очень рассчитываю на то, что в конечном итоге мы договоримся о какой-то долгосрочной совместной работе. Полагаю, что это вполне возможно. Спасибо.

Пример 2. Фрагмент пресс-конференции Б. Обамы, 19.12.2012

Ben Feller: Thank you, Mr. President. I'd like to ask you about the other serious issue consuming this town right now, the fiscal cliff.

B. Obama: Right.

Ben Feller: Haven't you betrayed some of the voters who supported you in the election by changing your positions on who should get a tax increase and by including Social Security benefits now in this mix? And more broadly, there

seems to be a deepening sense that negotiations aren't going very well right now. Can you give us a candid update? Are we likely to go over the cliff?

B. Obama: Well, first of all, there's no reason why we should. Remember what I said during the campaign. I thought that it was important for us to reduce our deficit in a balanced and responsible way. I said it was important for us to make sure that millionaires and billionaires paid their fair share. I said that we were going to have to make some tough cuts, some tough decisions on the spending side, but what I wouldn't do was hurt vulnerable families only to pay for a tax cut for somebody like me. And what I said was that the ultimate package would involve a balance of spending cuts and tax increases.

That's exactly what I've put forward. What I've said is, is that in order to arrive at a compromise, I am prepared to do some very tough things -- some things that some Democrats don't want to see and probably there are a few Republicans who don't want to see either. But the only way that we're going to be able to stabilize the economy, make sure we've got a platform for long-term economic growth, that we get our deficits under control and we make sure that middle-class families are protected is if we come up with something that members of both parties in Congress can support.

And that's the plan that I've put forward. I have gone at least halfway in meeting some of the Republicans' concerns, recognizing that even though we campaigned on these issues, even though the majority of Americans agree with me that we should be raising taxes on the wealthiest few as a means of reducing the deficit, I have also said that I'm willing to identify some spending cuts that make sense.

And, frankly, up until about a couple of days ago, if you looked at it, the Republicans in the House and Speaker Boehner I think were in a position to say, we've gotten a fair deal. The fact that they haven't taken it yet is puzzling and I think a question that you're going to have to address to them.

I remain optimistic, though, because if you look at what the Speaker has proposed, he's conceded that income tax rates should go up -- except right now he

only wants to have them go up for millionaires. If you're making \$900,000, somehow he thinks that you can't afford to pay a little more in taxes. But the principle that rates are going to need to go up he's conceded.

I've said I'm willing to make some cuts. What separates us is probably a few hundred billion dollars. The idea that we would put our economy at risk because you can't bridge that gap doesn't make a lot of sense. So I'm going to continue to talk to the Speaker and the other leaders up in Congress. But, ultimately, they've got to do their job. Right now their job is to make sure that middle-class taxes do not go up and that we have a balanced, responsible package of deficit reduction.

It is there for all to see. It is a deal that can get done. But it is not going to be -- it cannot be done if every side wants 100 percent. And part of what voters were looking for is some compromise up here. That's what folks want. They understand that they're not going to get 100 percent of what they want. And for some reason, that message has not yet taken up on Capitol Hill.

And when you think about what we've gone through over the last couple of months -- a devastating hurricane, and now one of the worst tragedies in our memory -- the country deserves folks to be willing to compromise on behalf of the greater good, and not tangle themselves up in a whole bunch of ideological positions that don't make much sense.

So I remain not only open to conversations, but I remain eager to get something done. I'd like to get it done before Christmas. There's been a lot of posturing up on Capitol Hill, instead of just going ahead and getting stuff done. And we've been wasting a lot of time. It is the right thing to do. I'm prepared to get it done. But they're going to have to go ahead and make some adjustments.

And I'll just give you one other example. The Speaker now is proposing what he calls plan B. So he says, well, this would raise taxes only on folks making a million dollars or more. What that means is an average of a \$50,000 tax break for every millionaire out there, at the same time as we're not providing

unemployment insurance for 2 million people who are still out there looking for work. It actually means a tax increase for millions of working families across the country at the same time as folks like me would be getting a tax break. That violates the core principles that were debated during the course of this election and that the American people determined was the wrong way to go.

And so my hope is, is that the Speaker and his caucus, in conjunction with the other legislative leaders up there, can find a way to make sure that middle-class families don't see their taxes go up on January 1st; that we make sure that those things that middle-class families count on like tax credits for college, or making sure that they're getting some help when it comes to raising their kids through things like the child tax credit, that that gets done; and that we have a balanced package for deficit reduction, which is exactly what I've put forward.